Русскій Архивъ будетъ выходить въ 1876 году на прежнихъ основаніяхъ.

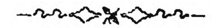
РУССКІЙ АРХИВЪ

1875. ИЗДАВАЕМЫЙ **10.**

Петромъ Бартеневымъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

☞ИЗДАНІЕ РУССКАГО АРХИВА ПЕРЕВЕДЕНО СЪ БЕРСЕНЕВКИ НА НИКИТСКІЙ БУЛЬВАРЪ, БЛИЗЪ ЦЕРКВИ СВЯТАГО ѲЕОДОРА СТУДИТА, ВЪ ДОМЪ ДЮГАМЕЛЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1875.

Въ Конторѣ Русскаго Архива (въ Москвѣ на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Дюгамеля) можно получать соединенныя въ отдѣльныя книги годовыя изданія Русскаго Архива.

1871 ГОДЪ. *Книга первая* (Записки Г. И. Ржевской.—Знакомство съ Шишковымъ, изъ Записокъ Д. Н. Свербеева. — Правда о Сусаниннѣ. — Бумаги князя А. А. Черкасскаго. — Записки Арндта о 1812 годѣ.—П. Н. Свистуновъ, по поводу Записокъ Якушкина. — Записки И. И. Неплюева. — Переписка императора Александра Павловича съ княземъ Адамомъ Чарторыжскимъ.—Письма Гоголя къ Жуковскому.—Письма Жозефа де Местра о Россіи.—Записки Н. И. Греча, и пр.) Цѣна 4 рубля.

1871 ГОДЪ. *Книга вторая.* (Письма Екатерины II-й къ графу И. Г. Чернышеву и А. Н. Сенявину.—Послѣдніе четыре года въ жизни Суворова.—Біографія Сумарокова.—Воспоминанія А. О. Смирновой.—Н. И. Тургеневъ, воспоминаніе Д. Н. Свербеева.—Переписка гр. С. С. Уварова съ М. П. Погодинымъ.—Еще тѣнь Петра III-го.—Сказанія о родѣ дворянъ и графовъ Милорадовичей и пр.) Цѣна 3 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга первая.* (Воспоминанія Ѳ. П. Лубяновскаго.—Письма Екатерины II-й къ Московскимъ главнокомандующимъ.—Записка графа Нессельроде о Русской политикѣ послѣ Парижскаго мира.—Мининъ и Пожарскій, статьи И. Е. Забѣлина.—Воспоминанія А. Н. Аѳанасьева.—Картина Франціи 1823 года, сочиненіе графа Ѳ. В. Ростопчина.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ и пр.). Цѣна 4 рубля.

1872 ГОДЪ. *Книга вторая* (Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Записки Вебера о Петрѣ Великомъ.—Біографія Е. А. Энгельгардта.—Письма Грибоѣдова къ Родофиникину.—Письма Поздѣева —Письма графа С. Р. Воронцова къ графу Ѳ. В. Ростопчину. — Выдержки изъ старой записной книжки. — Письма М. А. Волковой къ В. И. Ланской, 1812 года.—Общій указатель Русскаго Архива за десять лѣтъ и пр). Цѣна 3 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга первая* (Восточная Пруссія надъ Русскимъ владѣніемъ. — Біографія князя Г. Г. Орлова.—Письма о Франціи, князя Куракина, 1810 года.—

МОСКВА ВЪ 1812 ГОДУ *).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

„По мѣрѣ того, какъ болѣе достаточное народонаселеніе Москвы (разсказываетъ въ своихъ Запискахъ графъ Ростопчинъ) выѣзжало изъ столицы, въ Ярославль, Владиміръ, Рязань и Тулу, безпокойство и волненіе остающихся выражалось въ разныхъ химерахъ. На этотъ разъ волненіе было гораздо сильнѣе, нежели въ 1807 году; но выражалось въ такихъ же явленіяхъ. По городу передавались различныя сказки о видѣніяхъ, о голосахъ, которые слышались на кладбищахъ; пророчествовали, толкуя и приспособляя къ обстоятельствамъ нѣкоторыя выраженія Священнаго Писанія. Нашли въ Апокалипсисѣ предсказаніе о паденіи Наполеона и что Сѣверная сторона, которую захочетъ покорить Западъ, будетъ освобождена избранникомъ Божіимъ, по имени Михаиломъ. По счастію, для утѣшенія суевѣрныхъ, Барклай, Кутузовъ и Милорадовичъ назывались Михаилами. Даже были споры объ этомъ, и народъ говорилъ: если не Кутузовъ, то великій князь Михаилъ Павловичъ. Ежедневно ко мнѣ являлись нѣкоторыя лица съ Библіею подъ мышкою, и тутъ же объясняли мнѣ съ таинственнымъ видомъ священныя изрѣченія и представляли сочиненныя ими молитвы. Но вдругъ ихъ подозрѣніе въ отношеніи къ иностранцамъ превратилось въ ненависть. Два раза составлялось уже предположеніе перебить ихъ; но трудно было привести это въ исполненіе, потому что иностранцы жили разбросанно по всему городу. Имѣвшіе такое намѣреніе боялись полиціи, которая разсѣяла бы всякое сборище. Иностранцы, особенно Французы, купцы, артисты и другіе, поселившіеся въ Москвѣ, предупрежденные мною чрезъ ихъ священниковъ, съ самаго начала войны, вели себя весьма благоразумно; но Русскій народъ никогда не смотрѣлъ на нихъ благосклонно, по случаю того привилегированнаго положенія, которымъ они пользовались въ качествѣ иностранцевъ, отнимая у него разныя выгоды торговли и работъ. Въ одно утро, гражданскій губернаторъ Обрѣзковъ объявилъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ весьма важное открытіе, и привелъ ко мнѣ портнаго, Русскаго человѣка, отличнаго поведенія, достаточнаго, немолодаго. Когда увидѣлъ его Обрѣзковъ, то замѣтилъ, что онъ разстроенъ и спросилъ о причинѣ. Онъ отвѣчалъ, что лишился сна и пищи, что многіе изъ его учениковъ точно также больны, какъ и онъ, и что единственное средство противъ этой болѣзни—кровь Французовъ. Обрѣзковъ показалъ видъ, что одобряетъ это лекарство и заставилъ его высказаться. Оказалось, что онъ уже подговорилъ человѣкъ 300 портныхъ и еще надѣется къ завтрашнему дню подговорить

*) См. выше, стр. 5 и вторую книгу Русскаго Архива сего года.

нѣсколько сотенъ, чтобы ночью идти на Кузнецкій мостъ и перебить всѣхъ живущихъ тамъ Французовъ. Этотъ портной и мнѣ повторилъ всѣ эти подробности. Тогда я отдалъ его подъ надзоръ, приставилъ къ нему полицейскаго офицера, чтобы онъ никуда его не выпускалъ и объявилъ, что онъ будетъ отвѣчать за все, что можетъ случиться въ этомъ родѣ. Я отправилъ къ нему цирюльника, велѣлъ пустить ему кровь, и онъ остался спокоенъ. Подговоренные этимъ хозяиномъ портные, видя, что онъ задержанъ, перестали думать о ночной экспедиціи, которая бы окончилась страшнымъ кровопролитіемъ и возмущеніемъ".

Очевидно, этотъ хозяинъ-портной былъ сумашедшій, быть можетъ сошедшій съ ума именно въ слѣдствіе тогдашнихъ обстоятельствъ и что его разсказы о сотняхъ сотоварищей были простымъ бредомъ больнаго воображенія; ибо всѣ они остались спокойны, лишь только его взяли подъ стражу. Конечно, подобнаго человѣка нельзя было оставлять на свободѣ; но графъ Ростопчинъ придалъ этому случаю весьма важное значеніе, принявъ его за выраженіе общаго настроенія народа. „Увѣрившись въ народномъ раздраженіи, чтобы его успокоить и смягчить бѣшенство, я приказалъ полиціи доставить мнѣ списокъ 40 человѣкъ иностранцевъ, замѣченныхъ по нѣкоторымъ выходкамъ и дурному поведенію. Я приказалъ ихъ взять и днемъ, въ виду всѣхъ, посадить на барку, которая и отвезла ихъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ они были отданы подъ надзоръ. Я объявилъ Москвѣ, что эти иностранцы—люди подозрительные, которыхъ удаляютъ по просьбѣ ихъ-же соотечественниковъ, честныхъ людей. Эта мѣра, вынужденная обстоятельствами, спасла жизнь этимъ 40 плавателямъ, потому что вѣроятно они послѣдовали бы за Французскою арміею и всѣ погибли бы во время ея отступленія".

Съ 18 Августа и до 22-го, когда этихъ людей посадили на барку и отправили внизъ по Москвѣ рѣкѣ, было схвачено полиціею 40 человѣкъ, большею частію Французовъ и заключено подъ стражу въ домѣ Лазарева. Конечно эти захваты, производившіеся открыто, въ виду народа, во всякое время дня, должны были волновать его. Толпы любопытныхъ зрителей собирались вокругъ дома, въ которомъ были заключены захваченные. Передъ вечеромъ, 22 Августа, къ нимъ явился полицеймейстеръ Волковъ. „Господа, сказалъ онъ имъ, я пришелъ исполнить непріятную обязанность въ отношеніи къ вамъ. Я исполню ее съ полнымъ участіемъ къ вашему положенію. Но я долженъ васъ предупредить, для вашей же пользы, что офицеръ, который будетъ при васъ, получилъ самыя строгія предписанія. Не ухудшайте вашей участи и не вынудите прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ". Онъ провелъ ихъ чрезъ толпы народа, который въ большомъ количествѣ собрался на набережной Москвы-рѣки. Молча смотрѣла толпа на это зрѣлище, хотя за этимъ молчаніемъ испуганные Французы весьма естественно подозрѣвали грозное недоброжелательство. „Это видимое спокойствіе прикрывало сильныя страсти", говоритъ одинъ изъ захваченныхъ, считая однакоже, что эти страсти возбуждены умышленно пущенными въ народъ подстрекателями. Становилось уже темно. Волковъ первый вошелъ на барку и при свѣтѣ фонаря вызвалъ по списку, въ слѣдъ за собою, 40 человѣкъ невольныхъ путешественниковъ, которымъ дали потомъ прочесть слѣдующее заявленіе: „Французы, вашъ императоръ въ одномъ изъ воззваній къ войскамъ сказалъ: Французы, вы столько разъ говорили, что меня любите; докажите мнѣ это, слѣдуя за мною въ страны Гиперборейскія, гдѣ царствуютъ зима и отчаяніе и гдѣ государь открываетъ свои порты Англичанамъ, нашимъ вѣчнымъ врагамъ. Французы! Россія дала вамъ убѣжище, а вы не переставали замышлять противъ

нея. Чтобы избѣжать кровопролитія, не зачернить страницы нашей исторіи, не подражать сатанинскимъ бѣшенствамъ вашихъ революціонеровъ, правительство вынуждено васъ удалить отсюда. Вы будете жить на берегу Волги, посреди народа мирнаго и вѣрнаго своей присягѣ, который слишкомъ презираетъ васъ, чтобы дѣлать вамъ вредъ. Вы на нѣкоторое время оставите Европу и отправитесь въ Азію. Перестаньте быть негодяями (mauvais sujets) и сдѣлайтесь хорошими людьми, превратитесь въ добрыхъ Русскихъ гражданъ изъ Французскихъ, какими вы до сихъ поръ были; будьте спокойны и покорны, или бойтесь еще бóльшаго наказанія. Войдите въ барку, успокойтесь и не превратите ея въ барку Харона. Прощайте, добрый путь!" „Это грозное объявленіе привело насъ въ ужасъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за его прочтеніемъ. Волковъ, смущенный обязанностью объявить намъ эту оскорбительную рѣчь, сказалъ намъ потомъ нѣсколько любезныхъ словъ. Потомъ онъ простился съ нами и сошелъ на берегъ, унося нашу признательность, которую мы навсегда сохранимъ". По знаку, данному съ берега, барка отчалила и поплыла внизъ по теченію рѣки, при возгласахъ толпы: ура! [1]). Это заявленіе прочитано было Французамъ, отправляемымъ въ ссылку не отъ имени графа Ростопчина; но, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію, что оно имъ написано и по его приказанію дано имъ для прочтенія. Онъ не упоминаетъ о немъ въ своихъ Запискахъ о 1812 г. Вѣроятно въ послѣдствіи онъ понялъ все неприличіе издѣваться надъ людьми, обреченными на ссылку и находившимися въ полной отъ него зависимости. Самолюбіе не позволило ему признаться въ увлеченіи, и онъ обошелъ этотъ эпизодъ молчаніемъ.

Нельзя также не обратить вниманія на то, что начало разсказа противорѣчитъ концу: въ концѣ графъ Ростопчинъ говоритъ, что спасъ Французамъ этимъ жизнь, потому что они *вѣроятно* послѣдовали бы за арміею Наполеона; въ началѣ же, говоря о сумашедшемъ портномъ, онъ объясняетъ, что рѣшился приступить къ высылкѣ нѣкоторыхъ Французовъ

---

[1]) Это любопытное посланіе трудно поддается переводу на другой языкъ, а потому помѣщаю его во Французскомъ подлинникѣ:

„Français, votre empereur a dit, dans une proclamation à son armée: Français, vous m'avez dit tant de fois que vous m'aimiez; prouvez-le moi donc en me suivant dans les regions hyperborées, où regnent l'hiver et la désolation et où le souverain ouvre ses ports aux Anglais, nos éternels ennemis... Français, la Russie vous a donné l'asile, et vous n'avez cessé de faire de voeux contre elle. C'est pour éviter un massacre et ne pas salir les pages de notre histoire par imitation de vos infernales fureurs révolutionnaires que le gouvernement se voit obligé de vous éloigner. Vous irez habiter les bords du Volga, au milieu d'un peuple paisible et fidèle à ses serments, qui vous méprise trop pour vous faire du mal; vous quitterez pour quelque temps l'Europe et vous irez en Asie. Cessez d'être mauvais sujets et devenez bons; métamorphosez vous en bons bourgeors russes de citoyens français que vous étiez; restez tranquilles et soumis, ou craignez un châtimemt rigoureux. Entrez dans la barque, rentrez en vous-mêmes et n'en faites pas une barque à Caron. Salut et bon voyage!" Полторацкій, Rostopschine, notice littéraire et bibliographique. Hamburg, 1854, стр. 17.—Шнитцлеръ, Rostopchine et Koutousof, стр. 125—126.—Armand Domergue, la Russie pendant les guerres de l'empire, т. I, стр. 253—260.—Бантышъ-Каменскій, Словарь достопам. людей, т. III, стр. 134.

изъ Москвы, когда убѣдился, что народъ сильно раздраженъ противъ нихъ и тѣмъ самымъ какъ бы даетъ понять, что онъ хотѣлъ ихъ спасти отъ ярости черни. Такъ и понимали эту мѣру современники, хотя и считали ее совершенно излишнею. „Въ это время, *увлекаясь мечтою*, графъ придумалъ (говоритъ С. Н. Глинка, вообще одобрявшій всѣ мѣры главнокомандующаго) высылку изъ Москвы нѣкоторыхъ уроженцевъ Франціи на баркѣ въ струи Волжскія. Въ посланіи къ нимъ онъ сказалъ: взойдите на барку и войдите въ самихъ себя. Это пофранцузски каламбуръ или шутка: entrez dans la barque et rentrez dans vous-même. Но для высылаемыхъ это было не шуткою. *Опасались*, быть можетъ, *что народъ*, при вторженіи Наполеона въ Москву, *посягнетъ на нихъ*. Я близокъ былъ къ народу, я жилъ съ народомъ на улицахъ, на площадяхъ, на рынкахъ, вездѣ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ Москвы и живымъ Богомъ свидѣтельствуюсь, что никакая неистовая ненависть не волновала сынов Россіи" [2]). Народъ посягалъ только на тѣхъ иностранцевъ, которыхъ, по ихъ же какимъ либо неосторожнымъ поступкамъ, подозрѣвалъ въ шпіонствѣ. Онъ ловилъ ихъ и приводилъ къ главнокомандующему, по его же наставленію.

Но что же это были за Французы, которыхъ графъ Ростопчинъ выпроводилъ изъ Москвы? „Для *удовольствія* народа, писалъ графъ Ростопчинъ Балашеву, отобравъ 43 человѣка изъ самыхъ замѣченныхъ по поведенію и образу мыслей Французовъ, нанявъ до Нижняго Новгорода барку, завтра ночью забравъ, отправлю водою, а оттуда въ Саратовъ и далѣе. Сухимъ путемъ отправленіе въ десять разъ стоило бы дороже. Расположеніе народа таково, что ежедневно заставляетъ меня плакать отъ радости. Всѣ предосторожности и мѣры приняты, чтобъ невозможно было бить въ набатъ. Это дѣлается изъ подъ ташка и, кажется, все придумано, чтобъ спокойствіе нарушено не было. Третьяго дня былъ пожаръ, сгорѣлъ одинъ деревянный домишка, въ которомъ жилъ переплетчикъ. Народу сбѣжалось множество, а причина была мысль, что зажжено и чтобы ловить зажигальщиковъ; но я ихъ успокоилъ и, все погася, пошли спать спокойно" [3]). Нѣсколько дней спустя, онъ писалъ Балашеву же: „Французовъ 40 человѣкъ, коимъ при семъ прилагаю списокъ, на баркѣ въ Саратовъ отправилъ. Это выборная каналья изъ каналій". Въ ихъ числѣ были книгопродавецъ Алляртъ и типографщикъ Семенъ, которыхъ онъ считалъ Иллюминатами, 14 учителей, 9 торговцевъ модными товарами, режиссеръ Французскаго театра, Арманъ Домергъ и его помощникъ, балетмейстеръ; остальные были фабриканты, ремесленники, даже одинъ Еврей и трое Нѣмцевъ. Большая часть изъ нихъ были люди семейные и связанные личными выгодами съ Россіею [4]). Путешествіе этихъ изгнанниковъ изъ Мос-

---

[2]) С. Н. Глинки, Записки о 1812 г., стр. 42.

[3]) Письма графа Ростопчина къ Балашеву отъ 18-го и 23 Авг. 1812 г.

[4]) Сосланы были: Алляртъ (Allart) книгопродавецъ; Оберъ-Шальме (Aubert-Chalmet) торговецъ; Оже (Auger) учитель; Арманъ (Armand) торговецъ модными товарами; Арманъ Домергъ (Armand Domergue), режиссеръ Французскаго театра; Бекерсъ (Beckers), Нѣмецъ, торговецъ модными товарами; Демонси (Demoncy) тоже; Дюграво (Dugraveau) учитель; Етьенъ (Estienne) учитель; Файо (Fayot) изъ Женевы, учитель; Герсони (Guersoni)—Нѣмецкій Еврей, Жилле (Gillet)—фабрикантъ картъ; Гуттъ (Goutte)—торговецъ модными товарами; Гейдеръ (Heider) Швейцарецъ, фабрикантъ; Жако (Jacquot)—плюмажникъ; Ламираль (Lamiral)—бывшій балетмейстеръ; Латуръ (Latour)—учитель; Лоне (Launay) торговецъ кружевами; Лаво (Lavaux) — живописецъ; Леруа (Leroy) — учитель;

квы, по Москвѣ-рѣкѣ, до Коломны, а оттуда по всему теченію Оки до Нижняго Новгорода, весьма замѣчательно, потому что совершилось въ то время, когда непріятель занималъ Москву, когда всѣ окрестныя губерніи были взволнованы, и народное ожесточеніе противъ врага достигло до высшей степени; а между тѣмъ совершилось оно такъ спокойно, какъ бы въ мирное время. Въ продолженіи трехъ дней, когда барка, тихо подвигаясь по извилинамъ обмелѣвшей Москвы-рѣки, удалилась только на 40 верстъ отъ столицы,—жены, дочери и родственницы сосланныхъ по нѣскольку разъ пріѣзжали къ нимъ оттуда. „Не смотря на наше постепенное удаленіе, говоритъ одинъ изъ нихъ, не смотря на то, что онѣ были Француженки и на опасность ввѣряться Русскимъ кучерамъ, которыхъ настроеніе во всякомъ случаѣ могло внушать подозрѣнія, эти женщины рѣшались нѣсколько разъ пріѣзжать къ намъ. Конечно неблагоразумно было проѣзжать страну съ народонаселеніемъ взволнованнымъ, оставлявшимъ свои жилища, въ виду приближенія Наполеона; но чувство самосохраненія уступило мѣсто чувству сердечной привязанности: онѣ не могли вдругъ оставить насъ, не проститься снова, не оказать еще помощи несчастнымъ старикамъ, отцамъ, мужьямъ. Выѣзжая на разсвѣтѣ, эти женщины иногда блуждали по цѣлому дню, пока не находили нашу барку, пріѣзжали къ намъ вечеромъ и ночью должны были возвращаться въ Москву. Наши совѣты и увѣщанія не могли отклонить ихъ отъ этого. Каждый разъ онѣ привозили съѣстные припасы, матрацы, одѣяла, бѣлье, мѣха“. Четыремъ изъ этихъ женщинъ Волковъ позволилъ ѣхать вмѣстѣ съ мужьями. Такія посѣщенія прекратились только тогда, когда барка ушла довольно далеко и когда Французы заняли Москву.

Это путешествіе продолжалось почти два мѣсяца. Выѣхавъ изъ Москвы 22 Авг., иностранцы прибыли въ Нижній Новгородъ 17 Октября. По мелководью Москвы-рѣки въ это время года, до Коломны они ѣхали 8 дней. Одинъ офицеръ и нѣсколько инвалидовъ составляли ихъ стражу, которая позволяла имъ выходить на берегъ, въ сопровожденіи двухъ инвалидовъ. „Проходя по улицамъ Коломны, говоритъ Домергъ, мы могли понять, какое кровопролитное было сраженіе. Всѣ дома были наполнены ранеными: не знали, куда ихъ помѣщать, а между тѣмъ подходили новые обозы“. Знавшіе Русскій языкъ иностранцы разговаривали съ ранеными о военныхъ дѣйствіяхъ. „Все шло для насъ хорошо въ Коломнѣ; наша барка осторожно была причалена къ берегу, въ полу-верстѣ отъ города и не возбудила вниманія. Но послѣ обѣда, странность ли нашихъ одеждъ или нѣкоторые изъ Московскихъ выходцевъ, узнавшіе насъ, обратили на насъ вниманіе народа. Вдругъ посыпались на насъ брань и даже каменья, и мы едва добрались до нашей пловучей тюрьмы“. За Коломной они встрѣ-

---

Массонъ (Masson)—Нѣмецъ, басъ въ оркестрѣ Русскаго театра; Массонъ (Masson)—учитель фехтованія; Мейеръ (Meier) Нѣмецъ, торговецъ; Монтань (Montagne) — бывшій торговецъ; Морисо (Moriceau) — учитель Латинскаго языка; Мортье (Mortier)—учитель фехтованія; Палу (Palu)—учитель; Паоли (Paoli)—Нѣмецъ, винный торговецъ; Пиверъ (Pivert)—бронзовщикъ; Рено (Renaud)—учитель; Рей-Жоли (Rey-Joly)—учитель; Розъ (Rhoze) —помощникъ режиссера Французскаго театра; Сенгагатъ (Sainte-Agathe)—учитель; Сенвисанъ (Saint-Vicent)—учитель; Сегюи (Segui)—портной; Сименъ (Semèn) — типографщикъ; Тубо (Toubo)—табачный фабрикантъ; Веберъ (Weber) Швейцарецъ, торговый сидѣлецъ; Вилуанъ (Viloing)—поваръ; Ямницъ (Yamnitz)—Нѣмецъ докторъ (Арманъ Домергъ, La Russie pendant les guerres de l'empire, т. I, стр. 256—257; B...ch, Hist. de la destruction de Moscou, стр. 60—61).

тили караванъ барокъ съ военными запасами и ратниками, которымъ начальствовалъ Рязанскій губернскій предводитель дворянства Измайловъ. Завидя ихъ барку, онъ пріѣхалъ къ нимъ и, разузнавъ объ ихъ судьбѣ, оставилъ ихъ барку при впаденіи въ Оку Москвы-рѣки. „Его благоразумные совѣты и ободренія внушили намъ уваженіе къ нему". Они останавливались въ Рязани и спокойно ходили съ своими инвалидами по городу, гдѣ не только дома, но и площади и улицы были наполнены ранеными. Повсюду встрѣчались отряды ополченій, въ Касимовѣ, въ Муромѣ. „Наша покорность судьбѣ успокоила подозрѣнія офицера. Грубый въ рѣчахъ и движеніяхъ, онъ обладалъ однакоже здравымъ смысломъ, замѣнявшимъ ему недостатокъ и даже совершенное отсутствіе образованія. Онъ не смотрѣлъ уже на насъ, какъ на ссыльныхъ, которыхъ объявили ему безпокойными и опасными, и не только не отягощалъ нашей участи излишними строгостями, но напротивъ старался облегчить ее всѣми способами, не нарушавшими его обязанности. Пока мы находились въ Московской губерніи, страхъ, который онъ питалъ къ графу Ростопчину и весьма естественное опасеніе, чтобы наши соотечественники не освободили насъ, возбуждали въ немъ осторожность; но лишь только онъ освободился отъ этихъ заботъ, какъ исчезла его строгость". Онъ дозволялъ имъ выходить на берегъ для прогулокъ; они посѣщали ближнія деревни и покупали продовольствіе. Въ заключеніе, когда барка окончила свой путь, достигнувъ Нижняго Новгорода, этотъ офицеръ попросилъ ихъ-же дать ему свидѣтельство въ томъ, что они довольны его обращеніемъ съ ними [5]).

Мы остановились на этомъ путешествіи, разсказавъ его почти вполнѣ словами одного изъ этихъ ссыльныхъ, какъ на явленіи весьма важномъ для объясненія отношеній Русскаго простонародья къ *безоружнымъ* и *мирнымъ* Французамъ. Кромѣ непріятности въ Коломнѣ, не имѣвшей однакоже важныхъ послѣдствій, ничего враждебнаго съ этой стороны не встрѣтили путешественники въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ.

Но иначе думалъ графъ Ростопчинъ. „Не задолго до вторженія непріятеля въ Москву, „одинъ случай" (разсказываетъ онъ въ своихъ Запискахъ) могъ испортить все, что̀ я сдѣлалъ для поддержанія спокойствія въ городѣ. Наканунѣ Бородинской битвы, два ремесленника-Нѣмца, говорившіе плохо порусски, вступили въ споръ съ однимъ мѣнялою и имѣли глупость ему сказать: „Что̀ вы дѣлаете затрудненіе? Черезъ нѣсколько дней мы и даромъ возмемъ у васъ эти деньги". За бранью послѣдовали толчки, и два Нѣмца поплатились бы жизнью за свою безразсудную выходку, еслибы не находился близко полицейскій офицеръ, который ихъ защитилъ, задержалъ наиболѣе буйныхъ, и хотѣлъ Нѣмцевъ вести ко мнѣ; но народъ воспротивился, крича: *нашъ* графъ (такъ они меня называли) оправдаетъ ихъ, они не будутъ наказаны; гораздо лучше мы сами накажемъ шпіоновъ. Полицейскій офицеръ далъ знать объ этомъ происшествіи оберъ-полицімейстеру, который нашелъ болѣе надежнымъ и удобнымъ для себя донести объ этомъ мнѣ. Онъ засталъ меня дома, и я немедленно рѣшился отправиться на мѣсто сборища толпы. Я всегда принималъ за правило, что никогда не слѣдуетъ уступать толпѣ, потому что въ этомъ случаѣ она сейчасъ потеряетъ къ вамъ всякое уваженіе. Доброта есть слабость въ ея глазахъ, и можно сдѣлаться рабомъ такого господина, который никогда не знаетъ, что̀ онъ дѣлаетъ и рѣдко—чего онъ требуетъ.

---

[5]) Арманъ Домергъ, тамъ-же т. I, гл. VIII, IX, X и XI, стр. 244—334.

Подъѣхавъ къ въѣзду въ улицу, которая ведетъ къ лавкамъ, гдѣ происходила эта ссора, я нашелъ ее наполненную народомъ; я остановился и отправился одинъ, сказавъ оберъ-полиціймейстеру и находившимся при немъ чинамъ, чтобы они остались на мѣстѣ. Толпа разступилась передо мною, и я безъ всякихъ препятствій подошелъ къ этому мѣсту, гдѣ увидалъ двухъ Нѣмцевъ. Они сидѣли на тротуарѣ передъ лавками и казались сильно помятыми; квартальный офицеръ стоялъ передъ ними, загораживая ихъ собою. Раздавался крикъ. Я сдѣлалъ знакъ рукою, и все стихло. Со строгимъ видомъ я обратился къ толпѣ и спросилъ: по какому праву они осмѣливаются расправляться сами и душить людей, не умѣющихъ выражаться порусски? Всѣ молчали и стояли, снявши шапки, какъ вдругъ одинъ молодой человѣкъ, мелкій купчикъ, какъ видно было по одеждѣ, съ рѣшительностію отвѣчалъ: „пора народу дѣйствовать самому, когда вы отдаете его въ жертву иностранцамъ!" Такъ какъ онъ находился возлѣ меня, то сильнѣйшая ему пощечина была отвѣтомъ съ моей стороны. Онъ зашатался; а я закричалъ, чтобы скорѣе привели мнѣ каменьщика замазать ему известкою ротъ, который осмѣливается богохульствовать (qui blasphême). Толпа разступилась, и этотъ купчикъ убѣжалъ. Тогда я приказалъ квартальному взять извощика и отвезти Нѣмцевъ въ больницу, чтò и было исполнено безъ малѣйшихъ препятствій. Оставшись побѣдителемъ, я прочелъ надлежащее поученіе народу, который признался, что былъ виноватъ, что не знаетъ, кто были зачинщиками брани и просилъ меня простить молодаго человѣка, которому я далъ пощечину. Я его простилъ, заявляя имъ свое великодушіе, и вышелъ изъ этихъ обстоятельствъ крайне довольный, что такъ все кончилось".

Страсть къ сценическому искусству ярко выражается въ этомъ разсказѣ, съ любовью начертанномъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ разсказъ доказываетъ, до какой степени было легко успокоить взволнованную толпу, даже наканунѣ почти вторженія непріятеля. Она не только покорилась, когда явился генералъ-губернаторъ; но очевидно не была особенно возбуждена, когда квартальному надзирателю удавалось въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ оградить отъ ея нападеній неосторожныхъ Нѣмцевъ. Но этотъ случай однакоже имѣлъ вліяніе на самаго графа Ростопчина, и онъ рѣшался уже прибѣгнуть къ еще болѣе строгимъ мѣрамъ противъ иностранцевъ. „Иностранцы совсѣмъ не умолкаютъ (писалъ онъ къ Балашеву), и еще вчера одинъ громко проповѣдывалъ бунтъ, предсказывалъ все, чтò сдѣлаетъ здѣсь Бонапарте и ругалъ Государя. Такъ какъ обстоятельства чрезвычайныя, народъ озлобленъ и недоволенъ, что иностранныхъ я не жестоко наказываю: то послѣ завтра сего иностраннаго я прикажу повѣсить на Конной за возмущеніе". Но это письмо было писано 29 Августа, а черезъ два дня уже было рѣшено оставленіе Москвы, и потому казнь не могла состояться [6]).

Кромѣ Французовъ, графа Ростопчина озабочивали въ это время и другаго рода ссыльные, которыхъ подъ его надзоръ прислали въ Москву изъ арміи. Во время сраженія нашего авангарда при Молевомъ болотѣ, 27 Іюля, были захвачены бумаги генерала Себастіани. Въ числѣ ихъ нашелся приказъ на его имя отъ Мюрата, въ которомъ онъ извѣщалъ его о движеніяхъ Русскихъ войскъ на Рудню. Какимъ способомъ могъ узнать такъ своевременно и скоро Неаполитанскій король о рѣшеніи военнаго совѣта,

---

[6]) Письмо графа Ростопчина къ министру полиціи отъ 29 Августа 1812 г. Этотъ Французъ былъ Мутонъ, котораго графъ Ростопчинъ вывелъ народу вмѣстѣ съ Верещагинымъ.

бывшаго въ Смоленскѣ (25 Іюля)? Въ послѣдствіи объяснилось это странное обстоятельство: послѣ военнаго совѣта, бывшаго въ Смоленскѣ, полковникъ Толь съ нѣсколькими генералами продолжалъ разсужденія о предпринятыхъ движеніяхъ на улицѣ, противъ дома, гдѣ стоялъ флигель-адъютантъ кн. Любомірскій. Мать князя находилась въ своемъ имѣніи, въ Лядахъ. Подслушавъ этотъ разговоръ и заботясь о спокойствіи матери, онъ немедленно отправился къ нашимъ аванпостамъ, находившимся у г. Краснаго, подъ начальствомъ генерала Оленина и оттуда съ своимъ слугою послалъ письмо къ матери, извѣщая ее объ опасности пребыванія въ Лядахъ. Письмо пришло въ то время, когда въ ея домѣ помѣщалась главная квартира Мюрата, случайно или съ намѣреніемъ попало въ его руки и послужило поводомъ приказа, отданнаго имъ начальнику его авангарда генералу Себастіани [7]. Но въ то время, когда этотъ приказъ съ

[7]) Это свѣдѣніе основано на запискахъ Вольцогена, который передаетъ разсказъ князя Меньщикова, слышанный имъ отъ него уже въ 1818 г. въ Ахенѣ. Но въ то время подозрѣніе падало на самаго Вольцогена. „Въ войскахъ полагали, говоритъ онъ, что я нахожусь въ сношеніяхъ съ Французами и передаю имъ предположенія главнокомандующаго, и не только офицеры, Русскіе по происхожденію, но и простые солдаты смотрѣли на меня, какъ на измѣнника. Но Барклай отклонялъ мои опасенія и увѣрялъ, что съ своей стороны никогда не сомнѣвался въ моей вѣрности; но я не обманывался и когда сдѣлалась извѣстна записка Мюрата, всѣ убѣдились въ этомъ, и даже великій князь Константинъ прямо называлъ меня измѣнникомъ. Подозрѣвали также и нѣкоторыхъ Польскихъ офицеровъ, которыхъ Барклай вскорѣ и удалилъ изъ арміи“. „Въ послѣдствіи отъ б. Штейна я узналъ, какой опасности подвергалась моя жизнь, когда извѣстіе о запискѣ Мюрата великій князь Константинъ привезъ въ Петербургъ и оно дошло до императора, и что только ему и добрымъ и благороднымъ чувствамъ императора я былъ обязанъ спасеніемъ. При разговорѣ объ этомъ, въ кабинетѣ государя, присутствовалъ и графъ Толстой, оберъ-гофмаршалъ, который сказалъ: „Если ваше величество не прикажите казнить полковника Вольцогена, то разрушится вся армія“. Штейнъ ручался честью за мою невинность и разсѣялъ подозрѣнія государя, что̀ доказывается тѣмъ, что 4 Окт. 1812 г. я получилъ орденъ Анны второй степени. Но что всего удивительнѣе въ этой исторіи, то это то, что графъ Толстой былъ тестемъ кн. Любомірскаго, такъ что онъ, не зная того, изрекалъ смертный приговоръ своему зятю“. (Memoiren v. Wolzogen. Leipzig 1857, стр. 119 — 120; Левенштернъ, Denkwürdigkeiten eines Livländers, ч. I, стр. 187). Но что касается до князя Любомірскаго, то нельзя не указать на нѣкоторыя сомнѣнія. Онъ привезъ въ Петербургъ, между прочими бумагами, письмо къ императору Барклая де Толли отъ 22 Іюля изъ Смоленска. На подлинномъ письмѣ находится помѣта рукою Аракчеева: „С. Петербургъ, 26 Іюля, съ княземъ Любомірскимъ“. Если съ письмомъ, написаннымъ 22-го Іюля, князь Любомірскій выѣхалъ изъ Смоленска даже 24-го, то во всякомъ случаѣ прежде военнаго совѣта, который былъ 25-го Іюля. Слѣдовательно, онъ не могъ знать, хотя и случайно, принятыхъ на немъ рѣшеній и не имѣлъ повода предостерегать свою мать. Конечно, это сомнѣніе можетъ быть устранено слѣдующимъ соображеніемъ. Главнокомандующіе обѣими арміями увидались въ Смоленскѣ 21-го Іюля и, какъ видно изъ этого письма Барклая къ императору, согласились между собою на счетъ будущихъ военныхъ дѣйствій. Ихъ предположенія могли приближеннымъ лицамъ ихъ штабовъ немедленно сдѣлаться извѣстными и послужить предметомъ ихъ разговоровъ и споровъ. Одинъ изъ такихъ разговоровъ и могъ быть услышанъ нечаянно Любомірскимъ, до его отъѣзда въ Петербургъ и до военнаго совѣта, который подтвердилъ только прежнія предположенія главнокомандующихъ. Но во всякомъ случаѣ вопросъ о томъ, какимъ образомъ Мюратъ узналъ о нихъ, едва-ли можно считать положительно разрѣшеннымъ.

другими бумагами захваченъ былъ казаками и дошелъ до свѣдѣнія нашей главной квартиры, конечно никто не зналъ, какимъ способомъ могъ узнать Мюратъ о предположеніяхъ нашихъ главнокомандующихъ. Начались подозрѣнія, которыя естественно должны были падать на людей близкихъ къ главнокомандующимъ и конечно не на Русскихъ. Болѣе всѣхъ подозрѣвали Вольцогена, потому что онъ былъ человѣкомъ близкимъ и единомышленникомъ генерала Пфуля, котораго такъ единодушно и съ такимъ презрѣніемъ ненавидѣли въ нашихъ войскахъ, а потомъ, по отъѣздѣ Пфуля, Вольцогенъ остался ближайшимъ совѣтникомъ при Барклаѣ де Толли. Подозрѣвали его адъютанта и также близкаго ему человѣка, Левенштерна, и Жанбара (Jean-Bart), находившагося при начальникѣ штаба второй арміи графѣ Сенъ-При. Но главнокомандующій первою арміею напалъ на мысль, наиболѣе приближавшуюся къ истинѣ. Онъ, подъ различными предлогами, немедленно удалилъ изъ арміи четырехъ флигель-адъютантовъ, графа Браницкаго, графа Потоцкаго, кн. Любомірскаго и Влодека. Влодекъ пріѣхалъ съ его письмомъ въ Москву къ графу Ростопчину. Сему послѣднему не было пріятно, что главнокомандующій дѣлаетъ Москву мѣстомъ ссылки и ему поручаетъ надзоръ надъ ссыльными. Но, на первый разъ, скрывъ свое негодованіе, онъ холодно и коротко отвѣчалъ Барклаю-де-Толли: „Письмо ваше я имѣлъ честь получить и вручителя онаго полковника Влодека, подъ предлогомъ скораго сюда прибытія государя императора, удержалъ, имѣя за сношеніями его самый крѣпкій надзоръ“ [8]. Но въ тоже время въ письмѣ къ императору, выражая негодованіе на образъ дѣйствій военнаго министра, онъ говоритъ между прочимъ: „Въ слѣдствіе подозрѣнія, возбужденнаго однимъ письмомъ, найденнымъ въ бумагахъ Себастіяни, удалены изъ войскъ четверо вашихъ флигель-адъютантовъ. Влодекъ находится здѣсь въ ожиданіи вашего прибытія, Любомірскій въ Петербургѣ, Браницкій и Потоцкій въ Гжатскѣ. Они всѣ четверо не могутъ быть измѣнниками; зачѣмъ же наказывать ихъ такимъ позорнымъ образомъ? Почему же не Вольцогенъ или кто либо другой сообщили извѣстія непріятелю [9])?“

Высылка изъ главной квартиры этихъ флигель-адъютантовъ, Поляковъ, не разсѣяла подозрѣній въ войскахъ. Подозрѣнія обращены были не на нихъ, и графъ Ростопчинъ, указавая на Вольцогена, повторялъ лишь слухи, доходившіе до него изъ арміи. А. П. Ермоловъ, въ своихъ Запискахъ о войнѣ 1812 года, разсказываетъ о слѣдующемъ разговорѣ своемъ съ атаманомъ Платовымъ, въ то время, когда наши арміи отступали отъ Смоленска къ Дорогобужу и дневали у д. Усвятья: „Атаманъ Платовъ сказывалъ мнѣ о показаніи взятаго въ плѣнъ унтеръ-офицера Польскихъ войскъ, что, будучи у своего полковника на ординарцахъ, онъ видѣлъ два дни сряду пріѣзжавшаго въ лагерь Польскій подъ Смоленскомъ нашего офицера въ большихъ серебряныхъ эполетахъ, который говорилъ о числѣ нашихъ войскъ и весьма невыгодно о генералахъ. Разговорились мы съ генераломъ Платовымъ о другихъ не совсѣмъ благонадежныхъ и совершенно безполезныхъ людяхъ, осаждающихъ главную квартиру и между прочими о флигель-адъютантѣ полковникѣ Вольцогенѣ, къ которому замѣчена была особенная благосклонность главнокомандующаго. Атаманъ Платовъ, въ веселомъ расположеніи ума, довольно смѣшными въ своемъ

---

[8]) Письмо Барклая де Толли къ графу Ростопчину отъ 30 Іюля 1812 г. изъ Мощинки; отвѣтъ ему графа Ростопчина отъ 6-го Авг. 1812 г.

[9]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 6-го Авг. 1812 г.

родѣ шутками говорилъ мнѣ: „Вотъ, братъ, какъ надобно поступать; дай мысль поручить ему обозрѣніе Французской арміи и направь его на меня, а тамъ уже мое дѣло, какъ разлучить Нѣмцевъ. Я дамъ ему провожатыхъ, которые такъ покажутъ ему Французовъ, что въ другой разъ онъ ихъ не увидитъ". Атаманъ Платовъ утверждалъ, что знаетъ другихъ, достойныхъ равной почести. „Не мѣшало бы, сказалъ онъ, еслибъ князь Багратіонъ прислалъ ко мнѣ графа Жанбара, служащаго при начальникѣ главнаго штаба, графѣ Сенъ-При, въ распоряженія котораго онъ много вмѣшивается". Много посмѣявшись съ атаманомъ Платовымъ, я говорилъ ему, что есть такіе чувствительные люди, которыхъ можетъ оскорбить подобная шутка, и филантропы сіи, облекаясь наружностію человѣколюбія и состраданія, выставляютъ себя защитниками правъ человѣка" [10]).

Въ это именно время, когда войска находились у Дорогобужа, баронъ Вольцогенъ, отведя въ сторону маіора Левенштерна, находившагося въ качествѣ адъютанта при главнокомандующемъ первою арміею и пользовавшагося его расположеніемъ, сказалъ ему: „Знаете ли вы, что васъ отправляютъ нарочнымъ въ Москву"? Это извѣстіе не могло не поразить молодого офицера, мечтавшаго о битвахъ и славѣ въ то время, когда всѣ ожидали рѣшительнаго сраженія. „Я видѣлъ уже подписанныя бумаги у генерала Ермолова", продолжалъ Вольцогенъ. Левенштернъ обратился съ вопросомъ къ Ермолову. „Я ничего объ этомъ не знаю", отвѣчалъ тотъ съ улыбкою. „Какъ не знаете, генералъ, когда уже приготовлены бумаги?" возразилъ Левенштернъ. „Да; теперь я припоминаю, что вчера въ военномъ совѣтѣ шла рѣчь о томъ, чтобы отправить туда кого нибудь изъ высокопоставленныхъ офицеровъ съ цѣлью успокоить городъ, смущенный оставленіемъ Смоленска. Общее мнѣніе указало на васъ; вамъ извѣстны всѣ обстоятельства, и вы такъ поставлены, что можете вѣрно судить о нихъ". „Если мой выборъ рѣшенъ, отвѣчалъ Левенштернъ, то конечно я спорить не могу; но позволю себѣ просить главнокомандующаго не удалять меня изъ арміи, когда ожидается сраженіе и замѣнить меня другимъ офицеромъ, напримѣръ молодымъ графомъ Ростопчинымъ". — „Вы можете дѣйствовать, какъ вамъ угодно", отвѣчалъ ему по прежнему улыбаясь Ермоловъ. Смущенный, дрожащимъ голосомъ выразилъ Левенштернъ свою просьбу Барклаю де Толли и выслушалъ такой отвѣтъ: „Вы должны ѣхать, любезный Левенштернъ; бумаги уже готовы; посылка нарочнаго необходима. Я надѣюсь, что вы скоро возвратитесь и полагаю, что въ ваше отсутствіе еще не будетъ дано сраженія, такъ что вы ничего не потеряете. Добрый путь!" Успокоенный надеждою скораго возвращенія, Левенштернъ немедленно отправился въ Москву. „Въ то время, когда въ Москвѣ отыскивали шпіоновъ тамъ, гдѣ ихъ не было, въ главной квартирѣ (говоритъ въ своихъ Запискахъ графъ Ростопчинъ), открыли измѣну, но не открыли измѣнника. Во время движеній Барклая около Смоленска, отрядъ нашей кавалеріи захватилъ коляску генерала Монтобрюна, и въ его бумагахъ нашлось письмо, сообщавшее о наступательныхъ дѣйствіяхъ, которыя намѣревался предпринять Барклай. Подозрѣвали Польскихъ офицеровъ, находившихся въ нашей службѣ, которые, какъ флигель-адъютанты, состояли при главной квартирѣ. Худо принялись за дѣло или неловко, и потому ничего не открыли. Съ этого-то времени Барклай придумалъ посылать въ Москву тѣхъ офицеровъ, которыхъ подозрѣвали въ войскахъ. Первымъ пріѣхалъ полковникъ Влодекъ; я принялъ его хорошо, часто видалъ его и никогда не считалъ способнымъ на

[10]) Записки Ермолова, ч. I, стр. 181.

измѣну. Вторымъ былъ б. Левенштернъ, который предполагалъ, что посланъ какъ курьеръ и чрезвычайно заботился о томъ, чтобы поскорѣе возвратиться къ войскамъ. Но когда я показалъ ему письмо Барклая, въ которомъ онъ просилъ меня задержать его въ Москвѣ, потому что, ѣздивъ ночью къ непріятельскимъ аванпостамъ, онъ сдѣлался подозрителенъ въ войскахъ, онъ поблагодарилъ меня за мое учтивое съ нимъ обхожденіе и объявилъ, что застрѣлится, не будучи въ силахъ перенести такого позорнаго подозрѣнія. Я замѣтилъ ему, что конечно онъ властенъ убить себя, но что такой поступокъ съ его стороны не только не уничтожитъ подозрѣній, но напротивъ подкрѣпитъ ихъ. Онъ былъ пораженъ моимъ замѣчаніемъ и успокоился; а я обѣщалъ ему отправить его въ армію, принявъ на себя отвѣтственность. Онъ отчаянно дрался потомъ при Бородинѣ и два раза былъ раненъ пулею".

Графъ Ростопчинъ, принявъ письмо отъ Левенштерна и пробѣжавъ его наскоро, долго бесѣдовалъ съ нимъ о войскахъ и ихъ дѣйствіяхъ. Онъ былъ враждебно расположенъ къ Барклаю де Толли, особенно въ это время, когда только что распространилась вѣсть объ оставленіи Смоленска и отступленіи нашихъ войскъ къ Дорогобужу, не довѣрялъ основательности его мѣръ въ отношеніи къ этимъ офицерамъ и сердился, что изъ Москвы онъ дѣлаетъ мѣсто для ихъ ссылки. Поговоривъ съ Левенштерномъ, онъ убѣдился, что измѣнникомъ онъ быть не можетъ, ласково обошелся съ нимъ, приглашалъ его обѣдать, познакомилъ съ своею супругою, которая распрашивала его о своемъ сынѣ. „Я долженъ признаться вамъ, писалъ онъ Барклаю де Толли, что второе препорученіе ваше о г-нѣ Левенштернѣ приводитъ меня въ большое затрудненіе. Въ такомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля и дѣйствій военныхъ, всякій офицеръ долженъ быть на своемъ мѣстѣ. Если вы имѣете сомнѣніе въ ихъ вѣрности, то должно ссылать далѣе, а не въ столицу. Если же есть доказательства въ измѣнѣ, для чего не разстрѣливать? Совсѣмъ тѣмъ я Левенштерна удерживаю подъ предлогомъ скораго отправленія. Но не отвѣчаю вамъ, если онъ захочетъ уѣхать; ибо онъ не подъ карауломъ, и здѣсь скверныхъ людей довольно" [11]). „Хотя въ гостепріимной Москвѣ, говоритъ

---

[11]) Письмо графа Ростопчина къ Барклаю отъ 15 Авг. 1812 г. Онъ говоритъ въ этомъ письмѣ: *второе порученіе ваше*, потому что въ тотъ день, какъ пріѣхалъ Левенштернъ, привезъ ему письмо отъ Барклая другой курьеръ, полковникъ Ѳедоровъ. Оно было отвѣтомъ на слѣдующее письмо графа Ростопчина отъ 10-го Августа: „Получа достовѣрное извѣстіе объ отступленіи отъ Смоленска послѣ кровопролитной битвы и что наши арміи стоятъ на Днѣпрѣ, отправляю нарочнаго къ вашему высокопревосходительству, испрашивая у васъ на слѣдующіе пункты рѣшенія:

1. Полки, уже сформированные, Московской военной силы, вести ли къ Можайску?

2. Не настоитъ-ли надобности въ провіантѣ?

3. Здѣсь еще слишкомъ милліонъ заготовленныхъ боевыхъ патроновъ. Нѣтъ-ли въ нихъ надобности?

4. Также изъ здѣшняго арсенала различныхъ калибровъ пушекъ, совсѣмъ готовыхъ, отправить-ли, сколько потребно, къ арміи?

Ожидаю о семъ сообщенія". Имѣю честь и пр.

Получивъ съ полк. Ѳедоровымъ отвѣтъ главнокомандующаго, въ которомъ онъ спрашивалъ его о состояніи ополченія Московскаго округа, графъ отвѣчалъ ему: „На почтеннѣйшія письма в. высокопр—ва, полк. Ѳедоровымъ и адъютантомъ Левенштерномъ доставленныя, имѣю честь отвѣчать, что къ 20-му числу сего мѣсяца,

Левенштернъ, повсюду я встрѣчалъ ласковый пріемъ, но всѣ мои мысли и дѣйствія сосредоточивались на домѣ графа Ростопчина. Поутру я бывалъ у него, чтобы узнать, какія получены извѣстія изъ арміи, обѣдалъ по его приглашенію постоянно; вечеромъ, чтобы ему или графинѣ выразить мое желаніе поскорѣе возвратиться въ главную квартиру. Но графъ отвѣчалъ уклончиво и со дня на день откладывалъ мое отправленіе. Такъ проходили дни за днями, и мое нетерпѣніе возрастало. Въ одно утро, передъ дверями кабинета графа Ростопчина, я говорилъ его адъютанту Обрѣзкову: „Скажите графу, что моему терпѣнію наступилъ конецъ; я долженъ немедленно ѣхать, потому что не хочу по пустому тратить здѣсь время. Мое чувство долга, моя честь, всѣ движенія моей души влекутъ меня на поле брани. То, что̀ захочетъ графъ написать главнокомандующимъ, онъ можетъ отправить въ главную квартиру съ первымъ попавшимся драгуномъ. Я не въ состояніи болѣе ждать. Я убѣгу отсюда пѣшкомъ". Левенштернъ съ умысломъ говорилъ такъ громко, чтобы его слова могъ слышать въ кабинетѣ графъ Ростопчинъ и едва онъ окончилъ рѣчь, какъ растворилась дверь, и графъ пригласилъ его войти въ кабинетъ. „Г. майоръ, сказалъ онъ ему, я могу только хвалить ваше нетерпѣніе; какъ военный, вы исполнены чувствами чести и долга, соотвѣтствующими вашему званію. Мнѣ больно; но я долженъ вамъ объявить, что письмо, которое вы мнѣ привезли, было вашимъ приговоромъ къ ссылкѣ. Главнокомандующій пишетъ мнѣ, чтобы подъ какимъ нибудь предлогомъ я задержалъ васъ въ Москвѣ и надзиралъ за вами. На васъ пало подозрѣніе въ войскахъ..... я не договариваю конца. Довольно, я долженъ задерживать васъ. Познакомившись съ вами, я убѣдился, что вы не можете быть измѣнникомъ, и вы будете оправданы. Но пока считайте мой домъ своимъ и бывайте у меня ежедневно. Если хотите, то напишите письмо государю; я отправлю его вмѣстѣ съ своимъ".

Легко себѣ представить, что̀ испытывалъ молодой офицеръ, выслушавъ это совершенно для него неожиданное объясненіе и вспоминая слова Барклая, который успокоилъ его надеждою скораго возвращенія къ войскамъ. Онъ пытался что-то говорить графу Ростопчину, готовъ былъ рѣшиться на самоубійство, но графъ прервалъ его конечно безсвязныя рѣчи: „Мнѣ не нужно вашихъ объясненій; дайте мнѣ слово, что вы не рѣшитесь на безразсудный поступокъ; успокойтесь, останьтесь въ моемъ кабинетѣ и можете здѣсь написать письмо", сказалъ графъ Ростопчинъ и вышелъ изъ кабинета, оставивъ тамъ Левенштерна [12]).

Неизвѣстно, что̀ Левенштернъ написалъ государю въ такомъ расположеніи духа; но съ достовѣрностію можно сказать, что графъ Ростопчинъ не отправилъ его письма и поступилъ весьма благоразумно: императоръ не зналъ обстоятельствъ, которыя вынудили главнокомандующаго на такую мѣру и во всякомъ случаѣ едва-ли рѣшился бы отмѣнить ее, чтобы не уронить значенія его власти. Графъ Ростопчинъ даже не упомянулъ о

въ Можайскѣ, въ Рузѣ и Вереѣ будетъ собрано Московской военной силы до 16.000 чел. Вчера отсюда выступило 6.000, а остальные изъ разныхъ мѣстъ идутъ къ тѣмъ же мѣстамъ, безъ отдыха. Впрочемъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ, нѣтъ ни усилія, ни дѣйствія, ни пожертвованія, коими бы жители Москвы не отличились и не поставили себѣ въ священный долгъ. Столица и войска должны быть единодушны: симъ побѣдится врагъ нашъ, и мощь его сокрушится передъ силою Россіи. Съ истин. почтен. и пр". Авг. 15 дня 1812 г. Москва.

[12]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten eines Livländers, ч. I, стр. 199 — 205.

Левенштернѣ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ къ государю. Убѣжденный въ его невинности, очевидно онъ рѣшился дѣйствовать въ его пользу на свой страхъ и выжидалъ только благопріятнаго случая, который не замедлилъ вскорѣ представиться: это было назначеніе новаго главнокомандующаго, князя Кутузова.

По свидѣтельству Левенштерна, кромѣ его и Влодева, въ Москвѣ находились также Браницкій и Потоцкій, пріѣхавшіе изъ Гжатска и Любомірскій изъ Петербурга и, недолго спустя, прибылъ изъ арміи графъ Лезеръ, съ письмомъ къ графу Ростопчину отъ Барклая де Толли. Это случилось въ тотъ день, когда Платовъ тоже былъ въ Москвѣ и останавливался въ домѣ графа Ростопчина (22 Авг.). „Вечеромъ (говоритъ графъ въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ), когда я сошелъ внизъ, чтобы пить чай, ко мнѣ пріѣхалъ подполковникъ нашей службы, баронъ или графъ Лезеръ съ письмомъ отъ генерала Барклая. Это опять была одна изъ подозрительныхъ личностей, которую поручали мнѣ отправить куда нибудь подалѣе, внутрь страны. Пока я писалъ письмо къ Оренбургскому гражданскому губернатору, куда отправлялъ Лезера, онъ въ сосѣдней комнатѣ поссорился съ Платовымъ, который дѣлалъ ему упреки за его поведеніе и спрашивалъ, извѣстно ли ему приказаніе на его счетъ, которое онъ далъ своимъ аванпостамъ,—убить его, когда онъ тамъ покажется. Я положилъ конецъ этой смѣшной ссорѣ, объявивъ графу Лезеру, что подъ надзоромъ драгунскаго унтеръ-офицера онъ немедленно долженъ отправиться въ Пермь. Онъ разгорячился и спросилъ меня: по какому праву я отправляю его туда? Я велѣлъ ему прочитать письмо Барклая и чтобы доказать ему, что онъ дѣйствительно поѣдетъ туда и что не долженъ забываться передо мною, я велѣлъ адъютанту взять у него шпагу, и черезъ пять минутъ потомъ онъ уже скакалъ по большой дорогѣ“.

Графъ Лезеръ состоялъ при главномъ штабѣ второй арміи и пользовался расположеніемъ начальника этого штаба, графа Сенъ-При, который въ послѣдствіи принималъ живое участіе въ его судьбѣ [13]). Объ этомъ

[13]) Письмо графа Сенъ-При къ графу Бріону (c-te de Brion) 15 Октября 1812 г. „Я только что получилъ ваше письмо отъ 11-го Октября и немедленно отправилъ бы его къ государю императору, еслибъ сдѣланныя уже съ моей стороны попытки въ пользу графа Лезера передъ фельдмаршаломъ Кутузовымъ не доказали мнѣ, что онъ вовсе и не зналъ объ этомъ дѣлѣ. Фельдмаршалъ можетъ рѣшить его собственною властью, но повредилъ бы, быть можетъ, еще болѣе вашему племяннику, еслибы довелъ о его дѣлѣ до свѣдѣнія императора, который вѣроятно о немъ не знаетъ. Обратиться въ крайнемъ случаѣ къ государю еще всегда будетъ время, испытавъ напередъ всѣ другіе способы вывести графа Лезера изъ того непріятнаго положенія, въ которомъ онъ находится. Поэтому, въ настоящее время я думаю, что, прежде нежели обращаться къ императору, лучше воспользоваться властью фельдмаршала, и я надѣюсь, послѣ моего разговора съ нимъ, что графу Лезеру будетъ отдана должная справедливость“.

„Я могу впрочемъ увѣрить васъ, что вашъ племянникъ вовсе не заслужилъ той печальной участи, которой онъ подвергся. Безъ сомнѣнія это сдѣлалось, какъ и вы справедливо предполагаете, на основаніи случайныхъ подозрѣній; а неосторожная выходка Платова послужила поводомъ графу Ростопчину, придираясь къ тому волненію, въ которомъ находилась въ то время Москва, отправить его въ Пермь. Къ несчастію, въ то время я былъ уже раненъ, также какъ и князь Багратіонъ; а потомъ оставленіе Москвы и занятіе ея непріятелемъ не позволяли и думать о несчастіяхъ, постигшихъ частныхъ лицъ. Но лишь только я выздоровѣлъ, какъ тотъ-часъ же занялся дѣломъ графа Лезера, и оно было бы окончено, еслибъ ген.

происшествіи разсказываетъ б. Левенштернъ. „Хотя моя совѣсть, говоритъ онъ, меня ни въ чемъ не упрекала и въ графѣ Ростопчинѣ я нашелъ благороднаго и великодушнаго судью, однакоже мое положеніе въ Москвѣ было чрезвычайно тяжелое. Обвиняемый и подозрѣваемый въ низкомъ предательствѣ и въ сочувствіи съ непріятелемъ! Когда прошла мысль о самоубійствѣ, часто мнѣ приходило въ голову бѣжать въ армію, прибѣгнуть къ Божьему суду и вызвать на дуель моихъ обвинителей. Нѣкоторое облеченіе моей угнетенной душѣ доставило прибытіе въ Москву другихъ, также подозрѣваемыхъ, какъ и я. Это были Поляки, высокопоставленные, большею частію флигель-адъютанты, хорошихъ семействъ. Предполагали, что ихъ удалили отъ главной квартиры и отдали подъ наблюденіе графа Ростопчина. Это были графъ Станиславъ Потоцкій, графъ Браницкій, князь Любомірскій и полковникъ Влодекъ. Мы утѣшали другъ друга, что предубѣжденіе противъ насъ пройдетъ, время объяснитъ дѣло и рѣшились уже спокойно оставаться простыми зрителями. Сама Москва, напряженная, судорожно содрогавшаяся, уже представляла ежедневно удивительное зрѣлище. Въ одно утро, когда я находился въ пріемной у графа Ростопчина, вошелъ покрытый пылью курьеръ изъ арміи. Его всѣ окружили, желая узнать о послѣднихъ происшествіяхъ. Онъ назвался подполковникомъ графомъ Лезеромъ, адъютантомъ князя Багратіона и вошелъ съ депешами въ кабинетъ графа. Немного прошло времени, какъ началась бѣготня, позвали оберъ-полиціймейстера, сторожей, и этотъ курьеръ, въ сопровожденіи драгуна, былъ отправленъ въ Пермь. Видѣлъ я, какъ графъ Лезеръ, съ поникшею головою, съ смущеннымъ взглядомъ, вышелъ изъ кабинета и, сопровождаемый стражею, удалился. Онъ, также какъ и я самъ, привезъ свой приговоръ; но я не знаю, почему его судьба была суровѣе моей: онъ получилъ свободу только въ 1815 г., по окончаніи войны“. Дѣйствительно, нѣсколько дней спустя, утромъ вбѣжалъ къ Левенштерну запыхавшійся курьеръ и пригласилъ немедленно явиться къ главнокомандующему. Съ веселымъ лицомъ вышелъ къ нему на встрѣчу графъ Ростопчинъ и сказалъ: „Къ счастію, ваше дѣло получило хорошій оборотъ; вамъ дозволено возвратиться въ армію. Я получилъ оттуда бумагу и спѣшу извѣстить васъ“. Онъ дружески пожалъ мнѣ руку (говоритъ Левенштернъ), а я отъ глубины души благодарилъ его за оказанное мнѣ участіе“ [14]). Судьба Левенштерна могла быть совершенно такая же, какъ и судьба графа Лезера, еслибъ графъ Ростопчинъ о немъ не позаботился.

Народонаселеніе было однакоже дѣйствительно взволновано совершившимися происшествіями, и это волненіе, хотя вполнѣ мирное, начавшееся послѣ оставленія Смоленска, возрастало все болѣе и болѣе при постепенномъ приближеніи воюющихъ армій къ Москвѣ. Получивъ извѣстіе о новомъ отступленіи нашихъ войскъ къ Можайску, по распоряженію уже князя Кутузова, взволнованный графъ Ростопчинъ, желая предупредить то непріятное впечатлѣніе, которое это извѣстіе могло произвести на Москву, обнародовалъ, 20 Августа, слѣдующее объявленіе: „Главная квартира между Гжати и Можайска. Нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію; теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ

Винценгероде не былъ взятъ въ плѣнъ Французами въ Москвѣ и фельдмаршалъ не назначилъ бы немедленно меня на его мѣсто. Съ того времени я не видалъ уже фельдмаршала, къ которому отправляюсь черезъ нѣсколько дней, съ твердымъ намѣреніемъ напомнить ему о вашемъ племянникѣ“.

[14]) Левенштернъ, Denkwürdigkeiten, ч. I, стр. 209—210.

войскъ. Черезъ два дни у насъ еще прибудетъ 20.000; но наши войска Руссиія, единаго закона, единаго царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай какъ звали".

Вмѣстѣ съ этимъ объявленіемъ, появилась *грамотка къ народу*, относившаяся къ тому происшествію о двухъ Нѣмцахъ, о которомъ мы привели разсказъ самого графа Ростопчина. „Вы знаете, что я знаю все, что̀ въ Москвѣ дѣлается; а что̀ было вчера, не хорошо, и побранить есть за что. Два Нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; есть мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату Русскому, и что̀ за диковина ста человѣкамъ прибить костяного Француза, или въ парикѣ окурнаго Нѣмца? Охота руки марать! И кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну! веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія Русскимъ; войскато Французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать. Сюда раненыхъ привезено; они лежатъ въ Головинскомъ дворцѣ; я ихъ осмотрѣлъ, напоилъ, накормилъ и спать положилъ. Вѣдь они за васъ дрались, не оставьте ихъ; посѣтите и поговорите. Вы и колодниковъ кормите, а это государевы вѣрные слуги и наши друзья—какъ имъ не помочь!"

Волненіе Москвы тревожило и князя Кутузова. „Увѣдомясь, что жители Москвы встревожены разными слухами о военныхъ нашихъ происшествіяхъ, писалъ онъ графу Ростопчину изъ главной квартиры у Колоцкаго монастыря, прилагаю здѣсь для успокоенія ихъ письмо на имя вашего сіятельства, которое можете вы приказать напечатать, если почтете за нужное" [15]). Графъ Ростопчинъ исполнилъ желаніе главнокомандующаго и немедленно (23 Авг.) обнародовалъ слѣдующее его письмо: „Съ сокрушеннымъ, скорбнымъ сердцемъ извѣстился я, что увеличенные на счетъ дѣйствій армій нашихъ слухи, разсѣваемые неблагонамѣренными людьми, нарушаютъ спокойствіе жителей Москвы и доводятъ ихъ до отчаянія. Я прошу покорнѣйше ваше сіятельство успокоить и увѣрить ихъ, что войска наши не достигли еще этого разслабленія и истощенія, въ какомъ, можетъ быть, стараются ихъ представить. Напротивъ того, всѣ воины, не имѣвъ еще донынѣ генеральнаго сраженія, оживляясь свойственнымъ имъ духомъ храбрости, ожидаютъ съ послѣднимъ нетерпѣніемъ минуты запечатлѣть кровію преданность свою къ августѣйшему Престолу и Отечеству. Всѣ движенія были доселѣ направляемы къ сей единой цѣли и къ спасенію первопрестольнаго града Москвы. Да благословитъ Всевышній сіи предпріятія наши; сіе должно быть моленіемъ всѣхъ сыновъ Россіи. Прошу ваше сіятельство увѣрить всѣхъ Московскихъ жителей моими сѣдинами, что еще не было ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали поверхности, а что не доходило до главнаго сраженія, то сіе зависило отъ насъ, главнокомандующихъ".

Это письмо, въ свое время обнародованное, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ, въ какое отношеніе ставилъ себя новый главнокомандующій не только къ войскамъ, но и къ своимъ предшественникамъ,

---

[15]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 19-го Авг. 1812 г. Новая деревня. Къ нему приложено письмо, обнародованное графомъ Ростопчинымъ, которое потомъ было перепечатано въ прокламаціи отъ имени Наполеона, объявлявшей приговоръ военнаго суда надъ зажигателями, $^{24}/_{12}$ Сентября.

прежнимъ главнокомандующимъ. Воздавая должную честь войскамъ, онъ просилъ увѣрить жителей Москвы *его сѣдинами* въ томъ *только*, что въ сраженіяхъ съ передовыми войсками непріятеля они постоянно дѣйствовали съ свойственнымъ имъ мужествомъ и не были побѣждаемы. Что-же касается до того, что не было до сего времени рѣшительнаго сраженія, то это зависило, говоритъ онъ, отъ *насъ* главнокомандующихъ, которыхъ дѣйствія однакоже клонились постоянно къ спасенію Москвы. Онъ не только не отдѣлялъ себя отъ своихъ предшественниковъ и не желалъ отклонить отъ себя тѣ укоры, которыми ихъ осыпало общественное мнѣніе; но, покрывая своимъ значеніемъ всѣ ихъ дѣйствія, готовъ былъ принять ихъ и на себя самого.

Получивъ извѣстія отъ князя Кутузова о томъ, что онъ избралъ уже мѣсто, на которомъ намѣренъ дать рѣшительное сраженіе, графъ Ростопчинъ обнародовалъ слѣдующее объявленіе: „Свѣтлѣйшій князь, чтобъ скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него пойдетъ. Къ нему отправлено отсюда 48 пушекъ съ снарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли дѣла: прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся! Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ, и городскихъ, и деревенскихъ. Я кличъ кликну дня за два; а теперь не надо, я и молчу. Хорошо съ топоромъ, не дурно съ рогатиной, а всего лучше вилы-тройчатки: Французъ не тяжелѣ снопа ржанаго. Завтра, послѣ обѣда, я поднимаю Иверскую въ Екатерининскую гошпиталь, къ раненымъ. Тамъ воду освятимъ: они скорѣе выздоровѣютъ; а я теперь здоровъ; у меня болѣлъ глазъ, а теперь смотрю въ оба“.

Заботы о раненыхъ не успокоивали тревоги жителей Москвы, но усиливали ее еще болѣе. Первые обозы съ многочисленными ранеными, начавшіе приходить одинъ за другимъ почти одновременно съ извѣстіемъ о Бородинскомъ сраженіи, усиливали еще болѣе горячность и волненіе Москвичей. До того времени являлись также раненые въ разныхъ сраженіяхъ, бывшихъ до взятія Смоленска, но въ количествѣ незначительномъ, преимущественно офицеры. Большая же часть раненыхъ размѣщалась по городамъ, между Смоленскомъ и Москвою, а особенно въ Можайскѣ. Приготовляясь къ большому сраженію, ихъ начинали перевозить въ Москву, чтобы очистить мѣсто новымъ. „Раненые подъ Смоленскомъ (говоритъ графъ Ростопчинъ), прибывали ко мнѣ ежедневно тысячами. О нихъ слабо заботились. Въ одно утро, когда я пріѣхалъ въ большой госпиталь, одинъ изъ докторовъ просилъ меня уговорить одного раненаго въ ногу гренадера рѣшиться дать отрѣзать ногу, потому что это было единственное средство спасти его жизнь. Этотъ гренадеръ, которому было 36 лѣтъ, съ мужественнымъ и красивымъ лицемъ, никакъ ни поддавался моимъ совѣтамъ и просьбамъ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Почему вы думаете, что я долженъ остаться живъ? Напротивъ, я долженъ умерсть, потому что мы не спасли Смоленска“. Онъ до такой степени рѣшился умереть, что мои совѣты не оказали на него никакого дѣйствія. Но я поручилъ это дѣло священнику, весьма краснорѣчивому, которому наконецъ удалось убѣдить его. Ему отрѣзали ногу, и потомъ я видѣлъ его раза два-три, и онъ начиналъ выздоравливать“. Всѣ вообще жители оказывали раненымъ всевозможныя вниманіе и пособіе. Госпитали въ излишествѣ снабжались всѣмъ нужнымъ. „Появлялись ли въ гостинныхъ рядахъ раненые наши офицеры,

говоритъ С. Н. Глинка, купцы и сидѣльцы привѣтствовали ихъ радушно. Нужно ли имъ было что нибудь купить, имъ предлагали безденежно, торопливою рукою и усерднымъ сердцемъ. „Вы проливаете за насъ кровь", говорили имъ: „намъ грѣхъ брать съ васъ деньги". Въ селахъ и деревняхъ, отцы, матери и жены, благословляли сыновъ и мужей своихъ на оборону славы Русской. Поступавшихъ въ ополченіе называли *жертвенниками*, т. е. защитниками, пожертвованными Отечеству, не обычнымъ наборомъ, но влеченіемъ душевнымъ. Жертвенники, въ смурыхъ полукафтанахъ, съ блестящимъ крестомъ на шапкѣ, съ ружьями и пиками, мелькали на всѣхъ улицахъ и площадяхъ. Съ мыслью о родинѣ тѣнь грусти пробѣгала на лицахъ ихъ, но не было отчаянія. Ласка и привѣтъ сердечный вездѣ встрѣчали ихъ. И дивно свыкались они съ ружьемъ и съ построеніями военными" [16]). Но съ пріѣздомъ Кутузова въ армію, съ приближеніемъ Бородинской битвы, кромѣ раненыхъ уже не показывалось болѣе военныхъ и ратниковъ въ Москвѣ: число ея жителей убывало безпрестанно и смѣнялось числомъ раненыхъ.

Хотя графъ Ростопчинъ еще не терялъ надежды, что непріятель не войдетъ въ Москву, однакоже съ половины Августа уже пересталъ звать туда императора. Еще 13 Августа, изъявляя удовольствіе, что „дамы потеряли голову и уѣзжаютъ изъ Москвы", онъ писалъ: „Купцы смущены и такъ мало довѣряютъ главнокомандующимъ, что полагаютъ, что все пропало. Москва ожидаетъ васъ съ нетерпѣніемъ, и взглядъ на васъ поддержитъ бодрость, которая требуетъ поддержки". Но и при этомъ послѣднемъ случаѣ, онъ счелъ нужнымъ прибавить именно такого рода извѣстія, которыя конечно могли были только отклонить государя отъ поѣздки въ Москву, если бы даже онъ имѣлъ это намѣреніе. „Всѣ эти дурные слухи, продолжаетъ онъ, которые имѣютъ цѣлію внушить страхъ, встревожить васъ, обвинить, всѣ происходятъ отъ Мартинистовъ и отъ Униврситета, состоящаго изъ профессоровъ и студентовъ, отчаянныхъ Якобинцевъ. Кутузовъ, который отравляетъ умы, былъ во времена императора Павла чиновникомъ тайной полиціи. Чеботаревъ и сектантъ Дружининъ—злые Якобинцы. Если арміи будутъ испытывать постоянныя неудачи, и полиціи сдѣлается трудно слѣдить за этими господами, то я прикажу схватить нѣкоторыхъ изъ нихъ" [17]). А между тѣмъ С. Н. Глинка говоритъ: „Юноши, бывшіе въ стѣнахъ университетскихъ и проходившіе въ нѣдрахъ его поприще отечественной исторіи, пылали жаромъ отечественнымъ. Нѣкоторые изъ сихъ юношей-патріотовъ приходили ко мнѣ съ просьбами, чтобы я содѣйствовалъ рвенію ихъ" [18]).

На другой же день послѣ письма́, изъ котораго мы привели выписку, графъ Ростопчинъ, мгновенно перемѣнивъ мнѣніе, уже писалъ государю: „Теперь, государь, я обращусь къ самому важному предмету, т. е. къ вашей поѣздкѣ сюда. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что ваше присутствіе еще болѣе возбудитъ энтузіазмъ; но если до вашего прибытія обстоятельства не обратятся въ нашу пользу, ваше лице умножитъ всеобщее безпокойство, и какъ вамъ не слѣдуетъ подвергаться случайностямъ, то гораздо будетъ лучше, если вы замедлите вашъ отъѣздъ изъ Петербурга до полученія извѣстій, которыя бы измѣнили къ лучшему настоящее положеніе дѣлъ. Если ваше величество рѣшитесь такъ поступить,

---

16) С. Н. Глинка, Записки о 1812 годѣ, стр. 44.

17) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 13 Авг. 1812 г.

18) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г. стр. 45.

то будьте добры пришлите соотвѣтствующій этому рескриптъ, въ которомъ, похваливъ Москву и ея жителей, вы скажете, что впослѣдствіи вы пріѣдете къ нимъ или порадоваться вмѣстѣ съ ними нашимъ успѣхомъ, или раздѣлить ихъ усердіе къ защитѣ Отечества" [19]).

Въ послѣдствіи, въ своихъ Запискахъ о 1812 г., графъ Ростопчинъ, какъ бы желая оправдать эту быструю перемѣну своихъ мыслей, вотъ какъ объясняетъ это обстоятельство: „Государь императоръ уѣзжая мнѣ сказалъ, а потомъ и подтвердилъ письменно, что скоро возвратится опять въ Москву; поэтому я осмѣлился отсовѣтовать ему эту поѣздку, представляя ему, что только такъ выигранное сраженіе, чтобы непріятель принужденъ былъ къ отступленію, можетъ спасти Москву отъ его вторженія; что князь Кутузовъ приближается къ ней ежедневно и очень скоро потеряетъ возможность ее защитить. Присутствіе императора при такихъ обстоятельствахъ было бы неудобно и постановило бы его въ положеніе свидѣтеля занятія Москвы непріятелемъ, при неимѣніи средствъ тому воспрепятствовать. Моего совѣта послушались, и я полагаю, что и въ этомъ случаѣ я дѣйствовалъ какъ вѣрный слуга, потому что по правдѣ слѣдуетъ сказать, что съ самаго начала этой войны, чѣмъ болѣе непріятель подвигался внутрь страны, тѣмъ болѣе усиливалась во мнѣ боязнь, чтобы не согласились на миръ и однимъ почеркомъ пера не потеряли довѣренности Русскихъ и Россіи. Возможно было предполагать, что если бы императоръ находился при арміи, передъ Бородинскою битвою или послѣ, то можетъ быть для того, чтобы спасти столицу, онъ внялъ бы предложеніямъ непріятеля, который покаялся его погубить, сначала унизивъ его значеніе въ Европѣ заключеніемъ постыднаго мира, а потомъ возмущеніями и раздѣломъ собственнаго государства. Черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ онъ снова пришелъ бы кончить свое дѣло: раздѣлить остатки Россіи и подвергнуть ее постыдному жребію Польши, можетъ быть, возстановивъ удѣльныхъ князей и раздавъ области или своимъ генераламъ, или нѣкоторымъ важнымъ Русскимъ, въ награду за измѣну и низость. Хотя по общимъ понятіямъ считается верхомъ безчестности измѣнить присягѣ на вѣрность своему государю, перейдя въ ряды враговъ или защищая ихъ выгоды; но человѣкъ, который готовъ рѣзаться съ другимъ за такое подозрѣніе, можетъ сдѣлаться глухимъ къ голосу чести и нарушить свои священныя обязанности, когда ослѣпитъ его желаніе корысти. Однако, предполагая всѣ эти событія возможными, я все таки увѣренъ, что въ клочкахъ Россіи Наполеонъ нашелъ бы не одну Испанію. Дворянство скрывало бы свои чувства, духовенство его бы ненавидило, а народъ обрекъ бы себя на смерть и на истребленіе врага. Этотъ народъ, лучшій и мужественнѣйшій во всей вселенной, нашелъ бы безчисленныя средства въ огромныхъ пространствахъ имъ обитаемыхъ, въ климатѣ и даже въ своей бѣдности. Можно было достигнуть подчиненія нѣкоторой его части, но покорить его было невозможно, и по времени эта война разрушенія все таки окончилась бы паденіемъ могущества Наполеона, и Россія во всей ея цѣлости возстала бы изъ своихъ развалинъ".

Мы не войдемъ пока въ разсмотрѣніе тѣхъ соображеній объ участи Россіи, которыя графъ Ростопчинъ предполагаетъ у Наполеона; но не можемъ не остановиться на томъ, что весь приведенный нами разсказъ совершенно противорѣчитъ дѣйствительности и пропитанъ мыслями и взглядами, которые возникли у графа Ростопчина гораздо позднѣе 14 Ав-

[19]) Письмо графа Растопчина къ императору отъ 14-го Авг. 1812 г.

густа 1812 года, когда онъ писалъ письмо къ государю, изъ котораго мы привели выписку. Изъ этого разсказа видно нерасположеніе и недовѣріе къ кн. Кутузову, которыхъ онъ въ то время вовсе не имѣлъ, да и не могъ имѣть, какъ къ главнокомандующему войсками, потому что эти письма были писаны ранѣе пріѣзда князя Кутузова въ Царево-Займище (17 Авг.) и слѣдовательно не онъ отступалъ постоянно и велъ за собою непріятеля къ Москвѣ. Въ то время, напротивъ, Ростопчинъ имѣлъ полное довѣріе къ Кутузову и думалъ даже, что сраженіе, которое онъ намѣревался дать непріятелю, увѣнчается побѣдой. Доказательствомъ можетъ служить его письмо къ императору, писанное въ тотъ день, когда атаманъ Платовъ пріѣзжалъ въ Москву: „Государь! Сраженіе, которое должно произойти черезъ нѣсколько дней, рѣшитъ отчасти, попадетъ ли Москва во власть Бонапарта, или его войска будутъ уничтожены. Судя по тому что̀ мнѣ извѣстно, если не встрѣтится какихъ нибудь непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, побѣда будетъ на вашей сторонѣ; но если рука Божія отяготѣетъ на вашей имперіи, столица перейдетъ въ руки непріятеля. Во всякое другое время надежда не была бы еще потеряна, но теперь, когда общественное мнѣніе о спасеніи Россіи соединяется именно съ Москвою, ея занятіе Французами убьетъ мужество народа. Народъ полагаетъ, что Москва не можетъ быть взята и, въ противномъ случаѣ, онъ признаетъ это дѣломъ Провидѣнія и не станетъ полагать надежду на помощь войскъ, которыя не успѣли защитить столицы. Бонапартъ идетъ, какъ сумашедшій; онъ не можетъ отступить. Безпорядокъ въ нашихъ войскахъ дошелъ до послѣдней степени: это послѣдствіе двухмѣсячнаго отступленія и того презрѣнія, въ которое впалъ военный министръ“ [20]). Очевидно, что въ это время всю неудачу кампаніи, приведшей наконецъ въ опасное положеніе столицу, Ростопчинъ приписывалъ Барклаю-де-Толли и надѣялся, что сраженіе, данное Наполеону кн. Кутузовымъ, увѣнчается побѣдою. Этотъ взглядъ на дѣло совершенно противуположенъ тому, который, вопреки истинѣ, онъ выразилъ въ своихъ Запискахъ.

Если чѣмъ либо (кромѣ личныхъ странныхъ особенностей характера) и можно объяснить такой быстрый переходъ отъ одной крайности въ другую, то развѣ мыслію, что могутъ заключить миръ съ Наполеономъ, въ виду спасенія Москвы и—миръ конечно постыдный для Россіи.

Число оставлявшихъ Москву постоянно увеличивалось. Послѣ извѣстія объ оставленіи Смоленска изъ Московскихъ заставъ потянулись вереницы каретъ и колясокъ съ сопровождавшими ихъ обозами, затѣмъ повозокъ и телѣгъ съ толпами пѣшеходовъ. Одна Француженка, находившаяся въ это время въ Москвѣ, выйдя изъ дома кн. Голицына на Басманной, гдѣ она жила и направляясь (25 Авг.) къ Кремлю, была поражена необыкновеннымъ и трогательнымъ явленіемъ. Проходя по опустѣлымъ улицамъ Москвы, на которыхъ уже изрѣдка можно было встрѣтить проходящаго, она услыхала издали доходившее до нея грустное пѣніе. Направившись въ ту сторону, откуда оно доносилось, она встрѣтила огромное сборище людей, предводимое священниками, которые несли образа; мущины, женщины, дѣти, всѣ плакали и пѣли священныя пѣсни. Это зрѣлище народонаселенія, оставляющаго родной городъ и уносящаго свою святыню, было поразительно. „Я плакала и молилась вмѣстѣ съ ними и пришла къ своимъ знакомымъ совершенно разстроенная“ [21]).

---

[20]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 23 Авг. 1812 г.

[21]) L'incendie de Moscou etc. par m-me Fusil. 2-е изд. Paris, 1817, стр. 3—4.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Князь Кутузовъ прибылъ къ войскамъ, въ Царево-Займище, 17 Августа. Они приняли его съ такимъ-же восторгомъ, съ какимъ во все время его пути отъ Петербурга повсюду его встрѣчалъ и провожалъ народъ. За нѣсколько времени до его пріѣзда, въ войскахъ разнеслась вѣсть о его назначеніи главнокомандующимъ всѣми арміями; но главнокомандующіе первой и второй арміями получили рескрипты императора только 16 Августа, наканунѣ пріѣзда князя Кутузова [1]). Не смотря на то,

[1]) Рескриптъ князю Кутузову былъ подписанъ императоромъ 8-го Авг., также какъ и рескрипты Барклаю-де-Толли, кн. Багратіону и Тормасову. Они были одинаковаго содержанія (Данилевскій, Собр. соч., т. IV, стр. 394). Кн. Багратіонъ отвѣчалъ на рескриптъ государя слѣдующимъ письмомъ: „Всемилостивѣйшій государь! Рескриптъ В. И. В. отъ 8 Авг. о назначеніи надъ всѣми четырьмя арміями главнымъ начальникомъ генерала отъ инфантеріи кн. Кутузова, я сего Августа 16-го дня удостоился получить. Пріемля съ благоговѣніемъ высочайшую В. И. В. волю, я не перестану всеусерднѣйше желать, дабы высочайшія намѣренія ваши сопровождались наилучшимъ успѣхомъ. Стѣсненныя совершенно обстоятельства, коихъ ни отвратить, ни улучшить не состояло въ моей возможности, поставляли меня до сего безуспѣшнымъ въ исполненіи всевысочайше возложенной на меня обязанности защищать Отечество и его пользы. Не могъ я, всемилостивѣйшій государь, не чувствовать сего во всемъ пространствѣ. Всякій шагъ земли, предоставляемый отступленіемъ нашимъ непріятелю, раздиралъ душу мою. Сіи потрясенія, дѣйствуя сильно, хотя не совершенно разстроили здоровье мое; но настоящее положеніе, требующее отъ каждаго вѣрноподданнаго всѣхъ усилій къ защитѣ всеавгустѣйшаго Престола и Отечества, налагаетъ на меня священнѣйшую обязанность, несмотря ни на какія обстоятельства и причины, истощить и послѣднія мои силы для пользы Отечества, превыше которой нѣтъ ничего для меня въ мірѣ. Для сего я готовъ пролить и всю кровь мою. 19 Авг. 1812 г., деревня Сельцы, въ 4 верстахъ отъ Гжатска“. Какъ могли быть рескрипты отъ 8 Авг. получены только 16 главнокомандующими, когда даже кн. Кутузовъ прибылъ въ 6 дней изъ Петербурга въ Царево-Займище (выѣхалъ 11-го, прибылъ 17-го Авг.), безъ сомнѣнія ѣхавши не такъ скоро, какъ ѣздили фельдъегеря въ то время? Барклай-де-Толли писалъ императору, отвѣчая на этотъ рескриптъ, 16-го Авг. изъ Вязьмы. Его письмо напечатано у М. И. Богдановича (Истор. отечеств. войны, т. II, гл. XX, стр. 121—122); но безъ слѣдующаго начала письма: „Всякій вѣрный подданный и ревностный слуга своего государя и Отечества долженъ испытать истинную радость при вѣсти о назначеніи кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми арміями съ властью направлять ихъ дѣйствія къ общей цѣли. Позвольте выразить вамъ, государь, это чувство радости, которымъ я проникнутъ. Я молю Провидѣніе, чтобы успѣхъ соотвѣтствовалъ вашимъ намѣреніямъ. Что касается до меня, то я желаю только жертвою моей жизни доказать мое усердіе къ службѣ Отечеству, какія бы обязанности ни были на меня возложены и какое бы мѣсто я ни занималъ. Осмѣливаюсь умолять В. И. В. не считать мое почтительнѣйшее донесеніе N..., какъ выраженіе испуганнаго самолюбія, потому что въ настоящихъ обстоятельствахъ было бы измѣною не чувствовать опасности, въ какой находится Отечество и необходимости жертвовать для него всѣмъ. В. И. В. удостоивали меня своей высокой довѣренности, и потому я позволяю себѣ говорить съ полною откровенностію, и т. д“. Изъ послѣднихъ словъ этой выписки видно, что Барклай-де-Толли еще прежде этого письма писалъ уже государю и, какъ кажется, по тому же поводу. Если вѣрно это предположеніе, то слѣдовало бы полагать, что Барклай-де-

Барклай-де-Толли продолжалъ по прежнему отыскивать позиціи, чтобы дать общее сраженіе, начиналъ укрѣплять ихъ и потомъ оставлялъ немедленно. Въ день полученія рескриптовъ возводились укрѣпленія при селѣ Ѳедоровскомъ, въ 16-ти верстахъ отъ Вязьмы къ Гжатску. Въ это время и князь Багратіонъ, негодовавшій на Барклая за постоянное отступленіе и нерѣшимость, совѣтовалъ осступать далѣе. „По моему мнѣнію, писалъ онъ къ Барклаю-де-Толли, позиція здѣсь никуда не годится; а что̀ всего хуже,—воды нѣтъ. Жаль людей и лошадей. Постараться надо идти въ Гжатскъ: городъ торговый, и позиціи должны быть. Но всего лучше тамъ присоединить Милорадовича и драться уже порядочно. Жаль, что насъ завели сюда, и непріятель приблизился. Лучше бы вчера подумать и прямо слѣдовать къ Гжатску, нежели быть безъ воды и безъ позиціи: люди бѣдные ропщутъ, что ни пить, ни кашу варить не могутъ. Мнѣ кажется, не мѣшкая дальше идти. Аріергардъ усилить пѣхотою и кавалеріею, и уже далѣе Гжатска—ни шагу. Къ тому мѣсту можетъ прибыть *новый главнокомандующій*. Вотъ мое мнѣніе, впрочемъ какъ вамъ угодно“ [2]).

Это было послѣднее письмо князя Багратіона къ главнокомандующему первою арміею, заключавшее длинный рядъ непріязненныхъ между ними сношеній. Въ немъ выразились вполнѣ какъ личныя свойства Багратіона, такъ и его взглядъ на военныя дѣйствія. Въ виду общей пользы, при такихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ готовъ пожертвовать личными счетами и находиться подъ начальствомъ младшаго сравнительно съ нимъ по службѣ генерала; но онъ, какъ старѣйшій изъ военачальниковъ, главнокомандующій, опытный въ дѣлѣ военномъ, не считалъ нужнымъ ни скрывать своихъ мнѣній, ни одобрять распоряженій, которыя считалъ неправильными. Онъ постоянно совѣтовалъ, послѣ соединенія армій, дѣйствовать наступательно; но если уже сила обстоятельствъ принудила къ отступленію, то не тратить времени на остановку на позиціяхъ выбранныхъ наскоро, не истощать силъ на постройку укрѣпленій, которыя должны немедленно быть оставлены, или по неудобству самыхъ позицій, или въ слѣдствіе сильнаго напора непріятеля, не дававшаго времени укрѣпить ихъ надлежащимъ образомъ. Къ выраженію этой общей мысли присоединялись въ это время и особенные поводы: позиція при с. Ѳедоровскомъ была неудобна по недостатку воды; а между тѣмъ къ войскамъ приближались уже значительныя подкрѣпленія, которыя велъ Милорадовичъ. Войска, значительно потерпѣвшія во время защиты Смоленска, при Валутинѣ и въ ежедневныхъ почти, иногда упорныхъ, дѣлахъ аріергарда, во все продолженіе отступленія, конечно нуждались въ подкрѣпленіяхъ; а участіе въ приготовлявшейся рѣшительной битвѣ такого генерала какъ Милорадовичъ было бы настолько же важно, какъ и самое усиленіе войскъ новыми подкрѣпленіями.

Совѣты кн. Багратіона оказали дѣйствіе. Распорядившись отступленіемъ войскъ къ Цареву-Займищу, Барклай-де-Толли писалъ Милорадовичу въ

Толли задержалъ доставленные рескрипты государя кн. Багратіону, что̀ едвали вѣроятно. Скорѣе можно предполагать, что отправленіе ихъ изъ Петербурга было задержано, по какимъ либо соображеніямъ, съ тою цѣлію, чтобы оба главнокомандующіе получили ихъ передъ самымъ пріѣздомъ кн. Кутузова, и Барклай-де-Толли упоминаетъ въ письмѣ о какомъ нибудь изъ своихъ донесеній, не относящемся до назначенія новаго главнокомандующаго.

[2]) Письмо 16 Авг. 1812 г., дер. Максимовка. Помѣта на письмѣ рукою Барклая-де-Толли: „дать тотчасъ повелѣніе къ отступленію, завтра въ 4 часа, поутру“. Записки А. П. Ермолова, ч. I, стр. 208—209, прилож.

тотъ же день, прося ускорить движеніе его корпуса. „Непріятель, со всѣми силами преслѣдующій армію, достигаетъ наконецъ Вязьмы, куда уклонился. Я надѣюсь получить сикурсы. Здѣсь неизбѣжное сраженіе, которое опредѣлитъ участь государства; здѣсь нужны напряженія всѣхъ усилій, здѣсь нужно присутствіе ваше и войскъ, вами одушевляемыхъ. По скорости, съ каковою вы подвигли ваши войска, предполагаю, что вы слѣдуете на подводахъ; ибо иначе пѣхота пришла бы утомленною. Чтò касается до артилеріи, то спѣшу упредить васъ, что столько велико количество ея при арміяхъ, что и для войскъ вашихъ будетъ слишкомъ достаточно; а потому извольте всю вашу артилерію оставить въ Можайскѣ для войскъ, изъ Москвы прибыть долженствующихъ. Имъ она полезна; вамъ придается безъ нея бòльшая скорость движенія". Не смотря на желаніе главнокомандующаго ускорить движеніе войскъ Милорадовича, они соединились съ арміями только черезъ три дня послѣ того письма. Ихъ велъ *крылатый* Милорадовичъ, какъ называлъ его князь Кутузовъ, и слѣдовательно ранѣе они не могли соединиться. Это обстоятельство и предвидѣлъ начальникъ штаба первой арміи Ермоловъ. Въ тотъ же день, какъ и Барклай-де-Толли, онъ писалъ Милорадовичу: „Спѣшите, почтеннѣйшій Михаилъ Андрѣевичъ, къ намъ и если войска ваши не приспѣютъ раздѣлить славу нашу, пріѣзжайте вы одни. Я знаю, что вы здѣсь нужны. Пріѣзжайте, всѣми любимый начальникъ; будьте свидѣтелемъ сраженія, которому конечно равнаго до сего не будетъ. Мы будемъ драться какъ львы; ибо знаемъ, что въ насъ надежда, въ насъ защита любезнаго Отечества. Мы можемъ быть несчастливы; но мы Русскіе, мы будемъ умѣть умереть, и побѣда врагамъ нашимъ достанется плачевною. Солдаты наши остервенены, ужасны; надобно показаться впереди, и ничто, конечно, устоять не можетъ. Здѣсь нѣтъ почти полка, который бы не служилъ подъ вашимъ начальствомъ. Впереди васъ никто не бываетъ. Покажитесь только — и все останется истребленнымъ противустоящее имъ" [3]). Хотя и трудно было дать рѣшительное сраженіе непріятелю (который только того и желалъ), не усиливъ войскъ новыми подкрѣпленіями; но приведенныя слова Ермолова могутъ служить подтвержденіемъ, что главнокомандующій рѣшился въ это время дѣйствительно дать сраженіе, какъ онъ самъ увѣрялъ въ послѣдствіи, говоря: „Я твердо рѣшился на семъ мѣстѣ дать рѣшительное сраженіе" [4]).

Но прежде, нежели успѣли эти письма дойти до Милорадовича, онъ получилъ уже предписаніе князя Кутузова: „съ войсками его взять позицію по дорогѣ отъ Москвы къ Дорогобужу и въ случаѣ, если бы потребовалось ему, къ усиленію себя войскомъ, Московское ополченіе, тогда бы обратился съ просьбою къ начальнику онаго". *Кутузовъ* по этому поводу писалъ и къ гр. Ростопчину, чтобы онъ, „по требованію Милорадовича, усилилъ его всѣми тѣми войсками, которыя уже нѣкоторой зрѣлости въ формированіи своемъ достигли, дабы тѣмъ главныя арміи нашли себѣ новые источники къ усиленію. Вашему сіятельству (писалъ онъ) важность сего предмета столь извѣстна, что я не смѣю сомнѣваться въ томъ, чтобы Московское дворянство, явившее толикія доказательства неограниченной

---

[3]) Письма Барклая-де-Толли и Ермолова къ Милорадовичу отъ 16 Авг. изъ Вязьмы, 1812 г. Ср. Ѳ. Н. Глинки: Подвиги гр. Милорадовича. М. 1814 г., стр. 1—4; Дѣянія гр. Милорадовича СПБ. 1816 г. ч. II, стр. 11—13.

[4]) Изображеніе военн. дѣйствій первой арміи, стр. 14. Чтенія въ Моск. общ. истор. и древн. 1858 г., кн. 4.

своей преданности къ общей пользѣ и начальники ополченія сего не поспѣшили поставленіемъ силъ своихъ туда, куда нужда ихъ требуетъ. Сверхъ того покорнѣйше прошу ваше сіятельство о состояніи всего Московскаго округа ополченія и о готовности онаго съ симъ курьеромъ доставить мнѣ обстоятельныя свѣдѣнія“ [5]).

Въ тотъ же день, какъ были отправлены письма къ Милорадовичу, Барклай-де-Толли, вѣроятно соображаясь съ совѣтомъ князя Багратіона, усилилъ аріергардъ третьею дивизіею и вторымъ кавалерійскимъ корпусомъ подъ начальствомъ ген. Коновницина. Барклай былъ недоволенъ Платовымъ, который начальствовалъ до этого времени аріергардомъ и не слабости самыхъ его войскъ, преслѣдуемыхъ всею Французскою конницею и корпусомъ маршала Даву, но его безпечности и нераспорядительности приписывалъ, что онъ недовольно сдерживалъ напоръ непріятеля, слишкомъ скоро отступалъ и наводилъ его на наши арміи. Отстранивъ Платова, подъ предлогомъ, что императоръ вызываетъ его въ Москву для свиданія съ нимъ и личныхъ переговоровъ по важнымъ дѣламъ, Барклай поручилъ начальство надъ аріергардомъ ген. Коновницину. „Онъ доставлялъ арміи несравненно больше спокойствія (говоритъ Ермоловъ), нежели прежде атаманъ Платовъ“ [6]).

На другой день послѣ всѣхъ этихъ распоряженій, наши войска подошли утромъ къ Цареву-Займищу, гдѣ немедленно началась постройка укрѣпленій. Но въ тотъ же день, въ 11-мъ часу утра, князь Кутузовъ уже приблизился къ Гжатску. Верстъ за пять отъ города его встрѣтили жители, отпрягли лошадей и сами довезли экипажъ до назначеннаго для него дома. Въ Гжатскѣ онъ получилъ письмо отъ графа Ростопчина, на которое немедленно отвѣчалъ ему. Къ сожалѣнію, это письмо графа Ростопчина, въ которомъ онъ поздравлялъ князя Кутузова съ назначеніемъ въ главнокомандующіе всѣми арміями, не сохранилось. Въ своихъ Запискахъ онъ упоминаетъ о немъ мимоходомъ, съ явнымъ желаніемъ не придавать ему особаго значенія, потому конечно, что выраженное имъ въ этихъ Запискахъ мнѣніе о Кутузовѣ находилось въ полномъ противорѣчіи съ тѣмъ, которое онъ самъ раздѣлялъ съ Москвою и всею Россіей въ то время, когда совершалось это событіе. „Съ нарочнымъ я отправилъ къ нему письмо (говоритъ онъ), въ которомъ ничего не могъ лучшаго выразить какъ то, что жители Москвы сочли бы себя весьма счастливыми, еслибъ могли поднесть ему лавровый вѣнокъ, въ качествѣ ихъ избавителя. Я описалъ ему состояніе Москвы, ея средства, число оружія въ арсеналѣ и пр. Я приложилъ къ письму географическія карты каждаго уѣзда Московской губерніи. Съ самого начала войны, я распорядился о приготовленіи этихъ картъ. Надъ этою работою сидѣли дни и ночи, и наконецъ онѣ были готовы. Онъ отвѣчалъ мнѣ самымъ лестнымъ письмомъ, требовалъ присылки Московскаго ополченія и продовольствія, въ которомъ нуждались войска и, возлагая все упованіе на Бога при такомъ важномъ назначеніи, которое получилъ, изъявлялъ готовность сдѣлать все, къ чему обязываютъ его честь, усердіе и любовь къ Оте-

---

[5]) Списокъ съ этого письма находится въ Арх. Главн. Штаба, безъ означенія когда и откуда оно писано; но по его содержанію видно, что оно писано изъ Петербурга, до отъѣзда кн. Кутузова къ войскамъ: потому что письмо отъ гр. Ростопчина, полученное Кутузовымъ въ Гжатскѣ, было отвѣтомъ на это письмо. Гр. Ростопчилъ сообщалъ ему именно тѣ свѣдѣнія, о которыхъ онъ просилъ его въ этомъ письмѣ.

[6]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 188.

честву“. Этотъ отвѣтъ князя Кутузова сохранился и даетъ возможность опредѣлить и содержаніе письма графа Ростопчина. „Письмо, которымъ ваше сіятельство меня удостоить изволили (писалъ кн. Кутузовъ) имѣлъ я честь получить съ чувствомъ признательности, соотвѣтственно той искренности, которою оно наполнено. Надежды, которыя вы на меня полагаете, съ помощію Божіею оправдать постараюсь, какъ всякій Русской; за васъ же ручаюсь, что не откажете мнѣ во всемъ томъ, что̀ до пользы общей касается и отъ вашихъ силъ зависить будетъ. Письмо ваше прибыло со мною въ Гжатскъ сейчасъ, въ одно время. Не видавшись еще съ командовавшимъ доселѣ арміями, военнымъ министромъ, и не будучи еще достаточно извѣстенъ о всѣхъ средствахъ у нихъ имѣющихся, не могу ничего сказать положительнаго о будущихъ предположеніяхъ на счетъ дѣйствій армій. Не рѣшенъ еще вопросъ: потерять-ли армію, или потерять Москву? По моему мнѣнію, съ потерею Москвы соединена потеря Россіи. Теперь я все мое вниманіе обращаю на приращеніе арміи, и первымъ усиліемъ для оной будутъ прибывающія войска Милорадовича, около 15 тысячь составляющія. Ираклій Ивановичъ Марковъ извѣщаетъ меня, что уже одинадцать полковъ Московскаго ополченія выступили къ разнымъ пунктамъ. Для сего надежнаго оплота желательно бы было имѣть ружья съ принадлежностями, и я, усмотрѣвъ изъ вѣдомостей, вами при отношеніи ко мнѣ приложенныхъ, что въ Московскомъ арсеналѣ есть годныхъ 11.945 ружей и слишкомъ 2000 мушкетовъ и карабиновъ, да требующихъ нѣкоторой починки ружей, мушкетовъ и штуцеровъ слишкомъ 18.000, покорно просилъ бы васъ тѣми средствами, какія вы заблагоразсудите, приказать починкою исправить; а я какъ о сихъ, такъ и о первыхъ узна̀ю у военнаго министра, буде не назначено имъ какого либо другаго употребленія (можетъ быть, употреблено на ополченіе) и васъ не умедлю о томъ увѣдомить. *Вызовъ 80 тысячъ, сверхъ ополченія,* вооружающихся *добровольно* сыновъ Отечества, есть черта, доказывающая духъ Россіянина и довѣренность жителей Московскихъ къ начальнику, ихъ оживляющему. Вы несомнѣнно оный поддержите такъ, чтобы армія, въ увѣренности успѣховъ своихъ, *могла при случаѣ ими воспользоваться,* и тогда прошу васъ направлять ихъ къ Можайску [7])“.

Послѣднія строки этого письма не могутъ не обратить на себя особеннаго вниманія. Изъ нихъ оказывается, что, *сверхъ* общаго ополченія Московскаго округа, графъ Ростопчинъ вызывался составить изъ *добровольно вооружавшихся*, конечно Московскихъ и подмосковныхъ жителей, особое ополченіе въ количествѣ весьма значительномъ, 80-ти тысячъ. Это извѣстіе безъ сомнѣнія порадовало князя Кутузова, котораго, со дня его назначенія главнокомандующимъ всѣми арміями, постоянно занимало желаніе усилить первую и вторую армію новыми подкрѣпленіями въ виду предстоявшей имъ рѣшительной битвы, которой желалъ государь и требовало общее мнѣніе всей Россіи. Приведенный нами отвѣтъ его на письмо графа Ростопчина доказываетъ, что онъ съ удовольствіемъ узналъ объ этомъ обстоятельствѣ и расчитывалъ на помощь, которую это новое ополченіе могло оказать войскамъ.

Въ 3-мъ часу пополудни князь Кутузовъ прибылъ въ Царево-Займище. Поздоровавшись съ приготовленнымъ для него почетнымъ карауломъ, онъ какъ бы про себя сказалъ: „Какъ можно отступать съ такими молод-

---

[7]) Письмо кн. Кутузова къ графу Ростопчину изъ Гжатска отъ 17 Авг. 1812. Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин., т. IV, стр. 402; Дубровинъ, Москва и графъ Ростопчинъ въ 1812 г. Военн. Сборн. 1863 г. № 7, стр. 141.

цами!“ Наслышавшись въ Петербургѣ извѣстій о томъ, что въ слѣдствіе постоянныхъ отступленій войска потеряли духъ, естественно было новому главнокомандующему, пріѣхавшему съ твердымъ намѣреніемъ дать рѣшительное сраженіе, дѣйствовать всѣми способами, чтобы снова поднять духъ войскъ. Объ уныніи, въ которомъ находились войска въ это время, говорятъ многіе свидѣтели-современники; но „вдругъ электрически пробѣжало по арміи извѣстіе о прибытіи князя Кутузова. Минута радости была неизъяснима (говоритъ одинъ изъ нихъ); имя этого полководца произвело всеобщее воскресеніе духа въ войскахъ, отъ солдата до генерала. Всѣ кто могъ полетѣли на встрѣчу почтенному вождю—принять отъ него надежду на спасеніе Отечества. Офицеры весело поздравляли другъ друга съ счастливою перемѣною обстоятельствъ. Даже солдаты, шедшіе съ котлами за водою, по обыкновенію вяло и лѣниво, услышавъ о пріѣздѣ любимаго полководца, съ крикомъ: Ура! побѣжали къ рѣчкѣ, воображая, что уже гонятъ непріятелей. Тотчасъ у нихъ проявилась поговорка: пріѣхалъ Кутузовъ бить Французовъ [8])“.

Пообѣдавъ на-скоро, новый главнокомандующій немедленно отправился, въ сопровожденіи Барклая, осматривать позицію. Онъ ѣхалъ верхомъ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ бѣлой фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкою черезъ другое. Солдаты было засуетились, начали чиститься, тянуться, строиться. „Не надо, ничего этого не надо“, сказалъ имъ кн. Кутузовъ. „Я пріѣхалъ только посмотрѣть, здоровы-ли мои дѣти. Солдату въ походѣ не о щегольствѣ думать: ему надо отдыхать послѣ трудовъ и готовиться къ побѣдѣ“. Въ послѣдствіи, во время движенія войскъ, замѣтивъ, что обозъ какого-то генерала мѣшаетъ проходить полкамъ, онъ велѣлъ немедленно освободить дорогу, громко говоря: „солдату въ походѣ каждый шагъ дорогъ; скорѣй придетъ, больше отдыхать будетъ“. Весьма естественно (какъ и замѣчаетъ одинъ изъ очевидцевъ-свидѣтелей), такія слова главнокомандующаго все войско исполнили къ нему любовью и довѣренностью. „Вотъ пріѣхалъ нашъ батюшка, говорили солдаты: онъ всѣ наши нужды знаетъ. Какъ не драться при немъ! Въ его глазахъ всѣ до одного рады головы положить“. „Я сейчасъ видѣлъ свѣтлѣйшаго Голенищева-Кутузова, говоритъ тотъ же современникъ, сидѣвшаго на простой скамьѣ, подлѣ одной избы. Множество генераловъ окружали его. Радость войскъ неописанна; у всѣхъ лица сдѣлались свѣтлѣе, и военныя бесѣды вокругъ огней радостнѣе“. „Дымныя поля бивуаковъ начинаютъ оглашаться пѣснями и музыкой, чего давно не бывало“, прибавляетъ другой [9]).

Храбрый лично въ бою, хладнокровно, никогда не теряя присутствія духа, распоряжавшійся при самыхъ опасныхъ оборотахъ сраженій, Барклай былъ молчаливъ, нелюдимъ, малодоступенъ и никогда почти не говорилъ съ солдатами. Образъ дѣйствій въ этомъ отношеніи князя Кутузова былъ совершенно противуположный, и онъ не преднамѣренно принялъ его, для отличія отъ образа дѣйствій Барклая. Напротивъ, онъ продолжалъ свое обычное отношеніе къ войскамъ, находившимся подъ его начальствомъ, то отношеніе, которое напоминало имъ Суворова. Преданія объ этомъ вождѣ еще жили въ войскахъ; а его сотрудники, кн. Багратіонъ, Милорадовичъ и старѣйшій изъ нихъ кн. Кутузовъ, въ лицахъ представ-

---

[8]) Походн. записки артиллериста, ч. I, стр. 131—132.

[9]) Ѳ. Н. Глинка, Письма Русск. офицера, изд. 1870 г. стр. 17—18; Записки артиллериста, ч. I, стр. 134.

ляли то обращеніе съ солдатомъ, которое соединялось съ великимъ именемъ Суворова. Въ войскахъ, начиная съ генераловъ и до послѣдняго солдата, никто не заблуждался въ значеніи этой войны; сознательно или безсознательно, но всѣ чувствовали грозившую Отечеству опасность. Постоянное отступленіе усиливало тягость этого чувства. Съ пріѣзда князя Кутузова это положеніе дѣлъ съ разу измѣнилось; а между тѣмъ въ чемъ же заключалось первое распоряженіе новаго военачальника? Отступать! И не смотря на то, „что отступленіе продолжалось, говоритъ участникъ въ событіяхъ, мы думали, что идемъ на встрѣчу Французовъ. Такъ присутствіе кн. Кутузова воскресило духъ во всѣхъ войскахъ“. Это понялъ и оцѣнилъ новый главнокомандующій. Черезъ день послѣ пріѣзда къ войскамъ, въ частномъ, семейномъ письмѣ въ Петербургъ, онъ писалъ: „Я, слава Богу, здоровъ и питаю много надежды. Духъ въ арміи чрезвычайный, и хорошихъ генераловъ весьма много. Право, недосугъ [10])“.

Причины отступленія отъ Царева-Займища къ Бородину онъ объяснилъ подробно въ первомъ своемъ, по прибытіи къ войскамъ, донесеніи императору. „Я нашелъ, что многіе полки отъ частыхъ сраженій весьма истощились, потому что только одинъ вчерашній день прошелъ безъ военныхъ дѣйствій. Я принялъ намѣреніе недостающее число людей пополнить приведенными вчера генераломъ Милорадовичемъ и впередъ прибыть имѣющими войсками пѣхоты 14.587, конницы 1.002 человѣка, такъ чтобы были распредѣлены по полкамъ, потому что это войско ненадежно, состоя изъ рекрутовъ и имѣя большой недостатокъ въ штабъ и оберъ-офицерахъ. Я предпочелъ отправить назадъ штабъ-оберъ-и унтеръ-офицеровъ, а барабанщиковъ и всѣхъ рядовыхъ обратить къ укомплектованію старыхъ полковъ, потерпѣвшихъ въ сраженіяхъ. Для удобнѣйшаго укомплектованія велѣлъ я изъ Гжатска отступить на одинъ маршъ и, смотря по обстоятельствамъ, еще на другой, чтобы на вышеупомянутомъ основаніи присоединить къ арміи отправляемыхъ изъ Москвы, въ довольномъ количествѣ, ратниковъ. *Къ тому же мѣстоположеніе при Гжатскѣ нашелъ я невыгоднымъ.* Усилясь такимъ образомъ, какъ чрезъ укомплектованіе потерпѣвшихъ войскъ, такъ и чрезъ пріобщеніе къ арміи нѣкоторыхъ полковъ, формированныхъ кн. Лобановымъ-Ростовскимъ и части Московской милиціи, въ состояніи буду, для спасенія Москвы, отдаться на произволъ сраженія, которое однакоже предпринято будетъ со всѣми предосторожностями, какихъ важность обстоятельствъ требовать можетъ. Имѣющуюся нынѣ съ арміею Смоленскую милицію и часть Московской, въ готовность пришедшую, употребить я намѣренъ такимъ образомъ, что пріобщу ихъ къ регулярнымъ войскамъ, не съ тѣмъ, чтобы ими оныя комплектовать, но чтобы ихъ употреблять тамъ можно было иногда къ составленію съ пиками третьей шеренги, или ставить ихъ за батальонами малыми резервами для отвода раненыхъ, или для сохраненія ружей послѣ убитыхъ, для дѣланія редутовъ и другихъ полевыхъ работъ; наипаче замѣщать мѣста при обозахъ, дабы уже тамъ ни одного солдата держать нужды не было. При семъ нужно взять ту предосторожность, чтобы внушить имъ, что ихъ состояніе отъ того нимало не перемѣнится, что они остаются временными воинами и что все, отъ вашего императорскаго величества имъ обѣщанное, сохранится свято. Сіе готовъ я утвердить имъ и присягою“ [11]).

---

[10]) Письмо кн. Кутузова къ его супругѣ отъ 19 Авг. при Гжатской пристани, также письмо 22 Авг. Русс. Старина 1872 г., № 2., стр. 268.

[11]) Донесеніе кн. Кутузова императору отъ 19-го Авг. изъ Гжатска.

Это донесеніе, кажется, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что неудобство позиціи при Царевѣ-Займищѣ, о которой кн. Кутузовъ мимоходомъ лишь упоминаетъ въ немъ, не составляло главной причины къ отступленію. Главная его забота состояла въ томъ, чтобы усилить войска приближавшимися уже подкрѣпленіями. Они еще не подошли въ то время, когда онъ предписалъ отступленіе (18 Авг.). Только на другой день, когда войска прошли Гжатскъ и расположились лагеремъ при деревнѣ Ивашковѣ, къ нимъ присоединились передовыя части войскъ генерала Милорадовича, за тѣмъ подходили постепенно остальныя и Московское ополченіе, соединившееся съ войсками уже при Бородинѣ, 23 Авг. [12]). Конечно, недолго спустя, они могли бы подойти и къ Цареву-Займищу; но въ то время, когда кн. Кутузовъ прибылъ туда, главная квартира Наполеона была уже въ Вязьмѣ, а его авангардъ въ 18 верстахъ отъ нашей позиціи. Могъ-ли Кутузовъ спокойно ожидать прихода подкрѣпленій, надѣяться, что не только успѣетъ достаточно укрѣпить мѣстоположеніе избранное для сраженія, но и будетъ имѣть время воспользоваться этими подкрѣпленіями, именно такъ, какъ онъ предполагалъ? Въ такой мѣстности, какая, начинаясь почти отъ самого Смоленска, продолжается до Москвы, нельзя было найти хорошей позиціи; могли оказаться болѣе или менѣе удобныя, но каждая потребовала бы искусственныхъ укрѣпленій. Прибывъ къ Цареву-Займищу, Барклай-де-Толли немедленно и приступилъ къ возведенію укрѣпленій; но для того, чтобы ихъ окончить, нужны были время и средства; а между тѣмъ „въ инженерныхъ паркахъ соединенныхъ армій (говоритъ Ермоловъ) не было достаточно шанцеваго инструмента, и всѣ укрѣпленія вообще производились ничтожными способами частныхъ начальниковъ, назначаемыхъ для ихъ обороны“ [13]). Но еще болѣе нужно было времени, чтобы ввести новыя подкрѣпленія въ составъ старыхъ боевыхъ силъ. Конечно не трудно было просто присоединить приходившія подкрѣпленія къ войскамъ; но могли-ли оказать они ту пользу, которую оказали, какъ скоро опытный главнокомандующій влилъ ихъ въ составъ войскъ, уже обдержанныхъ въ бою?

Четыре дни войска продолжали отступленіе, до 22 Августа. Въ продолженіи этого времени кн. Кутузовъ образовалъ свой штабъ, назначивъ, по волѣ государя, его начальникомъ барона Бенигсена, дежурнымъ генераломъ полковника Кайсарова, генералъ-маіора Вистицкаго генералъ-квартирмейстеромъ, а занимавшаго эту должность полковника Толя причислилъ къ штабу, безъ опредѣленнаго назначенія. Распредѣливъ приведенныя Милорадовичемъ войска по старымъ полкамъ, конечно онъ не могъ не дать имъ новаго начальства, чтобы воспользоваться дѣятельнымъ участіемъ славившагося во всѣхъ войскахъ генерала. Онъ поручилъ ему команду надъ двумя корпусами, входившими въ составъ первой арміи, Багговута и Остермана. Тормасову онъ писалъ: „Вы согласиться со мною изволите, что въ настоящія критическія для Россіи минуты, тогда какъ непріятель находится въ сердцѣ Россіи, въ предметъ дѣйствій вашихъ не можетъ уже входить защищеніе и охраненіе отдаленныхъ нашихъ Польскихъ провинцій. Но совокупныя силы 3-й и Дунайской армій должны обратиться на отвлеченіе силъ непріятельскихъ, устремленныхъ противу первой и второй армій. А посему, собравъ къ себѣ всѣ силы генерала Эртеля, у Мозыря находящіяся и генерала Сакена въ Житомірѣ,

---

[12]) Военный журналъ полковн. Толя, подъ 17, 18 и 19 Авг.

[13]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 191, примѣч.

идти съ ними вмѣстѣ съ вашею арміею и дѣйствовать на правый флангъ непріятеля. За симъ адмиралъ Чичаговъ, перешедшій уже со всею арміею, сего мѣсяца семнадцатаго числа, Днѣстръ у Каменца, приметъ на себя всѣ тѣ обязанности, которыя доселѣ въ предметъ вашихъ операцій входили и, занимая дѣйствіями своими нынѣ вами оставляемые пункты, содержа безпрерывную коммуникацію съ вами, операціями своими содѣйствовать долженъ всѣми силами общей цѣли, о чемъ я ему съ симъ пишу".

Спасти Москву,—вотъ мысль, которая по преимуществу занимала главнокомандующаго въ это время и къ которой направлены были всѣ его дѣйствія. Увѣдомляя адмирала Чичагова о направленіи, которое онъ предписалъ арміи Тормасова и поручая ему продолжать его дѣйствія, онъ писалъ: „Прибывъ въ армію, я нашелъ непріятеля въ сердцѣ древней Россіи, такъ сказать, подъ Москвою. Настоящій мой предметъ есть спасеніе Москвы самой; а потому не имѣю нужды изъяснять, что сохраненіе нѣкоторыхъ отдаленныхъ Польскихъ провинцій ни въ какое сравненіе съ спасеніемъ древней столицы Москвы и самыхъ внутреннихъ губерній не входитъ". Но для того, чтобы спасти Москву, необходимо было прежде всего дать сраженіе; отъ его исхода зависили ея судьба и дальнѣйшій способъ военныхъ дѣйствій; а до того времени оставался неразрѣшеннымъ вопросъ, который и выразилъ кн. Кутузовъ въ отвѣтѣ на первое письмо графа Ростопчина: потерять-ли армію, или потерять Москву? Заботы о приготовленіяхъ къ сраженію не истощили однакоже всего его вниманія; именно въ виду этого нерѣшеннаго вопроса, онъ долженъ былъ заботиться о дальнѣйшемъ ходѣ военныхъ дѣйствій, какъ бы сила обстоятельствъ ни разрѣшила этотъ вопросъ, или положительно или отрицательно. Ободряя народъ къ перенесенію бѣдствій войны и поощряя народное возстаніе, онъ написалъ и за своею подписью въ печатныхъ листахъ распространилъ слѣдующее воззваніе къ жителямъ Смоленской губерніи: „Достойные Смоленскіе жители, любезные соотечественники! Съ живѣйшимъ восторгомъ извѣщаюсь я отовсюду о безпримѣрныхъ опытахъ въ вѣрности и преданности вашей къ престолу августѣйшаго Монарха нашего и къ любезнѣйшему Отечеству. Въ самыхъ лютѣйшихъ бѣдствіяхъ своихъ показываете вы непоколебимость своего духа. Вы исторгнуты изъ жилищъ вашихъ, но вѣрою и вѣрностію твердыя сердца ваши связаны съ нами священными, крѣпчайшими узами единовѣрія, родства и единаго племени. Врагъ могъ разрушить стѣны ваши, обратить въ развалины и пепелъ имущества, наложить на васъ тяжкія оковы; но не могъ и не возможетъ побѣдить и покорить сердецъ вашихъ. Таковы Россіяне! Царство Россійское издревле было едина душа и едино тѣло. Оно всегда подвигалось волею своихъ Самодержцевъ и пламенною любовію къ нимъ и къ Отечеству своему. Да подкрѣпитъ Всевышній многотерпѣніе ваше, любезнѣйшіе и достойнѣйшіе соотечественники! Да услышитъ моленія ваши, да поможетъ вамъ свергнуть съ себя иго, и да водворитъ паки во единое семейство миръ, тишину, славу и благоденствіе, коими доселѣ мы наслаждались!" [14])

Въ это же время, съ пріѣзда къ войскамъ князя Кутузова и до Бородинской битвы, случилось такое обстоятельство, на которое до сихъ поръ не обращали вниманія, но которое едвали не заслуживаетъ его въ выс-

---

[14]) Предписанія кн. Кутузова Тормасову и Чичагову отъ 20 Авг., егоже приказы 18 Авг.; Синельникова, Жизнь князя Кутузова, ч. III, стр. 33—34.

шей степени. Уже было замѣчено, что на канунѣ пріѣзда его къ войскамъ, Барклай-де-Толли отнялъ начальство аріергардомъ у Платова и поручилъ его Коновницину. Барклай давно былъ недоволенъ атаманомъ. Донскія войска, находившіяся подъ его начальствомъ, по первоначальному росписанію причислялись къ составу первой арміи; но быстрое движеніе непріятеля по переходѣ черезъ Нѣманъ, разрѣзавшее обѣ арміи и отбросившее ихъ въ противоположныя стороны, было причиною того, что атаманъ Платовъ не успѣлъ соединиться съ первою арміею и долженъ былъ примкнуть ко второй. Его войска находились при ней до самаго ея соединенія съ первою арміею подъ Смоленскомъ. Барклай приписывалъ это обстоятельство или оплошности, или умышленному разсчету Платова. Едва соединились обѣ арміи, какъ онъ писалъ императору: „Отдавъ отчетъ о положеніи военныхъ дѣлъ, позволяю себѣ обратить ваше вниманіе, государь, на предметъ не менѣе важный. Генералъ Платовъ, въ качествѣ начальника иррегулярныхъ войскъ, поставленъ на слишкомъ высокую степень, не имѣя достаточно благородства въ характерѣ, чтобы соотвѣтствовать своему положенію. Онъ эгоистъ и сдѣлался сибаритомъ до высшей степени. Дѣйствительно, его казаки очень храбры; но подъ его предводительствомъ не таковы, какъ бы они должны быть. Его движенія для соединенія съ первою арміею могутъ служить доказательствомъ. Онъ дѣлалъ переходы не болѣе 10 и 15 верстъ въ день, не имѣя въ виду непріятеля. Въ слѣдствіе этого обстоятельства было бы величайшимъ счастіемъ для войскъ вашего императорскаго величества, если бы вы нашли возможнымъ, подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ, удалить его отъ нихъ. Такимъ предлогомъ можно бы заявить или образованіе новыхъ войскъ на Дону, или составленіе полковъ на Кавказѣ. При этомъ можно бы возвести его въ графское достоинство, чего онъ желаетъ болѣе всего на свѣтѣ. Его бездѣятельность такова, что я долженъ отряжать къ нему моихъ адъютантовъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ находился при немъ, или на его аванпостахъ, для того, чтобы быть увѣреннымъ, что мои предписанія будутъ исполнены“ [15]). Это требованіе едва-ли могло произвести пріятное впечатлѣніе на императора. Ему были извѣстны какъ храбрость и военныя заслуги Платова, такъ и полная преданность и любовь Донскихъ казаковъ къ своему атаману. Кѣмъ же замѣстить его, удаливъ изъ дѣйствующихъ войскъ? Такой вопросъ вѣроятно и не возникалъ въ соображеніяхъ главнокомандующаго дѣйствовавшими войсками. Войска Донскихъ казаковъ, по спискамъ военнаго министерства, считались *иррегулярною* конницею, которая могла исполнять успѣшно нѣкоторые особенные виды службъ въ военное время, на аванпостахъ, при преслѣдованіи непріятеля, тревожить его неожиданными нападеніями и т. п. Донскіе полки были бы причислены къ обѣимъ арміямъ и назначались бы, по мѣрѣ надобности, въ аріергардъ и другіе отряды, дѣйствовавшіе отдѣльно. Однако императоръ не могъ не обратить вниманія на самостоятельное значеніе войска Донскаго, какъ военной силы особой *земли*, котораго единство и выражалось въ войсковомъ атаманѣ. Но облекши полновластіемъ главнокомандующаго къ отношеніи къ военнымъ распоряженіямъ, онъ счелъ нужнымъ исполнить его желаніе. „Что касается до атамана Платова (писалъ государь), то, исполняя ваше желаніе, я отзову его для личнаго со мною свиданія въ Москву подъ предлогомъ составленія новыхъ

---

[15]) Письмо Барклая-де-Толли къ императору изъ Смоленска отъ 22 Іюля. Съ 21-го Іюля началось соединеніе армій.

полковъ на Дону“ [16]). Получивъ эти строки, главнокомандующій писалъ государю: „По высочайшей вашего императорскаго величества волѣ, атаманъ войска Донскаго, генералъ отъ кавалеріи Платовъ отправляется въ С.Петербургъ. Разставшись съ нимъ, какъ съ однимъ изъ благонадежнѣйшихъ помощниковъ моихъ, я не могу умолчать передъ вами, государь, о тѣхъ новыхъ къ славѣ и пользѣ Отечества подвигахъ, кои, во все продолженіе настоящей кампаніи, являлъ онъ на каждомъ шагу. Его примѣрная храбрость, благоразумныя распоряженія и отличное въ военныхъ дѣлахъ искусство обезпечивали всѣ движенія наши, удерживали превосходнѣйшаго силами непріятеля и тѣмъ успокоивали цѣлыя арміи. Я не могу опредѣлить цѣны заслугъ его, но пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донести, что они по всей истинѣ достойны тѣхъ отличныхъ воздаяній, коими отъ монаршихъ вашего величества щедротъ украшаются блестящіе доблестями среди вѣрныхъ слугъ вашихъ и безстрашныхъ защитниковъ Отечества“ [17]). Трудно придумать болѣе похвалъ заслугамъ Платова, какія выражены въ этомъ офиціальномъ письмѣ къ государю; но еще труднѣе опредѣлить значеніе этого письма въ отношеніи къ вышеприведенной выпискѣ изъ письма частнаго и откровеннаго. Предполагалъ ли Барклай этою офиціальною бумагою доставить государю поводъ, чтобы даровать Платову награду, которой для него испрашивалъ? Но какая цѣль награды? Если бы она и могла примирить Платова съ удаленіемъ его изъ дѣйствующей арміи, то чтó могло бы примирить общее мнѣніе съ удаленіемъ генерала, пользовавшагося весьма большею извѣстностію во всей Россіи, во всѣхъ слояхъ общества, и это въ самое важное время, наканунѣ, такъ сказать, рѣшительной битвы?

Хотя Барклай 14 Августа извѣстилъ императора о поѣздкѣ атамана Платова въ Петербургъ; но до 16 Авг. Платовъ еще начальствовалъ авангардомъ и могъ предпринять поѣздку лишь по прибытіи къ войскамъ князя Кутузова. Дѣйствительно, черезъ три дня онъ поѣхалъ изъ арміи, но не въ Петербургъ, а въ Москву, пробылъ тамъ одинъ только день, возвратился назадъ и участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи. Графъ Ростопчинъ писалъ къ государю 23 Августа: „Платовъ пріѣхалъ вчера утромъ, предполагая, что васъ встрѣтитъ здѣсь. Сегодня вечеромъ онъ уѣхалъ обратно къ войскамъ. Народъ, узнавъ, что онъ остановился у меня, собрался въ большомъ количествѣ, желая его видѣть. Онъ сообщилъ извѣстія о состояніи войскъ, и толпа разошлась чрезвычайно довольная Платовымъ“ [18]). Въ послѣдствіи графъ Ростопчинъ писалъ въ своихъ Запискахъ: „Проснувшись 22 Августа, я узналъ что пріѣхалъ атаманъ Платовъ и остановился у меня. Онъ мнѣ сказалъ, что пріѣхалъ въ Москву съ цѣлію удобнѣе отправить свои приказанія, чтобы казаки составили поголовное ополченіе. Къ нему пріѣзжали курьеры, и онъ нѣсколькихъ отправилъ, и послѣ обѣда выходилъ къ купцамъ и народу, который во множествѣ собрался, чтобы его видѣть. Онъ разсказывалъ имъ разныя сказки, объявлялъ, что онъ увѣренъ въ побѣдѣ, на основаніи своихъ познаній въ астрологіи, что онъ пріѣхалъ помолиться Московскимъ угодникамъ *) и что въ тотъ же вечеръ онъ уѣдетъ назадъ къ войскамъ. Эти

---

[16]) Письмо императора къ Барклаю-де-Толли, изъ Петербурга отъ 28 Іюля 1812 г.

[17]) Донесеніе Барклая-де-Толли императору изъ главной квартиры въ селѣ Семлевѣ отъ 14 Авг. 1812 г.; писано порусски.

[18]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 23 Авг. 1812 г.

*) Графъ Платовъ — единственный примѣръ старообрядца высокочиновнаго. Въ эту бытность въ Москвѣ (какъ слышано нами отъ людей старыхъ) онъ успѣлъ помолиться на своемъ Рогожскомъ кладбищѣ. *П. Б.*

люди считали его колдуномъ (nécromancien) и высоко цѣнили его дарованія и храбрость. Они называли его истиннымъ Русскимъ (le vrai patriote patriotique)". Свидѣтельство графа Ростопчина показываетъ, какою народною извѣстностію пользовался атаманъ Платовъ.

Зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ въ Москву? Въ современномъ письмѣ государю гр. Ростопчинъ писалъ, что для свиданія съ нимъ: Платовъ предполагалъ, что найдетъ императора въ Москвѣ. Дѣйствительно, молва какъ въ Москвѣ, такъ и въ войскахъ, такимъ образомъ объясняла его поѣздку. Но могъ-ли предполагать это самъ Платовъ? Прибывшій изъ Петербурга кн. Кутузовъ и всѣ его окружавшіе могли сказать ему, что государь поѣхалъ въ Финляндію для свиданія въ Або съ наслѣднымъ Шведскимъ принцемъ, и время его возвращенія едва-ли могло быть кому-либо извѣстно. Онъ возвратился въ Петербургъ именно въ тотъ день 21 Авг., когда Платовъ изъ арміи поѣхалъ въ Москву и конечно не имѣлъ въ виду найти его въ ней. Изъ Москвы Платовъ отправилъ на Донъ, именно 22 Авг., предложеніе Войсковой Канцеляріи, въ которомъ писалъ: „Теперь я, по высочайшей всемилостивѣйшаго государя императора волѣ, прибылъ въ Москву для полученія личныхъ приказаній его императорскаго величества; но, не имѣя счастія получить высочайшаго его присутствія здѣсь, объяснился обо всемъ подробно, въ разсужденіи ополченія войска нашего, съ главнокомандующимъ въ Москвѣ, г. дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и кавалеромъ графомъ Ростопчинымъ. Я отправляюсь поспѣшно сего вечера въ армію; а сего нарочнаго отправилъ съ симъ рѣшительнымъ уже предложеніемъ моимъ Войсковой Канцеляріи и особеннымъ предписаніемъ войсковому наказному атаману г. генералъ-майору Денисову 6-му".

Эти слова подтверждаютъ разсказъ графа Ростопчина въ его позднѣйшихъ Запискахъ о цѣли пріѣздѣ въ Москву атамана Платова, именно для отправленія предписаній на Донъ. Манифестъ 6-го Іюля, обращенный ко всей Россіи, „ко всѣмъ сословіямъ и состояніямъ" и приглашавшій ихъ единодушіемъ и общимъ возстаніемъ противодѣйствовать грозному непріятелю, конечно былъ понятъ и на Дону какъ призывъ къ общему ополченію. Получивъ его, наказной атаманъ и Войсковая Канцелярія приняли немедленно всѣ приготовительныя мѣры для того, чтобы, по полученіи предписанія, это ополченіе немедленно могло быть составлено и двинуто къ дѣйствующимъ войскамъ. Въ концѣ Іюля, Войсковая Канцелярія и наказной атаманъ увѣдомили Платова о сдѣланныхъ ими распоряженіяхъ; но въ слѣдъ за тѣмъ на Дону былъ полученъ манифестъ 18 Іюля, которымъ призывъ къ народному ополченію ограниченъ только 17-го губерніями и не распространялся на землю войска Донскаго, и конечно не могъ быть въ послѣдствіи распространенъ иначе, какъ новымъ манифестомъ императора. Послѣ этого, отношенія Войсковой Канцеляріи и наказнаго атамана, полученныя Платовымъ въ первыхъ числахъ Августа, оставались безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Но предложеніе въ Войсковую Канцелярію, 22 Августа изъ Москвы, и было отвѣтомъ на эти отношенія. „Отношенія Войсковой Канцеляріи отъ 23 прошлаго Іюля чрезъ нарочнаго я получилъ, писалъ Платовъ. Все сдѣланное ею распоряженіе, изъ ревностнѣйшаго усердія и вѣрноподданнической вѣрности, къ ополченію всего войска нашего, на защиту Отечества и августѣйшаго Престола, противу нашествія злоковарнаго врага, подтверждаю, одобряю и приношу за оное благодарность мою". Вмѣстѣ съ тѣмъ Платовъ предписывалъ, „чтобы всѣ наряженные изъ войска служилые, отставные чиновники и казаки, и словомъ, согласно вышепомянутому отношенію Войско-

вой Канцеляріи, всѣ приготовленные къ ополченію, при тѣхъ самыхъ господахъ генералахъ и полковникахъ, кои назначены, высланы были по полученіи сего въ 24 часа въ походъ, кромѣ 17-ти и 18-ти лѣтнихъ выростковъ, которыхъ не посылать; ибо они, по молодости лѣтъ своихъ, будутъ составлять одинъ только счетъ; а при томъ надобно, чтобы они оставались въ домахъ, сколько для отбытія по внутренности войска повинностей, столько и для надзора за имуществомъ; положить же въ число выступающихъ въ походъ только девятнадцати и двадцатилѣтнихъ выростковъ. Всему наряженному войску слѣдовать прямѣйшими дорогами къ Москвѣ, форсированно, безъ роздыховъ, дѣлая переходы не менѣе шестидесяти верстъ въ сутки. А приближась къ Москвѣ, развѣдывать о мѣстѣ нахожденія арміи и идти для соединенія къ оной; а мнѣ заблаговременно съ нарочными доносить, для надлежащихъ распоряженій. Тѣхъ же командъ, которыя наряжены изъ войска, по посланному предъ симъ съ нарочнымъ повелѣнію моему, къ наказному войсковому атаману отъ 26 числа прошлаго Іюля, не останавливать, а должны они слѣдовать. Я для отысканія оныхъ отправилъ отсюда нарочнаго и приказалъ имъ идти форсированно, безъ роздыховъ, къ Москвѣ, коему далъ о томъ всѣмъ тѣмъ генераламъ, кои отъ войска отряжены, и открытое повелѣніе мое; но нужнымъ нахожу, чтобы подтверждено было о томъ имъ же и отъ наказнаго войсковаго атамана, которому также о томъ предписано: ибо я сейчасъ получилъ свѣдѣніе отъ прибывшаго сюда съ Дону войсковаго старшины Конькова, что изъ Хоперскаго начальства таковыя команды уже выступили. Я въ полной увѣренности, что Войсковая Канцелярія, общимъ содѣйствіемъ съ г. войсковымъ наказнымъ атаманомъ, употребитъ всѣ средства къ самопоспѣшнѣйшему выкомандированію изъ войска въ походъ приготовленныхъ къ тому чиновниковъ и казаковъ, тѣмъ болѣе, что войско Донское, пользовавшись издревле высокомонаршими милостями августѣйшихъ монарховъ своихъ, особенно нынѣ царствующаго всемилостивѣйшаго государя императора, обязано вѣрноподданническимъ долгомъ и данною предъ Богомъ государю и Отечеству присягою жертвовать всѣми силами, для защиты любезнѣйшаго Отечества и августѣйшаго Престола противу нашествія злоковарнаго врага, нарушающаго общее спокойствіе [19]).

Изложенныя свидѣтельства, кажется, естественно приводятъ къ такимъ заключеніямъ: 1) что атаманъ Платовъ въ такое важное время, когда войска готовились къ рѣшительному сраженію, не могъ уѣхать отъ нихъ безъ вѣдома и дозволенія главнокомандующаго, хотя бы и на такое короткое время, какое онъ пробылъ въ Москвѣ; 2) что, предпринимая такую важную мѣру, не могъ онъ распоряжаться безъ согласія и одобренія князя Кутузова: могъ ли онъ скрыть свои отъ него намѣренія, когда счелъ возможнымъ сообщить о нихъ графу Ростопчину?; 3) что это распоряженіе сдѣлано безъ вѣдома государя: въ противномъ случаѣ послѣдовалъ бы манифестъ, или по крайней мѣрѣ въ предложеніи Войсковой Канцеляріи Платовъ предписалъ бы его какъ высочайшее повелѣніе. Это предположеніе подтверждается и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ современномъ донесеніи государю графъ Ростопчинъ умалчиваетъ о дѣйствительной цѣли пріѣзда Платова въ Москву, а объясняетъ его ходившею молвою, будто онъ пріѣзжалъ переговорить съ государемъ, въ предположеніи найти его въ Москвѣ.

---

[19]) Предложеніе ат. Платова Войсковой Канцеляріи 22 Авг. 1812 г. изъ Москвы.

Чтобы оцѣнить значеніе этой мѣры, указывающей на дальновидныя соображенія князя Кутузова, стоитъ лишь припомнить, какую важную услугу Россіи оказали казаки во время преслѣдованія бѣжавшаго непріятеля послѣ оставленія Москвы и до самаго Нѣмана [20]). Поѣздка атамана Платова въ Москву съ тою цѣлію, чтобы сдѣлать распоряженіе о Донскомъ ополченіи, показываетъ, что князь Кутузовъ желалъ сохранить оное въ глубокой тайнѣ. Еслибы это распоряженіе сдѣлано было изъ главной квартиры, то онъ могъ опасаться, и не безъ причины, что оно могло бы огласиться повсюду, прежде нежели успѣли бы привести его въ исполненіе. То обстоятельство, что атаманъ Платовъ нашелъ возможнымъ открыться графу Ростопчину, доказываетъ, что Кутузовъ имѣлъ къ нему полную довѣренность въ это время. Такую же довѣренность и графъ Ростопчинъ питалъ къ новому главнокомандующему. Въ тотъ же день, когда онъ извѣщалъ императора о пріѣздѣ Платова въ Москву, онъ писалъ министру полиціи Балашеву: „Я въ самомъ тѣсномъ и частомъ сношеніи съ кн. Кутузовымъ и теперь занятъ приготовленіемъ сухарей для арміи. Отправленія сдѣлались невозможными по причинѣ разъѣзда ямщиковъ и страха ѣхать къ войскамъ безъ возврата; ибо подводы тамъ задерживаются. На дорогѣ, позади арміи, произошли большіе безпорядки отъ провожающихъ раненыхъ, самыхъ раненыхъ и обозовъ. Для прекращенія безпокойства жителей, я разставилъ по всѣмъ дорогамъ, взявъ 20-ти верстное разстояніе отъ Москвы, роты формирующихся здѣсь полковъ. Всѣ жители столицы измучены ожиданіемъ сраженія, которое ва сихъ дняхъ должно быть въ той позиціи, которую занялъ князь Кутузовъ впереди Можайска“ [21]).

Мародерство (появившееся въ нашихъ арміяхъ отъ постояннаго отступленія, уронившаго духъ войскъ, и особенно отъ недостатка въ продовольствіи), до тѣхъ поръ еще весьма незначительное, грозило въ это время развиться до обширныхъ размѣровъ. На другой день по своемъ прибытіи князь Кутузовъ объявлялъ войскамъ, что „сегодня въ самое короткое время поймано разбредшихся до 2000 нижнихъ чиновъ. Сіе сдѣлано не стараніемъ начальниковъ, но помощію воинской полиціи. Такое *непомѣрное* число отлучившихся отъ своихъ командъ солдатъ, во избѣжаніе службы, доказываетъ *необыкновенное* ослабленіе надзора господъ полковыхъ начальниковъ. Привычка къ мародерству, сею слабостію начальства возымѣвъ дѣйствіе свое на мораль солдата, обратилась ему почти въ обыкновеніе, которое искоренить должны самыя строгія мѣры“ [22]). Кутузовъ дѣйствительно принималъ всѣ мѣры, чтобы прекратить развитіе этого зла, и оно прекратилось только вслѣдствіе его заботъ и принятыхъ имъ мѣръ къ снабженію войскъ достаточнымъ количествомъ продовольствія и благодаря тому нравственному вліянію, которое онъ производилъ на войска. Перевозка и препровожденіе плѣнныхъ пѣшкомъ точно также совершались безпорядочно и потому конечно могли вести къ безпорядкамъ.

Заботы объ этихъ предметахъ и стремленіе усилить войска подкрѣпленіями выразились въ перепискѣ кн. Кутузова съ Московскимъ главнокомандующимъ. Въ отвѣтъ на приведенное выше письмо князя Кутузова изъ Гжатска, графъ Ростопчинъ писалъ ему: „Почтеннѣйшее письмо вашей

[20]) См. въ приложеніи.

[21]) Письмо графа Ростопчина къ министру полиціи отъ 23 Авг. 1812 г.

[22]) Приказъ арміи. Главная квартира при Колоцкомъ монастырѣ № 2, Авг. 18 дня и приказъ Авг. 21, № 5; Богдановича, Истор. отечеств. войны, т. II, гл. XX, примѣч. 30.

свѣтлости изъ Гжатска вчерашняго числа я получилъ и честь имѣю на него отвѣчать, что починка ружій и пистолетовъ въ арсеналѣ постоянно продолжается подъ присмотромъ самодѣятельнаго полковника Курдюмова. Изъ числа Австрійскихъ и Англійскихъ ружей я отпустилъ для вооруженія Московской военной силы 7200 ружей, кои доставлены и розданы. Отпускъ вина въ Вязьму, по требованію военнаго министра и по моему назначенію, остановился, за неимѣніемъ подводъ: но если нужда потребуетъ, то я нарядомъ могу отправить, не взирая на сообщеніе ко мнѣ министра финансовъ, который пользу двухъ Жидовъ, Переца и Стиглица предпочитаетъ продовольствію войскъ, кои должны или спасти Отечество или лечь подъ Москвою. Вопросъ, что̀ лучше: спасти сей городъ или армію по моему мнѣнію не подверженъ ни малѣйшему сомнѣнію. Арміи собраны были и выведены для защиты предѣловъ нашихъ, потомъ должны были защищать Смоленскъ, а теперь спасти Москвою Россію и государя. Каждый теперь изъ Русскихъ полагаетъ всю силу въ столицѣ и справедливо почитаетъ ее оплотомъ царства. Но съ ея впаденіемъ въ руки злодѣя, цѣпь, связующая всѣ мнѣнія и укрѣпленная къ престолу государей нашихъ, разорвется, и общее мнѣніе, раздѣляясь на части, останется бездѣйственно. Народъ Русскій есть самый благонамѣренный; но кто можетъ за него отвѣчать тогда, когда древняя столица сдѣлается мѣстопребываніемъ сильнаго, хитраго и счастливаго непріятеля рода человѣческаго? Волга течетъ 120 верстъ отсюда, Ока 100, и всѣ сношенія съ сѣвернымъ и полуденнымъ краемъ Россіи пресѣкутся. Какого повиновенія и ревности ожидать въ губерніяхъ, когда злодѣй издавать будетъ свои манифесты въ Москвѣ? Какимъ опасностямъ подверженъ будетъ императоръ, или въ недоумѣніи о мѣстѣ своего пребыванія, или доведенный до крайности принять въ защиту себѣ отдаленіе въ дальніе края своей имперіи? Я не могу себѣ представить, чтобы была возможность подумать о мирѣ. Для спокойствія Бонапартова погибель Россіи потребна, и я вамъ скажу, что я писалъ и говорилъ государю, что изъ его подданныхъ сумашедшій или измѣнникъ можетъ полагать прекращеніе сей послѣдней со стороны нашей войны возможнымъ иначе, какъ истребленіемъ непріятеля. Если Провидѣнію угодно, чтобы Россія пала, то падемъ мы всѣ, но съ честію, и я первый почту тогда за милость Божію, если принесу въ жертву жизнь мою Отечеству и не увижу посрамленія его. Вотъ, князь, мои мысли; потому располагайте мною и Москвою. Она къ вамъ преисполнена довѣренностію и возлагаетъ надежды на успѣхи ваши, я же съ истиннымъ почтеніемъ и пр.“ [23]).

Хотя въ письмѣ, на которое графъ Ростопчинъ отвѣчаетъ, князь Кутузовъ и выразилъ свое *мнѣніе*, что съ *потерею* Москвы соединена потеря Россіи; но въ тоже время онъ положительно сказалъ, что вопросъ: потерять ли армію или потерять Москву? еще не рѣшенъ. Конечно въ глазахъ опытнаго вождя рѣшеніе этого вопроса зависѣло отъ числительной силы Русскихъ войскъ въ сравненіи съ непріятельскими и отъ тѣхъ подкрѣпленій, которыя своевременно могли прибыть къ нашимъ арміямъ. Этихъ обстоятельствъ, не прибывши къ арміи и не ознакомившись съ дѣйствительнымъ ея состояніемъ, кн. Кутузовъ конечно и знать не могъ; потому и необходимо возникалъ предъ нимъ тотъ роковой вопросъ, хотя очевидно его цѣль заключалась въ томъ, чтобы отстоять Москву.

Для графа Ростопчина не существовало, по его тогдашнему воззрѣнію, даже самаго вопроса и, выраженный кн. Кутузовымъ, онъ смутилъ его.

---

[23]) Письмо графа Ростопчина къ кн. Кутузову отъ 19 Авг. 1812 г.

Въ слѣдъ за отправленіемъ приведеннаго намъ письма, онъ получилъ извѣстія изъ Гжатска о безпорядкахъ, произведенныхъ тамъ нашими войсками и въ тотъ же день написалъ второе письмо къ кн. Кутузову: „Двое пріѣхавшіе изъ Гжатска сейчасъ увѣрили меня, что обозъ нашъ грабитъ народъ и что армія въ движеніи его оставляетъ и отступаетъ къ Можайску. Не зная предположеній вашей свѣтлости на счетъ безопасности столицы мнѣ ввѣренной, отправилъ я нарочнаго къ вамъ, чтобы отвѣтомъ вашимъ рѣшиться на отправленіе важныхъ предметовъ здѣсь находящихся. Извольте мнѣ сказать, твердое-ли вы намѣреніе имѣете удерживать ходъ непріятеля къ Москвѣ и защищать городъ сей. Посему и приму всѣ мѣры: или, вооружа всѣхъ, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что́ есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе. Вашъ отвѣтъ рѣшитъ меня, а я по смыслу его дѣйствовать буду: съ вами передъ Москвой, или одинъ въ Москвѣ“ [24]).

Сравнивая эти два письма, писанныя въ одинъ и тотъ же день графомъ Ростопчинымъ, нельзя не замѣтить одного и того же настроенія духа, но въ разныхъ степеняхъ. Поставленный княземъ Кутузовымъ вопросъ, спасать ли армію или Москву, при тѣхъ обстоятельствахъ, когда въ его рукахъ находилась участь Отечества, уже взволновалъ графа Ростопчина. Въ такомъ настроеніи духа, онъ получилъ извѣстіе о новомъ отступленіи нашихъ войскъ, т. е. о продолженіи того же образа дѣйствій, которому слѣдовалъ предшественникъ князя Кутузова. Считая такой образъ дѣйствій гибельнымъ для Россіи, Ростопчинъ не только повѣрилъ частнымъ вѣстямъ о томъ, что нашъ обозъ грабитъ г. Гжатскъ, но даже послалъ рѣшительный вызовъ кн. Кутузову, побуждая его окончательно выразить ему свои предположенія о будущихъ дѣйствіяхъ и грозя, въ противномъ случаѣ, что онъ отдѣлитъ свое дѣло отъ общаго дѣла Отечества и будетъ дѣйствовать не *вмѣстѣ* съ нимъ, а *одинъ*—въ Москвѣ. Нѣтъ нужды говорить, какое впечатлѣніе могло произвести это письмо на князя Кутузова, въ самое тяжелое и величественное время его жизни, когда всего нужнѣе было поддержать общее и дружное дѣйствіе всѣхъ силъ Россіи противъ грознаго и опаснаго непріятеля. Конечно, въ этомъ случаѣ самъ графъ Ростопчинъ далъ ему понять, съ кѣмъ, въ его лицѣ, онъ имѣетъ дѣло и выпудилъ дѣйствовать осторожно и недовѣрчиво. Если бы даже онъ и предполагалъ въ это время оставить Москву въ жертву непріятелю: то-и тогда онъ не могъ бы заявить объ этомъ ея главнокомандующему. Въ отвѣтъ на это письмо Кутузовъ написалъ къ нему лишь нѣсколько строкъ: „Я приближаюсь къ Можайску, чтобы усилиться и тотчасъ дать сраженіе. Ваши мысли о сохраненіи Москвы здравы и необходимо представляются; помогите, ради Бога, въ продовольствіи: я нашелъ его въ тѣсномъ состояніи. Въ Москвѣ моя дочь Толстая и 8 внучатъ; смѣю поручить ихъ вашему призрѣнію“.

Находясь въ непрерывной перепискѣ съ графомъ Ростопчинымъ, князь Кутузовъ болѣе всего проситъ его содѣйствія въ отношеніи снабженія войскъ продовольствіемъ, починкою старыхъ ружій и пистолетовъ для вооруженія ополченій, доставленіемъ шанцовыхъ инструментовъ, артиллерійскихъ зарядовъ и устройствомъ правильнаго доставленія всего этого на постоянно нанятыхъ подводахъ. Его письма, ежедневно, одно за дру-

---

[24]) Его же письмо также отъ 19 Авг. 1812.

[25]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 20 Авг. 1812 г.

гимъ, иногда по два и по три въ одинъ день, прибывали къ графу Ростопчину отъ 19 Августа до 1-го Сентября, и большая часть изъ нихъ касается именно этихъ предметовъ и извѣщеній о намѣреніи дать сраженіе и потомъ о самомъ сраженіи—Бородинскомъ.

Убѣдившись, что главнокомандующій непремѣнно дастъ сраженіе и надѣясь на успѣхъ, графъ Ростопчинъ исполнялъ всѣ требованія кн. Кутузова и немедленно извѣщалъ его о своихъ распоряженіяхъ. „Два письма вашей свѣтлости отъ 19 числа и сего утра получилъ. Означенные 1000 топоровъ, 100 лопатокъ и 250 буравовъ завтра же отправлены будутъ. Что же касается до вооруженія Московской военной силы выдачею ружей, то ей сперва 7200, да послѣ 2600 выдано изъ арсенала, и завтра прямо къ вашей свѣтлости отправляется генералъ-лейтенантъ графъ Марковъ, который по сему предмету приметъ и сообщитъ мнѣ приказанія ваши для самоскорѣйшаго исполненія“. День спустя послѣ этого письма, онъ увѣдомилъ князя Кутузова, что „по извѣщенію вашей свѣтлости, я приступилъ тотчасъ къ изготовленію сухарей и могу на одинъ мѣсяцъ напечь и изготовить съ доставленіемъ на 120 тыс., т. е. тридцать тысячъ четвертей муки. Но прошу васъ принять скорѣйшія мѣры для очищенія дороги Московской отъ обозовъ и разбоевъ: безъ того цѣлые транспорты попадутъ въ руки мародерамъ и казакамъ. Теперь графъ Марковъ долженъ уже быть у вашей свѣтлости; а у меня, за исключеніемъ неизвѣстнаго и мнѣ числа жителей Москвы и ея окрестностей, есть до 10.000 челов. обмундированныхъ и больше половины обученныхъ рекрутъ. Я разослалъ уже курьеровъ по сосѣдственнымъ губерніямъ, чтобы они ополченіе ихъ вели въ Москву“. Черезъ сутки потомъ онъ писалъ: „Вчерашній день приступилъ я къ исполненію требованія вашего наймомъ 1000 или болѣе подводъ, помѣсячно, для употребленія при арміяхъ на подвозъ провіанта, и надѣюсь, при первомъ отправленіи, извѣстить васъ объ успѣхѣ. Но если за арміею будутъ происходить подобные бывшимъ безпорядки, то я вамъ ни за что отвѣчать не могу, и сношенія отъ грабежей съ столицею перервутся. Притомъ доведу до свѣдѣнія вашего, что ко мнѣ Ставраковъ присылаетъ какихъ-то пойманныхъ съ паспортами, по его словамъ, подозрительныхъ людей для разбору: то ей Богу теперь и не время и время нѣтъ этимъ вздоромъ заниматься“. На другой день потомъ онъ писалъ: „Имѣю честь отвѣчать на три письма вашей свѣтлости. Требуемыя лошади, по 1000 на каждой станціи отъ Москвы до Можайска, выставлены будутъ, и нарядъ уже сдѣланъ. Но въ Можайскѣ отъ того, что три пограничные уѣзда отошли въ военное распоряженіе, наряду сдѣлать невозможно, и для сего соблаговолите отъ себя сдѣлать предписаніе. Наемъ помѣсячно 1000 и болѣе лошадей, для употребленія при арміи, я очень успѣшно произвелъ. Завтра заключаю контрактъ, который къ вамъ отправляю и съ ними лошадей съ повозками, положа на нихъ сухари. Инструменты для рабочихъ, т. е. лопатки и буравы по требованію вашему куплены и сегодня отправлены. Можайскій и Волоколамскій уѣзды разогнаны казаками и провожатыми раненыхъ. Доказательствомъ то, что нѣсколько лошадей, ихъ привезшихъ, остались безъ хозяевъ. Если безпорядки сіи продолжатся, то ни за что по дорогѣ отвѣчать не можно. И я бы желалъ, чтобы при отправленіи обозовъ имъ дано было направленіе не черезъ Москву, и въ приставы надежный и уваженія достойный человѣкъ“ [26]).

---

[26]) Письма графа Ростопчина къ князю Кутузову отъ 20-го, 22-го, 24-го и 25-го Авг. 1812 г.

Письма графа Ростопчина къ князю Кутузову прекращаются 27 Августа, т. е. днемъ, въ которой онъ получилъ окончательныя свѣдѣнія объ исходѣ Бородинскаго сраженія. Исполняя порученія князя Кутузова, онъ встрѣчалъ однакоже препятствія, которыя, конечно, его тревожили. По требованію еще Барклая-де-Толли доставить въ Вязьму вина для войска, гр. Ростопчинъ столкнулся съ тогдашними винными откупщиками, которые, конечно, защищали свои выгоды и которымъ вынужденъ былъ оказывать, въ силу договоровъ съ казною, свое покровительство и министръ финансовъ. Въ приведенномъ уже письмѣ, 19 Августа, гр. Ростопчинъ писалъ къ кн. Кутузову, что отпускъ вина остановился за неимѣніемъ подводъ; но лишь только онъ ихъ найдетъ, то пришлетъ непремѣнно, не смотря на то, что министръ финансовъ распорядился, чтобы подобныя поставки дѣлались черезъ винныхъ откупщиковъ. Въ письмѣ государю онъ еще рѣшительнѣе выражаетъ свое негодованіе на это распоряженіе. „Обремененный дѣлами, не допускающими отлагательства и въ высшей степени важными, я могу только удивляться вашей несчастной судьбѣ, которая направляетъ вашъ выборъ на людей порочныхъ, которые торгуютъ вашею славою и благосостояніемъ государства. Нужно было отправить вина въ войска, по требованію военнаго министра. Въ вашихъ складахъ находится до 380 тысячъ бочекъ. Оно даже не нужно откупщикамъ. Я отправилъ 23 тысячи ведръ въ Вязьму; но потомъ, при приближеніи, отправка была пріостановлена министромъ финансовъ, который находитъ, что ваше вино должно быть сохраняемо въ цѣлости, но благосклонно условился съ Жидомъ П. и его здѣшнимъ помощникомъ С., которые доставятъ 20 тысячъ ведръ войскамъ, по 5 рублей, тогда какъ ваше вино стоитъ по 2 руб. 50 коп. ведро. Такимъ образомъ въ этомъ случаѣ дѣло идетъ о хорошемъ предпріятіи, которое принесетъ 500 тысячъ рублей этому Жиду. По истинѣ, государь, можно бы министру удовлетвориться тою долею, которую онъ получаетъ съ откуповъ и лѣсами, стоющими до полутора милліона, которые вы милостиво пожаловали этому бѣдному человѣку въ то время, когда вы предписали продавать государственныя имущества, чтобы удовлетворить нѣкоторыя государственныя потребности“ [27]).

Армія нуждалась въ огромномъ количествѣ перевозочныхъ средствъ; необходимо было установить правильный подвозъ продовольствія къ ней и отъ нея, также правильное отправленіе раненыхъ, скопившихся въ большомъ количествѣ въ городахъ и селахъ между Гжатскомъ и Москвою. Естественно, при этомъ постоянномъ передвиженіи подводъ въ огромномъ количествѣ, могли происходить и безпорядки; но едва ли одни они затруднили графу Ростопчину наемъ перевозчиковъ и устройство правильнаго движенія. Главнѣйшая причина заключалась въ томъ, что къ этому времени усилилось движеніе жителей Москвы, стремившихся выѣхать изъ столицы и вывезти свое имущество и въ это же время, по предписанію графа Ростопчина, взято, по наряду, громадное количество подводъ для вывоза изъ Москвы казеннаго имущества и государственныхъ сокровищъ. Быть можетъ ему бы и удалось въ такой короткій срокъ вывезти все что слѣдовало, еслибы потребности войскъ не лишили его важной доли перевозочныхъ средствъ. Удовлетворить потребностямъ арміи онъ могъ не иначе, какъ въ ущербъ вывозу казеннаго имущества и сокровищъ изъ Москвы и еще болѣе въ ущербъ частныхъ лицъ, Московскихъ жителей, которыхъ такъ долго задерживало въ Москвѣ его нравственное на нихъ вліяніе. Въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ, что ему удалось установить правильное движеніе

---

[27]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 23 Августа 1812 г.

обозовъ между Москвою и войсками. „Прибывъ въ Гжатскъ, кн. Кутузовъ требовалъ отъ меня продовольствія для войскъ, въ странѣ, гдѣ не было устроено магазиновъ и гдѣ самый лучшій урожай можетъ прокармливать народонаселеніе не болѣе шести мѣсяцевъ. Хлѣба поспѣли; но собрать ихъ въ присутствіи двухъ армій, изъ которыхъ одна истребляла все, для того чтобы поддержать свое существованіе, другая, чтобы ничего не оставалось врагамъ, не представлялось возможности. Но было довольно запасовъ муки въ казенныхъ магазинахъ; за тѣмъ я скупилъ все, что имѣлось въ продажѣ въ Москвѣ и устроилъ комитетъ, который немедленно приступилъ къ дѣлу, и всѣ булочники были заняты печеніемъ хлѣба; другіе рѣзали его на ломти и сушили день и ночь въ нанятыхъ для того печахъ. Каждое утро обозъ изъ 600 подводъ отправлялся отъ главнаго магазина съ сухарями и крупой для каши къ нашимъ войскамъ, и такой способъ продовольствованія 116 тысячъ человѣкъ продолжалъ дѣйствовать до кануна вступленія непріятеля въ Москву“. Кн. Кутузовъ усиленными просьбами вызвалъ графа Ростопчина на эту дѣятельность. „По полученіи почтеннѣйшаго письма вашего сіятельства отъ 18 Августа относительно затрудненій въ заготовленіи и доставленіи изъ Москвы для арміи хлѣба, спѣшу увѣдомить васъ, государь мой, писалъ Кутузовъ, что въ арміи теперь настоитъ крайняя нужда въ хлѣбѣ. Почему покорнѣйше прошу, обративъ находящуюся въ Москвѣ муку въ сухари, употребить всевозможное стараніе о наискорѣйшемъ доставленіи оныхъ въ армію къ Можайску“. „Я уже имѣлъ честь увѣдомить ваше сіятельство, писалъ онъ на другой день послѣ приведеннаго письма, о недостаткахъ въ продовольствіи, которые арміи наши претерпѣваютъ. Теперь, намѣреваясь, по избраніи мѣста близь Можайска, дать генеральное сраженіе и рѣшительно для спасенія Москвы, побуждаюсь вамъ повторить убѣдительнѣйшія мои о семъ важнѣйшемъ предметѣ настоянія. Если Всевышній благословитъ успѣхи оружія нашего, то нужно будетъ преслѣдовать непріятеля; а въ такомъ случаѣ должно будутъ обезпечить себя также и со стороны продовольствія, дабы преслѣдованіе наше не могло остановлено быть за недостатками. На сей конецъ отношусь я сего же дня къ гг. губернаторамъ Калужскому и Тульскому съ тѣмъ, чтобы они всѣ учиненныя вашимъ сіятельствомъ по сему распоряженія выполняли въ точности и безъ малѣйшаго замедленія. Все сіе предоставляю я *безпримѣрной* дѣятельности вашей“.

Устройство правильныхъ обозовъ между Москвою и дѣйствующими войсками съ одной стороны для доставленія провіанта и другихъ нужныхъ вещей для войскъ, а съ другой для препровожденія въ Москву и далѣе раненыхъ, было заботою кн. Кутузова, еще при самомъ его отправленіи къ арміи, и онъ испросилъ согласіе на это государя. Прибывъ къ войскамъ, онъ поручилъ это дѣло генералъ-интенданту Ланскому; но вѣроятно оно не удавалось въ слѣдствіе привлеченія всѣхъ подводъ къ Москвѣ, какъ постояннымъ выѣздомъ жителей, такъ и распоряженіями генералъ-губернатора о нарядѣ подводъ по уѣздамъ. Поэтому кн. Кутузовъ обратился къ графу Ростопчину съ слѣдующимъ письмомъ: „Я уже нѣсколько разъ относился къ генералъ-интенданту Ланскому о поспѣшнѣйшемъ заготовленіи подводъ для арміи; но какъ теперь настоитъ крайнѣйшая необходимость въ оныхъ, то въ такомъ случаѣ я прибѣгаю съ покорнѣйшею моею просьбою къ безпримѣрно-заботливой и быстрой дѣятельности вашего сіятельства, употребить, милостивый государь мой, всевозможныя мѣры къ наискорѣйшему заготовленію по 1000 подводъ на каждую станцію отъ Москвы до Можайска. Безъ сихъ пособій военныя дѣйствія съ

великимъ вредомъ могутъ быть остановлены". Въ тоже время, чтобы придать наиболѣе значенія своимъ требованіямъ, онъ сообщалъ графу Ростопчину: „Отъ государя императора имѣю я изустное высочайшее повелѣніе учредить изъ вольнонаемныхъ ямщиковъ подвижные магазины; то для того нужно нанять ихъ съ повозками до 1000 и болѣе для того, чтобы употребить къ подвозамъ, а наиболѣе въ преслѣдованіяхъ непріятеля, если Всевышній благословитъ успѣхи нашего оружія. Все сіе поручаю я безпримѣрной вашего сіятельства заботливости и буду съ нетерпѣніемъ ожидать ихъ сюда присылки" [28]).

Изъ этихъ писемъ видно, какъ князь Кутузовъ заботливо щадилъ самолюбіе графа Ростопчина и, въ виду важности совершавшихся событій, не хотѣлъ раздражать его, нуждаясь въ его содѣйствіи для обезпеченія арміи и спокойствія въ Москвѣ. Но графъ Ростопчинъ, исполняя его требованія, постоянно указываетъ на безпорядки, производимые войсками. Показавшіеся было мародеры изъ арміи дѣйствительно производили безпорядки, въ то время когда только что прибылъ кн. Кутузовъ къ войскамъ; но въ то время, когда указывалъ на безпорядки графъ Ростопчинъ, мародерство уже прекратилось, и эти безпорядки могли быть или случайностію, не имѣвшею важнаго значенія или просто ложными извѣстіями, которымъ графъ Ростопчинъ придавалъ вѣру. Современники разсказываютъ объ отступленіи войскъ къ Можайску и Москвѣ, что оно совершалось въ большомъ порядкѣ. „Находясь съ ротою близъ Вязьмы, говоритъ одинъ изъ нихъ, я полюбопытствовалъ съѣздить въ городъ: думаю, не отыщу ли тѣхъ пряниковъ, которые столь прославили Вязьму. Городъ показался мнѣ очень порядочнымъ, много каменныхъ домовъ, церквей, лавокъ, но все было пусто. Жители, не успѣвшіе выбраться изъ города, бѣгали въ страшныхъ суетахъ по улицамъ, а иные выпроваживали изъ своихъ дворовъ повозки съ пожитками. Лавки были открыты; товары хотя всѣ убраны, но еще довольно кое-чего оставалось для поживишки солдатамъ, которые, подъ предлогомъ усталости или водицы напиться, входили въ домы и хозяйничали на просторѣ" [29]). Вотъ въ чемъ состоялъ грабежъ; жители оставляли города и села, увозили что имѣли изъ своего имущества, остальное бросали на произволъ судьбы и часто зажигали свои домы. Дорогобужъ и Вязьма были оставлены жителями и зажжены, лишь только прошелъ нашъ аріергардъ.

Но кромѣ заботъ объ обезпеченіи нуждъ арміи князь Кутузовъ весьма откровенно сообщалъ графу Ростопчину о своихъ приготовленіяхъ къ сраженію. Препровождая графу Ростопчину письмо, которое просилъ обнародовать для успокоенія жителей Москвы, онъ писалъ ему: „Коль скоро я приступлю къ дѣлу, то извѣщу васъ о всѣхъ моихъ предположеніяхъ, дабы вы въ движеніяхъ своихъ могли содѣйствовать мнѣ и—спасенію Отечества". Въ отвѣтъ на письмо графа Ростопчина, въ которомъ онъ требовалъ отъ него признанія, „твердое ли онъ имѣетъ намѣреніе удерживать ходъ непріятеля на Москву", князь Кутузовъ отвѣчалъ: „Письмо ваше я сейчасъ получилъ и спѣшу отвѣчать, что мы идемъ съ арміями не далѣе, какъ къ Можайску и тамъ, съ помощію Божіею и въ надеждѣ на храбрость Русскихъ, дамъ непріятелю баталію. Средства, которыя вы

---

[28]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину отъ 20-го Авг., 21-го при Колоцкомъ монастырѣ, 23-го Авг. позиція при Бородинѣ, и письмо въ Августѣ, но безъ обозначенія числа.

[29]) Записки артиллериста, ч. I, стр. 128—130.

можете мнѣ выслать изъ Москвы, не будутъ излишни, и потому прошу ваше сіятельство о семъ". Къ этому письму онъ собственноручно прибавилъ: „Я нынѣ отступаю, чтобы выбрать позицію. Сегодняшняго числа, хотя довольно хорошая, но слишкомъ велика для нашей арміи и могла бы ослабить одинъ флангъ. Какъ скоро я изберу самую лучшую, то, при пособіи войскъ отъ вашего сіятельства доставляемыхъ и при *личномъ* вашемъ *присутствіи,* употреблю ихъ, хотя еще и недовольно выученныхъ, къ славѣ Отечества нашего" [30]). Въ слѣдъ за этимъ письмомъ пришло другое, въ которомъ князь Кутузовъ писалъ: „Полчаса назадъ не могъ я еще опредѣлительно сказать вамъ этой позиціи, которую предстояло избрать выгоднѣйшею для предполагаемаго генеральнаго сраженія. Но разсмотрѣвъ всѣ положенія до Можайска, намъ та, которую мы нынѣ занимаемъ, представилась лучшею. И такъ на ней съ помощію Божіею ожидаю я непріятеля. Все то, что ваше сіятельство сюда доставить можете и васъ самихъ примемъ съ восхищеніемъ и благодарностію" [31]). Но вслѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ адъютантъ князя Кутузова съ слѣдующимъ письмомъ: „Вручитель сего, адъютантъ мой поручикъ Панкратьевъ, объяснитъ вашему сіятельству причины, побудившія меня оставить Колоцкій монастырь, гдѣ, какъ я имѣлъ честь васъ увѣдомить, намѣренъ былъ я дать генеральное сраженіе. Армія отступитъ еще на 12 верстъ, гдѣ займетъ позицію, для сраженія гораздо выгоднѣйшею признанную" [32]).

Мѣстность отъ Гжатска до Москвы не представляла никакихъ искусственныхъ средствъ, которыя могли бы задержать движеніе непріятеля, ни крѣпостей, ни укрѣпленій. Рѣшившись дать сраженіе, необходимо было обратить все вниманіе на выборъ наиболѣе выгоднаго мѣста. Наконецъ это мѣсто было избрано при Бородинѣ. „Нашедъ выгоднѣйшею со стороны нашей позицію при деревнѣ Бородинѣ для генеральнаго сраженія, утвердясь въ оной (писалъ князь Кутузовъ къ графу Ростопчину) и надѣясь болѣе на помощь всемогущаго Бога, за наинужнѣйшее считаю предварить и покорнѣйше просить ваше сіятельство возвратить безъ задержанія въ армію отправленныхъ уже въ Москву съ транспортами больныхъ 32 лекарей и пригласить еще, буде можно, нѣсколько вольнопрактикующихъ" [33]).

Получивъ это письмо, графъ Ростопчинъ обнародовалъ (25 Авг.): „Свѣтлѣйшій князь, чтобы скорѣе соединиться съ войсками, которыя идутъ къ нему, перешелъ Можайскъ и сталъ на крѣпкомъ мѣстѣ, гдѣ непріятель не вдругъ на него найдетъ. Къ нему отправлено отсюда 28 пушекъ съ снарядами; а свѣтлѣйшій говоритъ, что *Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться.* Вы, братцы, не смотрите на то, что присутственныя мѣста закрыли дѣла, прибрать надобно и пр".

На другой день послѣ этого объявленія графъ Ростопчинъ получилъ отъ князя Кутузова слѣдующее письмо, въ которомъ тотъ писалъ уже объ открытіи военныхъ дѣйствій: „Спѣшу увѣдомить ваше сіятельство, что командующій аріергардомъ нашимъ генералъ-лейтенантъ Коновницинъ

---

[30]) Письмо князя Кутузова къ графу Ростопчину отъ 21 Авг. Колоцкій монастырь, часъ по полуночи.

[31]) Его же письмо такъ же 21 Авг. Колоцкій монастырь.

[32]) Его же письмо такъ же 21 Авг. Колоцкій монастырь.

[33]) Его же письмо къ графу Ростопчину отъ Авг. „ " дня 1812 г. Вѣроятно 22 Августа.

донесъ мнѣ, что 23 числа въ 9 часовъ утра до самаго вечера непріятель не переставалъ съ усиліемъ, въ превосходныхъ силахъ, наступать на него, что искуснымъ дѣйствіемъ нашей артиллеріи всякой шагъ непріятеля впередъ сопряженъ былъ съ большимъ для него урономъ и въ продолженіи 10 часовъ сраженія уступлено не болѣе 10 верстъ, и аріергардъ остановился у Колоцкаго монастыря, въ 16 верстахъ отъ позиціи при Бородинѣ" [34]). Несмотря на открывшіяся уже военныя дѣйствія, кн. Кутузовъ поддерживалъ непрерывныя сношенія съ Московскимъ главнокомандующимъ и извѣщалъ его обо всѣхъ происшествіяхъ. Когда военныя распоряженія поглощали все его время, онъ поручалъ другимъ увѣдомлять графа Ростопчина.

Вслѣдъ за приведеннымъ письмомъ, писалъ графу Ростопчину Кайсаровъ: „Его свѣтлость князь Михаилъ Илларіоновичъ препоручилъ мнѣ честь, находясь самъ въ дѣлѣ, довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что вчерашняго числа, въ два часа пополудни, непріятель въ важныхъ силахъ атаковалъ нашъ лѣвый флангъ подъ командою кн. Багратіона и не только въ чемъ либо имѣлъ поверхность, но потерпѣлъ сильную потерю. Сраженіе продолжалось даже до ночи; вторая кирасирская дивизія по преимуществу отличилась своими атаками, при чемъ взяты плѣнные и пять пушекъ. Сегодня непріятель съ разсвѣтомъ опять направилъ свои силы на лѣвый флангъ. Его свѣтлость въ надеждѣ удержать свою позицію. Завтрашній день о происшествіи сего дня буду имѣть честь увѣдомить ваше сіятельство". Исполняя обѣщаніе, на другой же день Кайсаровъ писалъ: „За вчерашнимъ извѣщеніемъ, которое я имѣлъ честь сдѣлать вашему сіятельству, доношу, что непріятель, занимаясь часъ перестрѣлкою на лѣвомъ флангѣ, ограничился только демонстраціями на оный, которымъ были противопоставлены движенія нашихъ войскъ. Такимъ образомъ кончился вчерашній день" [35]).

Эти извѣстія, полученныя графомъ Ростопчинымъ о столкновеніяхъ съ непріятелемъ, предшествовавшихъ Бородинскому сраженію, о нападеніи на нашъ аріергардъ при Колоцкомъ монастырѣ и о дѣлѣ при Шевардинѣ, послужили ему поводомъ къ обнародованію слѣдующихъ двухъ объявленій, появившихся въ самый день 26-го Августа: „Въ полночь я получилъ слѣдующее извѣстіе отъ его свѣтлости, главнокомандующаго арміями. Вчерашняго числа (24 Августа), во второмъ часу по полудни, непріятель, въ важныхъ силахъ, атаковалъ нашъ лѣвый флангъ, командуемый кн. Багратіономъ и не только въ чемъ либо имѣлъ поверхность, но потерпѣлъ вездѣ сильную потерю. Сраженіе продолжалось даже въ ночи. Вторая кирасирская дивизія преимущественно отличалась своими атаками. Взяты плѣнные и пять пушекъ. Армія наша стоитъ на томъ же мѣстѣ, при деревнѣ Бородинѣ". „Курьеръ, отправленный вчера, въ десять часовъ вечера изъ арміи, привезъ извѣстіе, что, кромѣ перестрѣлки егерей, ничего не произошло во весь день. Въ Субботу Французовъ хорошо попарили: видно отдыхаютъ. У князя Багратіона на лѣвомъ флангѣ передъ одною батареею сочтено болѣе 2000 убитыхъ".

Эти объявленія основаны на тѣхъ письмахъ, которыя мы привели выше, кромѣ послѣднихъ словъ. Число убитыхъ въ Шевардинскомъ дѣлѣ никогда не было опредѣлено съ точностію, и графъ Ростопчинъ или про-

---

[34]) Его-же письмо къ графу Ростопчину отъ 24 Авг., позиція при Бородинѣ.

[35]) Письма Кайсарова къ графу Ростопчину отъ 25 и 26 Авг. Лагерь при Бородинѣ.

извольно показалъ его, или на основаніи свѣдѣній, переданныхъ ему изустно фельдъегеремъ, привезшимъ письмо Кайсарова.

Извѣстія о началѣ военныхъ дѣйствій подъ руководствомъ новаго главнокомандующаго арміями взволновали Москву. Хотя Москва опустѣла уже значительно въ то время, но все таки въ ней оставалось довольно большое количество жителей. Это народонаселеніе казалось еще бо́льшимъ, нежели было, потому что все толпилось на площадяхъ и улицахъ: выходили даже за Дорогомиловскую заставу, останавливали курьеровъ, чтобы поскорѣе получить извѣстія. Ихъ останавливали потомъ по нѣскольку разъ и въ улицахъ и осыпали вопросами. Храмы были наполнены молящимися народомъ. Многіе пріобщались Св. Таинъ [36]). Въ самый день Бородинской битвы пріѣхалъ въ Москву митрополитъ Платонъ. По собственному-ли побужденію, удрученный старостью и болѣзнью, онъ явился посреди своей паствы въ бѣдственные для нея дни, или былъ вызванъ графомъ Ростопчинымъ, чтобы благословитъ на брань воображаемое имъ народное ополченіе, какъ говорила молва,—неизвѣстно [37]).

---

[36]) Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочин. т. IV, стр. 486—487.

[37]) Снегиревъ, Жизнь Митр. Платона, т. II, стр. 48, изд. 1856 г. „Тогда разнесся слухъ, что и самъ Платонъ явится на Три Горы или на Поклонную Гору за Дрогомиловскою заставою благословить Русское воинство къ рѣшительному сраженію съ непріятелемъ и что Русскіе искупятъ Москву своею кровью, или за нее положатъ головы. Можетъ статься, что такая мысль народная и таилась въ сердцѣ архипастыря, который готовъ былъ душу свою положить за паству свою; но память ему измѣняла, соображеніе терялось, языкъ его уже коснѣлъ, глаза тускнѣли, и онъ едва могъ передвигать ноги; скорбѣлъ на безсиліе свое, и прибытіе его въ Москву только обнаружило послѣдній порывъ его любви къ Отечеству“. Въ числѣ любопытныхъ „Разсказовъ очевидцевъ о 1812 г.“, находится слѣдующій (Москов. Вѣдом. 1872 г., № 52): „Графъ Ростопчинъ боялся мятежа. Кромѣ того, онъ не успѣлъ еще принять надлежащихъ мѣръ и вывезти изъ города арсеналъ, котораго не хотѣлъ оставить въ рукахъ непріятеля. Большая часть хранившагося въ немъ оружія была неудобна для употребленія; но разбирать его было некогда. Чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, генералъ-губернаторъ обратился за помощію къ митрополиту Платону, который не отказывался править паствою, но былъ такъ старъ, что большую часть дѣлъ по митрополіи ввѣрилъ архіепископу Августину. Однако на этотъ разъ онъ рѣшился, несмотря на свою слабость, дѣйствовать по мѣрѣ силъ. За колокольней Ивана Великаго былъ воздвигнутъ амвонъ, и прошелъ по городу слухъ, что отслужатъ на площади соборной молебенъ, послѣ котораго митрополитъ собирается держать рѣчь народу. Въ назначенный день, между тѣмъ какъ на амвонъ выносили иконы изъ соборовъ, Москвичи стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ на Сенатскую площадь. Всѣ ожидали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ появленія митрополита. Наконецъ его черный цугъ показался въ Никольскихъ воротахъ. Всѣ сняли шапки. Платонъ выглянулъ изъ окна и благословилъ народъ дрожащею рукою. За нимъ ѣхалъ въ коляскѣ графъ Ростопчинъ. Толпа побѣжала за экипажами. Когда они остановились на Чудовской площади, митрополитъ вышелъ изъ кареты при помощи двухъ діаконовъ, которые ввели его на амвонъ. Генералъ-губернаторъ сталъ за нимъ. Платонъ былъ въ фіолетовой мантіи и бѣломъ клобукѣ; его блѣдное старческое лицо казалось встревожено. По окончаніи молебна, на которомъ онъ присутствовалъ въ качествѣ молящагося, одинъ изъ дьяконовъ сталъ рядомъ съ нимъ, чтобы говорить отъ его имени, потому что онъ самъ уже былъ не въ силахъ возвысить свой слабый голосъ. Пастырь умолялъ народъ не волноваться, покориться волѣ Божіей, довѣряться своимъ начальникамъ и обѣщалъ ему свои молитвы. Ми-

Въ этотъ день, по давнему установленію церковному, его викарій, совокупно съ двумя архіереями и всѣмъ духовенствомъ Московскимъ, совершалъ ходъ съ чудотворными иконами Смоленской, Иверской и Владимірской Божіей Матери, изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь. Крестные ходы всегда торжественны въ Москвѣ, но этотъ ходъ отличался еще бóльшею торжественностію.

Во время приступа Французовъ къ Смоленску, когда войска и всѣ жители его оставляли, а самый городъ разрушался, объятый пожаромъ и осыпаемый непріятельскими ядрами, вдругъ среди спасавшейся толпы раздался голосъ: спасайте икону Богородицы! Въ Смоленскѣ кромѣ подлинной древней иконы, находившейся въ соборѣ, была другая, списокъ съ нея, также древній и почитаемый, находившійся въ церкви надъ Днѣпровскими воротами. Обѣ иконы были спасены. Одна постоянно сопутствовала войскамъ; другую преосвященный Ириней, сопровождаемый многими жителями Смоленска, привезъ въ Москву и поставилъ въ церкви св. Василія Неокесарійскаго на Тверской ямской улицѣ. Оттуда торжественно эту икону, черезъ четыре вѣка возвращавшуюся въ Москву, архіепископъ Августинъ перенесъ въ Успенскій соборъ. Она находилась въ крестномъ ходу 26-го Августа, который отъ Срѣтенскихъ воротъ и до Никольскихъ шелъ между двухъ рядовъ обозовъ съ ранеными. Страждущіе и умиравшіе войны усиливались приподняться на своихъ телѣгахъ и молились передъ иконами. Духовенство кропило ихъ святой водою, народъ осыпалъ ласковыми заботами и давалъ имъ деньги [38]). Всѣ плакали и усердно молились.

Канунъ Бородинской битвы, день 25 Августа, послѣ сраженія при Шевардинѣ, прошелъ спокойно; противники стояли въ виду одинъ передъ

трополитъ плакалъ. Его почтенный видъ, его слезы, его рѣчь, переданная устами другаго, сильно подѣйствовали на толпу. Рыданія послышались со всѣхъ сторонъ. „Владыка желаетъ знать, продолжалъ дьяконъ, на сколько онъ успѣлъ васъ убѣдить. Пускай всѣ тѣ, которые обѣщаютъ повиноваться, становятся на колѣна“. Всѣ стали на колѣна. Старецъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ преклоненныя передъ нимъ головы; а графъ Ростопчинъ выступилъ впередъ и обратился въ свою очередь къ народу. „Какъ скоро вы покоряетесь волѣ императора и голосу почтеннаго святителя, сказалъ онъ, я объявляю вамъ милость государя. Въ доказательство того, что васъ не выдадутъ безоружными непріятелю, онъ вамъ позволяетъ разбирать арсеналъ: защита будетъ въ вашихъ рукахъ“. „Много благодарны, дай Богъ многія лѣта царю“, загремѣло въ толпѣ. „Но вы обязаны при разборѣ его, продолжалъ графъ Ростопчинъ, соблюдать порядокъ: входите въ Никольскіе ворота и выходите въ Троицкіе; я прикажу сію минуту отпереть арсеналъ“. При поданномъ имъ знакѣ, его коляска и карета митрополита подъѣхали къ амвону. Каждый сѣлъ въ свой экипажъ. Толпа, проводивъ Платона, возвратилась за оружіемъ“. Этотъ разсказъ такъ соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ того времени, такъ согласенъ съ характеромъ и взглядами графа Ростопчина, что я нисколько не сомнѣваюсь въ его вѣрности; но не рѣшился ввести въ текстъ потому только, что мнѣ не удалось найти другихъ свидѣтельствъ о вызовѣ графомъ Ростопчинымъ митрополита Платона въ Москву и постройкѣ этого амвона. Снегиревъ (Очерки жизни архіеп. Августина, стр. 30) говоритъ: „Проѣхавъ въ Чудовъ монастырь 28-го Авг., Платонъ сѣлъ въ креслахъ на главномъ крыльцѣ и долго со слезами смотрѣлъ на Кремль, какъ будто прощаясь съ нимъ и какъ будто предчувствуя свою вѣчную съ нимъ разлуку и его жребій. Благословляя подходящихъ къ нему, онъ говорилъ только: простите, прощайте, спаси васъ Господи!“

[38]) Снегирева, Очерки жизни архіеп. Августина, стр. 26—27.

другимъ, укрѣпляя занимаемыя ими мѣстности и приготовляясь къ рѣшительному бою. Одна и таже мысль—разбить противника и достигнуть послѣдней цѣли тягостной войны господствовала надъ ними. Но однихъ плѣняли будущею побѣдою, покореніемъ столицы, богатою добычею, покоемъ и довольствомъ послѣ стольнихъ трудовъ и лишеній. Другихъ никто и ничѣмъ не плѣнялъ, и всѣ обрекали себя на жертву для спасенія Отечества. Какъ шуменъ и веселъ былъ станъ Наполеоновскихъ войскъ, оглашавшійся звуками музыки и восклицаніями въ честь великаго полководца; такъ, на оборотъ, былъ тихъ и спокойно сосредоточенъ Русскій станъ. Когда войска проходили и временно останавливались передъ Колоцкимъ монастыремъ, въ которомъ оставалось уже только два или три престарѣлыхъ монаха, „церковь цѣлый день была отперта и полна. Я былъ у вечерни, говоритъ современникъ-очевидецъ событій; унылый звукъ колокола, тихое пѣніе, синеватый сумракъ, слегка просвѣтляемый тусклою лампадою и нѣсколькими свѣчьми, которыя чуть теплились передъ древними иконами, все это вмѣстѣ чудеснымъ образомъ располагало душу къ молитвѣ. Глубокое молчаніе почивало въ храмѣ. Въ сіи мгновенія души и сердца Русскія были въ тайной бесѣдѣ съ Богомъ. У нѣкоторыхъ только изъ молящихся избытокъ грусти вырывался въ тихихъ рыданіяхъ, мѣшаясь съ дрожащимъ голосомъ убѣленнаго сѣдинами старца“ [39]). Тоже настроеніе духа и въ бóльшей степени господствовало въ Русскомъ войскѣ, когда оно почувствовало, что окончательно остановилось, чтобы вступить въ рѣшительный бой. „Офицеры надѣли съ вечера чистое бѣлье; солдаты, сберегавшіе про случай бѣлыя рубашки, сдѣлали тоже. Эти приготовленія были не на пиръ!“ Всѣ готовились къ смерти, невольно, безсознательно и просто, потому что слѣдовало или умереть, или спасти Отечество. Замолкли въ это время и частныя вражды и соперничество, сплетни, пересуды и доносы главной квартиры. Въ это время главнокомандующій велѣлъ торжественно пронести передъ рядами всего войска икону Смоленской Божіей Матери и служить молебны. „Духовенство шло въ ризахъ, кадила дымились, свѣчи теплились, воздухъ оглашался пѣніемъ, и святая икона шествовала. Сама собою, по влеченію сердца, стотысячная армія падала на колѣни и припадала челомъ къ землѣ, которую готова была упоить досыта своею кровію. Вездѣ творилось крестное знаменіе, по мѣстамъ слышалось рыданіе. Главнокомандующій, окруженный штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствіе, нѣсколько головъ поднялись къ верху, и послышалось: орелъ паритъ! Главнокомандующій, взглянувъ вверхъ, увидѣлъ плавающаго на воздухѣ орла и тотчасъ обнажилъ свою сѣдую голову. Ближайшіе къ нему закричали: ура! и этотъ крикъ повторился всѣмъ войскомъ. Орелъ продолжалъ плавать; семидесятилѣтній вождь, принимая доброе предвѣстіе, стоялъ съ обнаженною головою“ [40]).

[39]) Ѳ. Н. Глинки, Письма Русс. офицера, изд. 1870 г., стр. 20.

[40]) Ѳ. Н. Глинки, Очерки Бородинскаго сраженія. М. 1839 г. ч. I, стр. 39—40. Графъ Ростопчинъ разсказъ объ орлѣ считаетъ одною изъ Московскихъ небылицъ этого времени. Бернгарди, главная цѣль сочиненія котораго заключалась въ томъ, чтобы унизить заслуги Кутузова и бранить Данилевскаго за каждое слово въ его пользу, говоритъ: „По всему обширному государству разнеслась вѣсть, что во время смотра войскъ, могучій орелъ парилъ надъ престарѣлымъ фельдмаршаломъ. Печать толковала объ этомъ на всѣ лады. Данилевскій разсказываетъ этотъ миѳъ очевидно, какъ дѣйствительное происшествіе. Дѣловые, прозаическіе очевидцы не замѣтили никакого орла, и можно съ увѣренностью сказать,

Крестный ходъ совершался въ Москвѣ въ то время, когда на поляхъ Бородинскихъ отчаянная битва была въ полномъ разгарѣ. „Весь этотъ день Москва провела въ большой тревогѣ, говоритъ графъ Ростопчинъ, потому что за заставами и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ былъ слышенъ громъ пушекъ, долетавшій по вѣтру за 120 верстъ". Съ самаго

что между поклажею кн. Кутузова не было клѣтки съ орломъ, какъ это случилось при одномъ новомъ всемірноисторическомъ происшествіи" (Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Grafen v. Toll. т. II, стр. 9—10.). Хорошо, покрайней мѣрѣ, что онъ отрицаетъ возможность подобной продѣлки; а между тѣмъ въ нашихъ войскахъ нашелся офицеръ, не Русскій конечно, который говоритъ, что изъ заранѣе приготовленнаго мѣшка выпущенъ былъ орелъ, который поднялся въ виду арміи, что̀ ободрило многихъ молодыхъ людей" (Изъ записокъ генерала Ковальскаго, Русс. Вѣстникъ 1871 г. Январь, стр. 94). Если-бы даже этотъ разсказъ объ орлѣ былъ созданъ народною молвою, то и въ такомъ случаѣ онъ имѣлъ бы значеніе, показывая отношеніе народа къ фельдмаршалу; но есть ли поводъ сомнѣваться въ немъ, какъ дѣйствительномъ происшествіи? Данилевскій пріурочиваетъ этотъ случай къ первому осмотру войскъ кн. Кутузовымъ по пріѣздѣ его въ Царево-Займище; всѣ-же другіе къ кануну Бородинскаго сраженія (Собр. сочин. т. IV, стр. 403). Вѣроятно „Письма Русс. офицера" Ѳ. Н. Глинки ввели его въ ошибку. Въ нихъ говорится: „Всѣ обстоятельства предвѣщаютъ *сраженіе,* долженствующее рѣшить судьбу отечества. *Говорятъ,* что въ послѣдній разъ, когда свѣтлѣйшій осматривалъ полки, орелъ явился на воздухѣ и парилъ надъ нимъ. Князь обнажилъ сѣдинами украшенную голову; все войско закричало: ура"! Эти слова находятся въ письмѣ отъ *20 Августа,* слѣдовательно за 6 дней до Бородинскаго сраженія. Но развѣ эти письма, въ томъ видѣ, какъ появились въ печати, писаны именно въ тѣ числа, которыя на нихъ обозначены, и не составлены послѣ на основаніи краткихъ современныхъ замѣтокъ? Развѣ эти слова не могли быть прибавлены въ послѣдствіи? Что это дѣйствительно такъ и было, можетъ служитъ доказательствомъ: во 1-хъ) слѣдующія за ними слова: „въ сей-же день главнокомандующій приказалъ служить во всѣхъ полкахъ молебны Смоленской Божіей матери и для иконы, находившейся при арміи, сдѣлать новый приличный кивотъ. Все это восхищаетъ солдатъ и всякого". Обносили икону по всѣмъ войскамъ и служили молебны наканунѣ Бородинскаго сраженія. Во 2-хъ, самъ-же Ѳ. Н. Глинка объясняетъ свои слова въ другомъ сочиненіи (Очерки Бородинскаго сраженія, стр. 39), пріурочивая этотъ случай именно къ 25 Августа. Но Глинка передаетъ разсказъ другихъ; есть и свидѣтели-очевидцы. Кн. Александръ Борисовичъ Голицынъ (Записка о 1812 г. рукоп.) говоритъ: „Когда въ первый разъ обозрѣвалъ Кутузовъ позицію при Бородинѣ (это было послѣ обѣда), исполинскій орелъ парилъ надъ нимъ. Куда онъ, туда и орелъ. Анштедъ первый это замѣтилъ, и толкамъ не было конца. Орелъ этотъ предвѣщалъ все хорошее". Анштетъ написалъ объ этомъ гр. Нессельроду, и его письмо ходило по рукамъ въ Петербургѣ. Вотъ это письмо: „Lundi 26. Avant-hier une affaire de héros, hier une escarmouche insignifiante, aujourd'hui combat de héros. La terre tremble à dix-huit verstes. Les Français ont été attaqués sur leur flanc droit, étant en marche sur notre gauche et attaquant en outre notre centre. J'espère en Dieu et en nos braves et que demain nous recevrons l'ordre d'avancer; mais tout ceci, les détails de l'armée vous l'apprendrez bien mieux. Quant à moi, je vous racontrai que le premier jour où le prince Koutousof a reconnu la position, un aigle a plané sur sa tête; il le salua, et la troupe dorée cria: Hurrah! Quand les Romains combattent, il faut citer les augures". (ср. Графъ Местръ, Correspondance diplomatique, т. I, письмо 14 Сент., стр. 176—177).

поля сраженія князь Кутузовъ писалъ графу Ростопчину: „Прошу васъ, ради Бога, графъ Ѳедоръ Васильевичь, прикажите къ намъ немедленно изъ арсенала прислать на 500 орудіевъ, комплектныхъ зарядовъ, болѣе батарейныхъ“. Очевидно, эти заряды не могли поспѣть къ Бородинскому сраженію, и ихъ считалъ нужнымъ главнокомандующій для дальнѣйшихъ дѣйствій. Онъ вѣрилъ въ успѣхъ продолжавшагося сраженія и въ этомъже письмѣ собственноручно приписалъ: „сраженіе самое кровопролитное, будемъ удерживать; по сю пору идетъ порядочно“. Вечеромъ въ тотъ же день, по окончаніи сраженія, въ то время, когда князь Кутузовъ еще намѣревался возобновить его на другой день, онъ отправилъ къ графу Ростопчину второе письмо: „Сегодня было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощію Божіею Русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель въ весьма превосходныхъ силахъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я, возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться. Отъ вашего сіятельства зависитъ доставить мнѣ изъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ, столько, сколько можно будетъ“ [41]).

Получивъ эти письма главнокомандующаго, графъ Ростопчинъ обнародовалъ слѣдующее объявленіе: „Два курьера привезли изъ арміи, что вчерашній день, 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе; съ помощію Божіею Русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хоть непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ него. Завтра надѣюсь я (пишетъ князь Кутузовъ), возлагая мое упованіе на Бога и на Московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться. Потеря непріятеля неисчетная. Онъ отдалъ въ приказѣ, чтобы въ плѣнъ не брать (да и брать некого) и что Французамъ должно побѣдить или погибнуть. Когда сегодня, съ помощію Божіею, онъ еще разъ отраженъ будетъ, то злодѣй и злодѣи его погибнутъ отъ голода, огня и меча. Я посылаю въ армію 4 тысячи здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряда и провіанта. Православные, будьте спокойны! Кровь нашихъ проливается за спасеніе Отечества, наша готова и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска. Богъ подкрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ Русской“.

Мгновенно по всей Москвѣ разнеслась вѣсть о побѣдѣ; спѣшили къ Иверской служить молебны; возникла надежда, что непріятель не проникнетъ въ столицу. Но не надолго. Графъ Ростопчинъ, обнародывая извѣстія, не былъ однакоже увѣренъ въ побѣдѣ, если судить по его Запискамъ, писаннымъ въ послѣдствіи. „Достигнувъ Колоцкаго монастыря, говоритъ онъ, князь Кутузовъ пробылъ тутъ два дня и избралъ мѣсто у деревни Бородина, чтобы дать сраженіе Наполеону. Онъ вступилъ уже въ Московскую губернію и находился въ 112 верстахъ отъ столицы. Онъ уступилъ настоянію генераловъ и раздраженію солдатъ, которые въ своихъ выходкахъ обвиняли его даже въ томъ, что онъ безъ боя хочетъ отдать Москву непріятелю. Я не буду распространяться объ этомъ сраженіи, въ которомъ обѣ стороны дрались съ одинаковымъ ожесточеніемъ: Русскіе, чтобы защитить свою столицу, солдаты Наполеона, чтобы ее завоевать. Я не рѣшаю, былъ-ли Наполеонъ великъ въ этомъ дѣлѣ, или малъ, или инымъ какимъ онъ былъ; но оба военачальника могли бы избѣжать этой безчеловѣчной бойни и сохранить въ своихъ войскахъ 90 тысячами лю-

[41]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину 26 Августа 1812. „Отъ сельца Бородина, въ два часа по полудни“, и второе тоже 26 Авг. 1812. „мѣсто сраженія при селѣ Бородинѣ“.

дей болѣе, выбывшихъ изъ строя. Наполеонъ, еслибъ перешелъ на старую Калужскую дорогу, вошелъ бы въ Москву только осмью днями позднѣе съ войскомъ болѣе сильнымъ на 52 тысячи, которыя были убиты и ранены подъ Бородинымъ; Кутузовъ съ своими 116 тыс., изъ которыхъ онъ потерялъ отъ 35 до 40 тысячъ, сталъ бы на новой Калужской дорогѣ и не подвергался бы два или три раза опасности быть уничтоженнымъ. Двѣ выгоды однакоже извлекла Россія изъ этого сраженія: 1) почти совершенное уничтоженіе непріятельской кавалеріи, и такъ уже разстроенной продолжительностію похода и недостаткомъ въ кормѣ, и 2) впечатлѣніе, какое произвело прибытіе и разсказы раненыхъ офицеровъ, разсѣявшихся по всѣмъ губерніямъ, гдѣ были у нихъ имѣнія и родные. Это помирило націю съ военными, которыхъ въ Москвѣ осыпали насмѣшками и приписывали измѣнѣ отступленіе нашихъ армій. Во время Бородинскаго сраженія, Кутузовъ, въ 4 часа пополудни, отправилъ ко мнѣ письмо, въ которомъ онъ выражалъ, что доволенъ успѣхомъ нашего оружія. Курьеръ сказалъ мнѣ, что Неаполитанскій король Мюратъ былъ взятъ въ плѣнъ, что̀ доставило большое удовольствіе Москвичамъ. Послѣ оказалось, что это былъ генералъ Лами, который назвался Мюратомъ въ то время, когда его захватили. Кутузовъ самъ былъ введенъ въ заблужденіе, пока Лами не былъ приведенъ къ нему со всею внимательностію къ плѣнному величеству и не объявилъ ему правды. На другой день, въ 8 часовъ утра, я получилъ другое письмо отъ Кутузова, въ которомъ, упомянувъ *слегка* о выигранномъ *наканунѣ* сраженіи, онъ сообщалъ мнѣ, что намѣренъ возобновить сраженіе, заклиная меня прислать сколько возможно болѣе подводъ для перевозки раненыхъ и сколько возможно зарядовъ для пушекъ и ружій, что̀ и было отправлено черезъ два часа. Я написалъ записку къ министру полиціи, что я не понимаю этой побѣды, потому что наши арміи отступили къ Можайску. Это я узналъ отъ того же самаго курьера, который, упрашивая меня, чтобы я отправилъ его поскорѣе, имѣлъ неосторожность мнѣ сказать, что наши войска частію уже въ Можайскѣ, въ 10 верстахъ отъ поля сраженія. Кутузовъ разсчелъ, что этотъ курьеръ, слѣдуя поспѣшно, пріѣдетъ въ Петербургъ утромъ въ день имянинъ императора, 30 Августа, и его реляція была поздравительнымъ букетомъ. Въ этой реляціи, которая была напечатана и обнародована, онъ увѣрялъ, что мы удержали свои позиціи, что всѣ нападенія непріятеля были отражены, и атаманъ Платовъ преслѣдовалъ его 11 верстъ съ своими казаками до Колоцкаго монастыря и что на другой день онъ нападетъ снова на непріятеля всѣми силами. Эта ложь ему удалась какъ нельзя болѣе: онъ сдѣланъ былъ фельдмаршаломъ; всѣ его родные награждены, солдаты получили каждый по 5 рублей. Я увѣренъ, что не такъ бы радовались этою побѣдою, если бы императоръ узналъ своевременно о моей запискѣ къ министру полиціи; но курьеръ, подъ предлогомъ, что его задержали во дворцѣ, передалъ ему мою записку долго спустя послѣ обѣда, и я имѣю основаніе думать, что на этотъ счетъ онъ получилъ нѣкоторыя наставленія отъ кн. Кутузова. Дѣлая его фельдмаршаломъ, полагали наградить армію за храбрость, такъ какъ что̀ лично до него касается, то онъ и не могъ даже видѣть, что̀ происходило, оставаясь за возвышенностію, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ поля сраженія. Не предполагалъ-ли онъ, что спасеніе Отечества зависитъ отъ сохраненія его собственной особы?“

Этотъ разсказъ, проникнутый враждою къ кн. Кутузову, не сотвѣтствуетъ тѣмъ личнымъ отношеніямъ, въ которыхъ во время самыхъ происшествій находился къ нему гр. Ростопчинъ. Не говоримъ уже, что самыя

происшествія изложены неправильно. По свойственной графа Ростопчину способности увлекаться до крайности, онъ сердился, что первое распоряженіе Кутузова было объ отступленіи, но вовсе не считалъ Бородинскаго сраженія такимъ пораженіемъ, послѣ котораго защита Москвы сдѣлалась уже невозможною. Напротивъ, онъ увѣренъ былъ въ новыхъ сраженіяхъ и вызывалъ на нихъ. Человѣколюбивая мысль о столькихъ тысячахъ людей, будто бы напрасно погибшихъ при Бородинѣ, тогда и въ голову ему не приходила. Коротенькое письмо, на-скоро набросанное кн. Кутузовымъ, вечеромъ 26 Августа, послѣ едва смолкшей битвы, съ поля самаго сраженія, было писано именно въ то время, когда онъ думалъ на другой день возобновить сраженіе, и все войско въ этомъ было увѣрено. Но въ слѣдъ за тѣмъ, въ тотъ же вечеръ, когда приблизительно были опредѣлены понесенныя нашими войсками огромныя, соотвѣтственно съ ихъ числомъ, потери и сдѣлалось извѣстно, что у Наполеона оставался нетронутый резервъ (старая гвардія, составлявшая лучшую часть его войскъ) рѣшено было отступленіе. Въ это уже время было написано донесеніе государю кн. Кутузова о Бородинскомъ сраженіи. Въ немъ и слова *побѣда* не упомянуто; въ немъ сказано только, что „войска сражались съ неимовѣрною храбростію, батареи переходили изъ рукъ въ руки, и непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли съ превосходными своими силами". Затѣмъ, въ обнародованномъ во всеобщее свѣдѣніе донесеніи, было сказано: „ночевавъ на мѣстѣ сраженія и собравъ разстроенныя баталіею войска, освѣживъ мою артиллерію и укрѣпивъ себя ополченіемъ Московскимъ, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашихъ войскъ, *увижу я, что̀ могу предпринять противу непріятеля*". Конечно, графъ Ростопчинъ не зналъ, что передъ этими строками изъ обнародованнаго донесенія [42]) кн. Кутузова въ подлинникѣ находились слѣдующія: „Ваше императорское величество изволите согласиться, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія, наша и непріятельская армія не могли не разстроиться и, за потерею, сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая, естественно сдѣлалась обширнѣе и войскамъ невмѣстною; а потому, когда дѣло идетъ не о славѣ только выигранныхъ баталій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе Французской арміи, ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить шесть верстъ, что̀ будетъ за Можайскомъ" и такъ далѣе. Очевидно, что донесеніе кн. Кутузова было написано уже послѣ принятаго рѣшенія отступить отъ Бородинской позиціи, и онъ не только не скрываетъ этого обстоятельства отъ императора, но напротивъ прямо заявляетъ о немъ и дальнѣйшія свои дѣйствія ставитъ въ зависимость отъ усиленія войскъ новыми подкрѣпленіями и отъ приведенія въ порядокъ артиллеріи.

Письмо кн. Кутузова къ гр. Ростопчину писано за нѣсколько часовъ прежде донесенія государю, когда еще онъ и вся армія были увѣрены, что на другой день будетъ возобновлено сраженіе. Какъ между тѣмъ временемъ, когда написано было письмо къ гр. Ростопчину и составленіемъ донесенія государю прошло только нѣсколько часовъ: то очень естественно, что они могли быть посланы съ однимъ и тѣмъ же курьеромъ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстна записка гр. Ростопчина къ генералу Балашеву. Но что̀ же онъ могъ сказать новаго и такого, что̀ будто бы скрылъ кн. Кутузовъ въ донесеніи государю о Бородинскомъ сраженіи? То, что̀ онъ вывѣдалъ отъ курьера объ отступленіи войскъ къ Можайску, что̀

---

[42]) Сѣверная Почта 1812 г. № 70, Суббота, Авг. 31-го.

очень хорошо было извѣстно императору изъ донесенія самаго кн. Кутузова. Въ этомъ, безъ сомнѣнія, обстоятельствѣ и кроется объясненіе того, почему эта записка вовсе не была принята въ соображеніе; а не въ томъ, какъ подозрѣвалъ графъ Ростопчинъ, что курьеръ по наущенію Кутузова нѣсколько часовъ промѣшкалъ доставленіемъ этой записки министру полиціи. Нѣсколько часовъ въ этомъ случаѣ не могли имѣть особеннаго значенія; а князь Кутузовъ конечно не могъ напередъ знать, будетъ ли его курьеру графъ Растопчинъ давать свои письма и дѣлать наставленія на этотъ случай. Послѣ только что стихнувшихъ громовъ такой битвы, какъ Бородинская, на самомъ полѣ сраженія, могло-ли даже придти ему въ голову позаботиться о такомъ мелочномъ обстоятельствѣ? Что же касается до заявленія, будто бы Кутузовъ извѣщалъ государя, что послѣ отраженія непріятеля при Бородинѣ, Платовъ съ казаками преслѣдовалъ Французовъ еще 11 верстъ до Колоцкаго монастыря: то въ донесеніи князя Кутузова, какъ подлинномъ, такъ и обнародованномъ сокращено въ свое время, нѣтъ ничего подобнаго. Записки о 1812 г. написаны гр. Растопчинымъ долго спустя послѣ самыхъ событій: какъ же онъ могъ не знать напечатаннаго донесенія кн. Кутузова, утверждая именно, что тамъ говорится то, чего въ немъ нѣтъ? Если бы еще они были писаны въ то время, какъ и записка его къ Балашеву, которой онъ придаетъ такое важное значеніе, то это можно было бы объяснить незнаніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла и самаго донесенія кн. Кутузова; но впослѣдствіи онъ могъ всегда справиться съ напечатаннымъ донесеніемъ и, не сдѣлавъ этого, доказалъ только свою способность увлекаться до послѣдней крайности какимъ либо чувствомъ, хорошимъ или дурнымъ. Въ этомъ случаѣ въ немъ говорила ненависть къ кн. Кутузову, доведенная до болѣзни. Онъ рѣшился даже назвать донесеніе Кутузова о сраженіи при Бородинѣ ложью.

Въ слѣдъ за приведеннымъ нами разсказомъ, графъ Растопчинъ говоритъ: „На другой день послѣ сраженія я получилъ множество извѣстій и могъ составить полное понятіе о дѣлѣ. Эта *великая побѣда*, одержанная надъ Наполеономъ, заключалась въ самомъ сильномъ отраженіи нападеній. Генералы, офицеры, солдаты дрались какъ львы; но непріятель превосходилъ ихъ числомъ, имѣлъ сильный резервъ, который оставался при Колоцкомъ монастырѣ, къ вечеру занялъ нѣсколько батарей на лѣвомъ нашемъ крылѣ и удержался въ нихъ. Наша армія, убавившаяся на треть, отступила на разсвѣтѣ, оставивъ мертвыхъ и раненыхъ на полѣ сраженія. Я узналъ имена генераловъ убитыхъ и раненыхъ. Между ними мое вниманіе обращено было наиболѣе на генералъ-майора графа Воронцова. Его любили въ Москвѣ; пуля пробила ему ляшку, и онъ не умеръ только благодаря крѣпкому и хорошему сложенію. Его дѣйствія во время войны и мира доказали потомъ, что Россія понесла бы большую потерю въ лицѣ этого достойнаго человѣка, единственнаго сына почтеннаго отца, который имѣлъ важное значеніе, какъ на военномъ, такъ и на дипломатическомъ поприщѣ, оказалъ большія заслуги государямъ и часто давалъ добрые совѣты. Я привязанъ былъ къ нему искренно съ самой моей молодости. Смерть сына положила бы въ гробъ и отца. Мой своякъ, генералъ-майоръ Васильчиковъ былъ счастливѣе въ этомъ сраженіи: подъ нимъ были убиты три лошади и ранена четвертая; пять пуль и одна картечь пробили его платья, а онъ получилъ только легкую контузію въ ногу. Мой сынъ, одинъ изъ трехъ адъютантовъ Барклая, только не выбылъ изъ строя, но получилъ довольно сильную контузію въ руку отъ полета ядра. Двое его товарищей были убиты или ранены“.

Сличая этотъ разсказъ съ донесеніемъ государю кн. Кутузова, нельзя не замѣтить сходства между ними. Различіе заключается лишь въ томъ, что кн. Кутузовъ говоритъ, что непріятель *не выигралъ ни на шагъ земли*, а гр. Ростопчинъ, что непріятель *взялъ нѣсколько батарей на лѣвомъ крылѣ и удержался въ нихъ.* Но это былъ частный успѣхъ на одномъ мѣстѣ, а все поле сраженія было удержано нашими войсками, и при томъ лѣвый флангъ не былъ отброшенъ или разобщенъ съ арміею: онъ отступилъ на незначительное пространство, не теряя съ нею связи. Этотъ частный успѣхъ со стороны непріятеля не можетъ служить существеннымъ признакомъ для опредѣленія общаго характера битвы, который достаточно опредѣлилъ самъ Наполеонъ, назвавъ ее *битвою гигантовъ.* При томъ характеръ этотъ былъ до такой степени сомнителенъ въ глазахъ самихъ Французовъ, что, ожидая нападенія Русскихъ, съ наступленіемъ ночи, они очистили занятыя ими укрѣпленія и отошли на свою позицію [43]). Въ то время когда кн. Кутузовъ писалъ свое донесеніе, онъ безъ преувеличенія могъ сказать, что непріятель не *выигралъ ни на шагъ земли.* Мы замѣтили, что даже слово побѣда не упомянуто въ донесеніи кн. Кутузова государю о Бородинскомъ сраженіи. Но считалъ ли онъ это сраженіе выиграннымъ или потеряннымъ, побѣдою или пораженіемъ? Онъ не хотѣлъ выговорить это слово въ своемъ донесеніи, не хотѣлъ, такъ сказать, напередъ оцѣнивать значеніе этой битвы, предоставляя это самому государю; но безъ сомнѣнія Бородинское сраженіе онъ считалъ побѣдою. Добрый семьянинъ, постоянно находившійся въ перепискѣ съ своими, онъ едва удосужился только черезъ три дня послѣ этого сраженія написать нѣсколько строчекъ къ своей супругѣ въ Петербургъ, хотя къ гр. Ростопчину писалъ по нѣскольку писемъ въ день въ это время. Въ этихъ строчкахъ онъ выразилъ свою мысль объ этой битвѣ: „29 Августа. Я слава Богу здоровъ, мой другъ, и не побитъ, а выигралъ баталію надъ Бонапартомъ. Дѣтямъ благословеніе, вѣрный другъ“ [44]).

Иначе и думать не могъ князь Кутузовъ. Такъ думали всѣ его сподвижники въ этомъ дѣлѣ, друзья и враги; такъ думалъ государь и вся Россія. Конечно не такъ думали Французы, и то не всѣ. Тьеръ какъ бы повторяетъ выраженіе Ростопчина: онъ называетъ донесеніе государю Русскаго главнокомандующаго *ложью*, вѣроятно принимая за образецъ правдивости бюллетени великой арміи, провозгласившія побѣду на сторонѣ Французовъ. По окончаніи Бородинской битвы, въ тотъ же день, ночью было составлено и отправлено кн. Кутузовымъ донесеніе; а на другой день, весьма рано, прежде нежели главная квартира послѣдовала за отступавшими къ Можайску войсками, Кутузовъ уже послалъ письмо къ гр. Ростопчину, увѣдомляя его объ исходѣ сраженія и отступленіи нашихъ войскъ. Нельзя не обратить вниманіе на это письмо, которое почти дословно повторяло его донесеніе къ государю. Слѣдовательно онъ ничего не скрылъ отъ гр. Ростопчина, сообщивъ совершенно тѣже свѣдѣнія и въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и императору. Только въ концѣ письма кн. Кутузовъ прибавилъ: „Чистосердечіе, съ которымъ я вамъ сіе сообщаю и намѣренія мои должны успокоить Москву; а за вызовомъ, вашимъ сіятельствомъ

---

[43]) И. П. Липранди: Война 1812 г., замѣчанія на соч. Богдановича; Пятидесятилѣтіе Бородинской битвы (Чтенія въ Москов. обществѣ истор. и древ. 1866, 1868 и 1869 гг.).

[44]) Письмо кн. Кутузова къ его супругѣ 29 Авг. 1812, село Кожухово, близъ Можайска. Русская Старина 1872 г. Февр., стр. 269.

сдѣланнымъ, ожидаю отъ извѣстной любви вашей къ Отечеству тѣхъ усилій, которыя можетъ столица Москва арміи дать“ [45]).

Вѣсть объ отступленіи нашихъ войскъ къ Можайску мгновенно разнеслась по Москвѣ. Всеобщее уныніе быстро смѣнило недолго продолжавшуюся радость, возбужденную первымъ извѣстіемъ о Бородинской битвѣ. Носились разные слухи, но это былъ не слухъ, „а видимое зрѣлище, говоритъ современникъ, когда, по мѣрѣ отступленія нашихъ войскъ, гробовая равнина Бородинская вдвигалась въ стѣны Москвы въ ужасномъ, могильномъ своемъ объемѣ. Солнце свѣтило и не свѣтило. Улицы пустѣли. А кто шелъ, тотъ не зналъ, куда идти. Знакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, молча проходили мимо. Въ домахъ рѣдко гдѣ мелькали люди. Носились вѣсти, что Мюратъ взятъ въ плѣнъ. Увѣряли, будто бы государь въ Сокольникахъ, на дачѣ у графа, гдѣ Платовъ имѣлъ съ нимъ свиданіе. Слушали и не слушали; мысли, души, весь бытъ Московскій были въ разбродѣ. А между тѣмъ, подъ завѣсою пыли, медленно тянулись повозки съ ранеными. Около Смоленскаго рынка, близь котораго я жилъ, множество воиновъ, раненыхъ подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ, лежали на плащахъ и на соломѣ. Обыватели спѣшили обмывать запекшіяся ихъ раны и обвязывали платками, полотенцами и бинтами изъ разрѣзанныхъ рубашекъ. Въ тотъ самый мигъ, когда я перевязывалъ раненаго, ѣхалъ на дрожкахъ тогдашній комендантъ Гессе. Соскоча съ дрожекъ, онъ обнялъ и поцѣловалъ меня“ [46]).

Въ одно и тоже время какъ удалялось народонаселеніе Москвы, и тысячи экипажей выѣзжали изо всѣхъ ея заставъ, убыль эта пополнялась новыми, хотя и временными, обывателями: также тысячи экипажей ввозили въ Москву великое число раненыхъ. Спасеніе ихъ составляло одну изъ постоянныхъ заботъ кн. Кутузова; онъ часто писалъ къ гр. Ростопчину объ изготовленіи и присылкѣ подводъ. Во время Бородинскаго сраженія было приготовлено множество экипажей и телѣгъ покрытыхъ соломою, на которые тотчасъ же клали раненыхъ и отправляли на Можайскъ, въ Москву. Многіе изъ нихъ умирали на телѣгахъ, и ихъ немедленно

---

[45]) „Сраженіе вчерашняго числа, съ утра начавшееся и продолжавшееся до самой ночи, было кровопролитнѣйшее. Уронъ съ обѣихъ сторонъ великъ. Потеря непріятеля, судя по упорнымъ его атакамъ на укрѣпленную нашу позицію, должна нашу весьма превосходить. Войска сражались съ неимовѣрною храбростью. Батареи переходили изъ рукъ въ руки, и кончилось тѣмъ, что непріятель нигдѣ не выигралъ ни па шагъ земли со всѣми превосходными силами. Ваше сіятельство согласитесь, что послѣ кровопролитнѣйшаго и 15 часовъ продолжавшагося сраженія наша и непріятельская армія не могли не разстроиться и, за потерею въ сей день сдѣланною, позиція прежде занимаемая, естественно сдѣлалась обширнѣе и войскамъ не вмѣстная; потому, когда дѣло идетъ не о славѣ выигранныхъ только сраженій, но вся цѣль будучи устремлена на истребленіе Французской арміи, то ночевавъ на мѣстѣ сраженія, я взялъ намѣреніе отступить 6 верстъ, что будетъ за Можайскомъ. Собравши войска, освѣживъ мою артиллерію и укрѣпивъ себя *ополченіемъ Московскимъ*, въ тепломъ упованіи на помощь Всевышняго и на оказанную неимовѣрную храбрость нашего войска, увижу что я могу предпринять противъ непріятеля. Мы взяли въ плѣнъ благороднаго генерала, штабъ и оберъ-офицеровъ и нижнихъ чиновъ, также и пушки, чего еще въ ночи разобрать не могу. Къ несчастію у насъ нѣсколько раненыхъ генераловъ, между прочимъ кн. П. И. Багратіонъ пулею въ ляшку. Чистосердечіе и пр. Авг. 27 дня 1812 г., позиція при Бородинѣ“.

[46]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 52—53.

хоронили". „Трогательно было видѣть заботу (говоритъ свидѣтель-очевидецъ, одинъ изъ тяжело раненыхъ подъ Бородинымъ), съ которою раненые же солдаты и ратники ломали сучки кустовъ и, связывая ихъ на крестъ, ставили на могилы" [47]). Иностранецъ, также очевидецъ, замѣчая, въ какомъ порядкѣ отступало Русское войско, говоритъ, что, слѣдуя отъ Бородина къ Москвѣ, Французское войско повсюду встрѣчало свѣжія могилы съ поставленными на нихъ деревянными крестами [48]). Раненыхъ офицеровъ распредѣляли по чинамъ; низшихъ, за недостаткомъ болѣе удобныхъ экипажей, клали на телѣги, которыя длинными вереницами медленно тянулись къ Можайску. Въ Можайскѣ скопилось такое множество обозовъ, что всѣ улицы были „запружены подводами". Разобравшись по возможности, обозы выѣзжали изъ города и двигались далѣе къ Москвѣ. „При въѣздѣ въ Москву, говоритъ одинъ изъ такихъ раненыхъ, насъ обступилъ народъ; женщины бросали намъ деньги въ карету, и мы съ трудомъ могли ихъ убѣдить, что деньги намъ не нужны, тѣмъ болѣе, что тяжелые пятаки могли насъ зашибить" [49]). Очевидно, эти пятаки бросалъ бѣдный людъ, и самъ нуждавшійся въ способахъ существованія. Хотя большая часть зажиточныхъ жителей уже уѣхали изъ Москвы, но тѣ, которые еще въ ней оставались, охотно предлагали свои домы и услуги раненымъ. Съ 28 Августа начался пріѣздъ въ Москву [50]) раненыхъ подъ Бородинымъ и непрерывно продолжался по самый день ея занятія Французами; ихъ размѣщали по больницамъ, казеннымъ и частнымъ домамъ. Гр. Ростопчинъ не только самъ заботился о доставленіи имъ всѣхъ удобствъ и пособій врачей и духовенства, [51]) но и поощрялъ жителей къ заботамъ о братіяхъ страдавшихъ за Отечество. „Многіе изъ моихъ знакомыхъ, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, являлись ко мнѣ просить экипажей для перевозки въ Москву ихъ близкихъ родныхъ, раненыхъ подъ Бородинымъ. Одна часть изъ нихъ прибыла на третій день [52]). Кн. Багратіонъ былъ въ томъ числѣ. Я поспѣшилъ навѣстить его; онъ былъ въ полной памяти, ужасно страдалъ; но мысль о судьбѣ Москвы не давала ему покоя ни на одну минуту. У него была перебита кость въ ногѣ повыше лодышки, и ему не рѣшились немедленно отрѣзать ногу, потому что ему было 50 лѣтъ, и кровь у него была испорчена. Когда утромъ, въ тотъ день, въ который непріятели должны были войти въ Москву, я послалъ ему объявить это извѣстіе и сказать, что надо выѣзжать изъ нея, то онъ отвѣчалъ мнѣ запискою: „Прощай, мой почтенный другъ; я не увижу тебя болѣе. Я умру не отъ моей раны, но отъ Москвы". Однажды утромъ мнѣ доложили, что принцъ Гессенъ-Филипсталь, генералъ-лейтенантъ на-

---

[47]) А. С. Норовъ, разборъ соч. гр. Толстаго, Война и миръ, стр. 48.

[48]) Денье, Itinéraire de l'emper. Napoleon, стр. 82; Сегюръ, Histoire de Napoleon et de la grande armée, т. I, стр. 411.

[49]) А. С. Норовъ, тамъ же, стр. 49.

[50]) Бестужева-Рюмина, Описан. событій и пр. стр. 81.

[51]) Снегирева, Очерки жизни арх. Августина, стр. 27—28.

[52]) Третій день послѣ Бородинскаго сраженія былъ 29-го Авг. Слѣдовательно это показаніе несогласно съ показаніемъ Бестужева, что раненыхъ при Бородинѣ начали привозить въ Москву съ 28-го Авг. Хотя такая ошибка въ одномъ днѣ возможна и могла случиться; но кажется, что оба показанія вѣрны. За день до Бородинскаго сраженія было сраженіе при Шевардинѣ, служившее началомъ Бородинскаго; раненые въ этомъ дѣлѣ, а ихъ было много, могли прибыть въ Москву 28-го Августа.

шей службы, который былъ раненъ подъ Можайскомъ и ему отрѣзали ногу, находится на моемъ дворѣ. Онъ лежалъ въ своей коляскѣ и не хотѣлъ, чтобы его перенесли въ домъ. На другой день, по его желанію, онъ отправился въ Ярославль, въ надеждѣ на попеченіе принца Ольденбургскаго, который тамъ находился".

Наши войска отступили въ порядкѣ до Можайска, но тамъ встрѣтилось большое затрудненіе для перевозки плѣнныхъ, по недостатку подводъ. „Сегодня по утру, писалъ кн. Кутузовъ къ гр. Ростопчину, извѣстилъ уже я ваше сіятельство о причинахъ, побудившихъ меня отступить къ Можайску, дабы консентрировать свои силы. По прибытіи моемъ туда, къ крайнему удивленію моему, не нашелъ я ни одной выставленной изъ Москвы подводы. Раненые и убитые воины остались на полѣ сраженія безъ всякаго призрѣнія, а между тѣмъ гражданскій Московскій губернаторъ отозвался къ генералъ-майору Ланскому, что онъ отъ присылки подводъ отказывается. Отзывъ сей меня крайне изумляетъ и побуждаетъ просить ваше сіятельство убѣдительнѣйше употребить всевозможныя ваши старанія, чтобы повозки съ лошадьми выставлены были наискорѣйше въ армію, также чтобы достать для потерявшей вчера артиллеріи покупкою или родомъ пожертвованія 500 лошадей. Крайность обстоятельствъ заставляетъ меня надѣяться, что ваше сіятельство удовлетворите симъ моимъ требованіямъ въ такое время, когда дѣло идетъ о спасеніи Москвы" [53]).

Умалчивая о подводахъ, гр. Ростопчинъ говоритъ въ своихъ Запискахъ о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ для удовлетворенія втораго требованія кн. Кутузова. „Кутузовъ (говоритъ онъ) умолялъ меня, чтобы прислать 500 лошадей для артиллеріи. Я собралъ всѣхъ лошадей отъ барышниковъ и купцовъ, выбралъ изъ нихъ 500 и немедленно заплатилъ за нихъ, сколько они потребовали. Эти лошади стоили 132 тысячи и, прибывъ въ главную квартиру, сдѣлались добычею тѣхъ, кто въ нихъ нуждался". Недостатокъ подводъ былъ причиною того, что большое число раненыхъ было оставлено въ Можайскѣ и подверглось бѣдственной участи. Даже въ послѣдствіи изъ Москвы не успѣли вывезти всѣхъ раненыхъ. Конечно это обстоятельство можно бы объяснить требованіемъ слишкомъ большаго количества подводъ и при томъ въ весьма короткое время. Устроенныя на каждой станціи постоянныя перевозочныя средства (по 1000 лошадей), удовлетворяя и другимъ потребностямъ арміи, не могли быть достаточны для перевозки огромнаго числа раненыхъ. Все ихъ количество со времени сраженія подъ Смоленскомъ находилось по селамъ и городамъ до Можайска и потомъ сосредоточилось въ этомъ городѣ. До прибытія въ армію кн. Кутузова, не было предпринимаемо дѣятельныхъ мѣръ къ отправленію ихъ далѣе внутрь страны, точно также какъ въ отношеніи къ продовольствію наши войска были поставлены въ затруднительное положеніе. Съ первыхъ дней пріѣзда, заботою кн. Кутузова было обезпечить продовольствіе войскъ и обезопасить участь плѣнныхъ. Но едва лишь началось правильное ихъ передвиженіе къ Москвѣ, какъ Бородинское сраженіе доставило снова огромное число раненыхъ. Недостатку въ подводахъ могло способствовать и то обстоятельство, что гр. Растопчинъ замедлилъ заблаговременное удаленіе жителей изъ Москвы и долго не приступалъ къ вывозу изъ нея государственныхъ сокровищей, имуществъ и архивовъ.

---

[53]) Письмо кн. Кутузова отъ 27 Авг. 1812 г.

Но выраженіе въ письмѣ кн. Кутузова, что Московскій губернаторъ отказывается отъ присылки подводъ, показываетъ, какъ будто бы онъ полагалъ недостатокъ усердія въ этомъ случаѣ въ гражданскомъ начальствѣ и даже ослушаніе. Выраженіе въ письмѣ гр. Ростопчина къ кн. Кутузову, что подводы до 1000 лошадей на каждой станціи отъ Москвы до Можайска будутъ готовы, но въ Можайскѣ (отъ того, что три пограничные уѣзда отошли въ военное распоряженіе) наряду сдѣлать невозможно, точно также даютъ поводъ подозрѣвать какое-то соперничество между двумя властями. Графъ Ростопчинъ, по самой своей природѣ, избалованный быстрымъ возвышеніемъ при императорѣ Павлѣ, не способенъ былъ выносить никакого подчиненія. Онъ явно выражалъ неудовольствіе, когда его дѣятельность по составленію ополченій подчинена была главному комитету, учрежденному въ Петербургѣ. Въ письмѣ отъ 19 Августа къ кн. Кутузову онъ прямо выразилъ мысль, что, въ случаѣ несогласія его взглядовъ со взглядами главнокомандующаго войсками, онъ будетъ дѣйствовать не *вмѣстѣ* съ нимъ подъ Москвою, а *одинъ* въ Москвѣ, забывая, что по закону, во время военныхъ дѣйствій, „приказанія главнокомандующаго какъ въ арміи, такъ и всѣми гражданскими чиновниками пограничныхъ областей и губерній, исполняются яко высочайшія именныя повелѣнія“ [54]). Замѣчательно, что кн. Кутузовъ никогда не напоминалъ ему о своихъ правахъ и съ какою-то снисходительною учтивостію пользовался ими къ отношеніи къ графу Ростопчину. Во всѣхъ письмахъ онъ не отдаетъ ему приказаній, но усердно проситъ о содѣйствіи, выхваляетъ его дѣятельность и любовь къ Отечеству и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, чтобы настоять на своихъ требованіяхъ, упоминаетъ, что въ отношеніи къ тому или другому распоряженію онъ имѣетъ высочайшее повелѣніе, которое и объявитъ ему впослѣдствіи.

По мѣрѣ того какъ пустѣла Москва, когда ея оставляла лучшая и болѣе надежная часть народонаселенія, естественно, что въ ней всплывали къ верху низшіе слои, и они-то и выступали теперь наружу. Въ этихъ слояхъ, въ Москвѣ, какъ и во всякомъ большомъ городѣ, находились конечно люди неблагонамѣренные, которые способны пользоваться обстоятельствами для личныхъ преступныхъ цѣлей.

„Двое купцовъ (разсказываетъ графъ Ростопчинъ) сидѣли подъ окномъ и разговаривали между собою, въ нижнемъ этажѣ дома, и услыхали, какъ два человѣка спорили между собою на улицѣ. Одинъ говорилъ, что пора поджечь Москву въ нѣсколькихъ мѣстахъ, ударить въ набатъ и начать грабить. Другой говорилъ, что надо подождать извѣстій о сраженіи. Ночь была лунная. Купцы, услыхавъ эти слова, выскочили изъ окна, побѣжали за злоумышленниками и поймали одного изъ нихъ. Его привели ко мнѣ въ полночь. Это былъ одинъ изъ Московскихъ мѣщанъ, разнощикъ товаровъ по деревнямъ. Онъ отъ всего отпирался и даже обвинялъ купцовъ въ насиліи, причиненномъ ему. Но деньги сдѣлали свое дѣло. Я ввелъ его въ свой кабинетъ, безъ свидѣтелей отсчиталъ передъ нимъ 500 рублей ассигн. и положилъ ихъ на столъ. Потомъ я поклялся передъ образомъ, что не подвергну его никакому наказанію, но только выпровожу его изъ города, давъ ему эти 500 рублей, если онъ откроетъ мнѣ своихъ сообщниковъ. Два битыхъ часа томилъ меня этотъ человѣкъ; онъ собирался все открыть, но не довѣрялъ мнѣ и постоянно повторялъ: хорошо,

---

[54]) Полное Собр. Законовъ 1812 г. № 24974, ч. 1, гл. 1, § 4, Положеніе о большой дѣйствующей арміи.

я вамъ скажу; но вы не дадите мнѣ денегъ, и я пропаду. Наконецъ я ему объявилъ, если онъ не хочетъ себя спасти и получить эти деньги, то сей часъ же отдамъ его подъ слѣдствіе полиціи. Онъ уступилъ и объявилъ, что ихъ было 12 человѣкъ (всѣ негодяи); они предполагали поджечь городъ, ударить въ набатъ и во время общей тревоги и смущенія броситься грабить богатыя лавки. Его товарищъ, съ которымъ онъ разговаривалъ на улицѣ, былъ вольноотпущенный слуга. Его начали отыскивать и на другой же день поймали за городомъ; но онъ уже успѣлъ предупредить своихъ товарищей, которые спаслись. Изъ нихъ поймали только троихъ. Они были посажены въ тюрьму и въ послѣдствіи отправлены съ другими преступниками изъ Москвы. Этотъ же, который открывалъ умыселъ, получилъ 500 руб. и былъ отправленъ въ Оренбургъ, гдѣ надъ нимъ наблюдали. Но какъ въ ихъ предположеніи входило ударить въ набатъ, то надо было лишить неблагонамѣренныхъ людей этого средства произвести тревогу. Поэтому я утромъ отправился къ архіепископу для того, чтобы на этотъ случай принять необходимыя мѣры. Онъ далъ строгое предписаніе всѣмъ приходскимъ священникамъ хранить у себя ключи отъ колоколенъ и обрѣзать веревки, которыя обыкновенно отъ колоколовъ протягивались въ домы священниковъ, чтобы благовѣстить къ утренямъ и вечернямъ. Но какъ двери многихъ колоколенъ не содержались въ порядкѣ, то я распорядился, чтобы всѣ надзиратели кварталовъ позаботились объ ихъ исправленіи. Въ одинъ день были исправлены 93 двери, и сдѣланы къ нимъ замки. Я былъ очень доволенъ, а городъ оставался спокоенъ, потому что не зналъ ни объ умыслѣ, ни о пожарѣ, ни о причинахъ моего попеченія о дверяхъ и замкахъ Московскихъ колоколенъ. За три дня до вступленія непріятеля въ Москву, мнѣ дали знать, что нѣкто Наумовъ, маленькій дворянинъ, адвокатъ, пользовавшійся (и очень справедливо) худою извѣстностію, подговаривалъ лакеевъ и назначилъ имъ мѣста, гдѣ надо собраться, чтобы пуститься на грабежъ, когда придетъ время. Онъ набралъ и записалъ ихъ уже болѣе 600, когда я узналъ объ этомъ умыслѣ. Между прочимъ меня извѣстили, что онъ похваляется, что убьетъ меня самого. Этотъ господинъ не долюбливалъ меня, потому что я не исполнилъ его желанія получить мѣсто директора моей канцеляріи. Я приказалъ его схватить; но онъ уже уѣхалъ, оставивъ меня въ живыхъ и со спискомъ въ рукахъ тѣхъ негодяевъ, которые должны были по его распоряженіямъ грабить городъ".

Кромѣ поддержанія спокойствія въ городѣ, главнѣйшею заботою графа Ростопчина, въ послѣдніе дни передъ занятіемъ Москвы Французами, было вывезти изъ Москвы всѣ государственныя имущества и сокровища и удалить оттуда присутственныя мѣста съ ихъ чинами и архивами. Еще 18 Августа графъ Ростопчинъ заявилъ Сенату о приготовленіи къ вывозу изъ Москвы архива Вотчиннаго Департамента. Но въ Сенатѣ не было сдѣлано никакихъ распоряженій въ этомъ отношеніи, быть можетъ потому, что оберъ-прокуроръ графъ Мамоновъ оставилъ свою въ немъ службу и устроивалъ конный полкъ; а извѣстіе о назначеніи ему преемника получено было въ Москвѣ только 27-го Августа.

Сенатъ долѣе всѣхъ присутственныхъ мѣстъ оставался въ Москвѣ и продолжалъ свои обычныя засѣданія. Съ 29 на 30 Августа ночью собрались всѣ оберъ-прокуроры и рѣшили послать нарочнаго въ Петербургъ и ожидать распоряженій министра юстиціи. Нарочный отправился 31 Августа, а 2-го Сентября Москва уже была занята Французами [55]). Сенатъ остался

---

[55]) Бестужева-Рюмина, Описаніе событій и пр., стр. 81—84.

бы въ ней, еслибъ графъ Ростопчинъ не принялъ мѣръ съ своей стороны. „30 Августа (говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ) я велѣлъ закрыть всѣ присутственныя мѣста и приказалъ чиновникамъ отправиться въ Нижній-Новгородъ. Мнѣ оставалось только распорядиться съ Сенатомъ, который продолжалъ свои засѣданія. Въ числѣ сенаторовъ было трое, принадлежавшихъ къ партіи Мартинистовъ: 1) Лопухинъ, который былъ сосланъ императрицею Екатериною въ то время, когда эта секта была ею уничтожена. Этотъ Лопухинъ, съ небольшими способностями, но съ образованіемъ, сдѣлался пьяницей. Онъ долженъ былъ всѣмъ и никому не платилъ и въ тоже время всѣ свои доходы обращалъ на то, чтобы раздавать милостыню, не по щедрости, а изъ упрямства; 2) Руничь, совершенно погруженный въ мартинизмъ, человѣкъ умный; 3) Кутузовъ, племянникъ фельдмаршала, самый пошлый человѣкъ, стихотворецъ, пьяница, обремененный долгами, доносчикъ по вкусу къ шпіонству и крикунъ въ своей сектѣ. Эти трое предложили послать депутацію въ главную квартиру, чтобы узнать отъ главнокомандующаго, не въ опасности ли находится Москва и пригласить меня въ Сенатъ, чтобы я сообщилъ свѣдѣнія о способахъ защиты и о мѣрахъ, какія я намѣреваюсь предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Вся эта продѣлка была дѣломъ самолюбія, и Сенатъ хотѣлъ присвоить себѣ право верховной власти. Я узналъ о ихъ предположеніяхъ въ тотъ же самый день и что эти сенаторы-мартинисты хотятъ убѣдить своихъ товарищей не оставлять города, представляя этотъ поступокъ какъ долгъ самопожертвованія съ ихъ стороны, изъ любви къ Отечеству, по примѣру Римскихъ сенаторовъ, когда Галлы входили въ Римъ; но ихъ намѣреніе заключалось въ томъ, чтобы, оставаясь въ Москвѣ, играть роль при Наполеонѣ, который бы и воспользовался ими. Къ несчастію, Сенатъ, который собственно не болѣе какъ высшій судъ, по своей давности и по названію *правительствующій*, пользуется значеніемъ въ народѣ, несмотря на то, что его составъ, по причинѣ многочисленности и по выбору лицъ, далеко не таковъ, какъ бывалъ прежде. Большею частію онъ состоитъ изъ плохихъ генераловъ и такихъ лицъ, которыхъ не знаютъ куда дѣвать, и кресло сенатора есть нѣчто среднее между дѣйствительною службою и полною отставкою. Я весьма заботился, чтобы ни одного сенатора не оставалось въ Москвѣ и чтобы тѣмъ лишить Наполеона средства дѣйствовать на губерніи посредствомъ предписаній или воззваній, выходившихъ изъ Сената. Я рѣшился на поступокъ, который впослѣдствіи считали деспотическимъ. 30 Августа, когда сенаторы, честные люди и Мартинисты, разсуждали, какъ отнестись съ своими требованіями ко мнѣ и отправить свою депутацію въ главную квартиру и не приходили ни къ какимъ заключеніямъ, одинъ изъ моихъ адъютантовъ привезъ имъ мое посланіе, въ которомъ именемъ государя я назначилъ имъ закрыть засѣданія, выбрать одинъ изъ городовъ имперіи, куда они пожелаютъ отправиться и выѣхать немедленно. Надо было повиноваться и выбирать между повиновеніемъ и возмущеніемъ. Большая часть сенаторовъ были довольны моимъ сообщеніемъ, потому что оно рѣшало ихъ выѣхать и такимъ образомъ выдти изъ затруднительнаго положенія. Такъ какъ въ моихъ троихъ Мартинистахъ не было ничего Римскаго, то и они повиновались и на другой день уже были за Московскою заставой. Такимъ образомъ я вырвалъ у Наполеона страшное оружіе, которое въ его рукахъ могло бы произвесть смуты въ провинціяхъ, поставивъ ихъ въ такое положеніе, что не знали бы, кому повиноваться. Но я принялъ предосторожности въ отношеніи моихъ трехъ Мартинистовъ-сенаторовъ, сказавъ нѣкоторымъ, такъ чтобы мои слова дошли до нихъ, что въ случаѣ непо-

викновенія, я немедленно, подъ хорошею стражею, увезу всякаго сенатора, который будетъ упорствовать остаться въ Москвѣ" *).

Чрезвычайныя обстоятельства оправдываютъ и чрезвычайныя мѣры, если бы даже эти мѣры и были деспотическія: ибо если когда либо простителенъ деспотизмъ, то именно въ этихъ случаяхъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что графъ Ростопчинъ поступилъ благоразумно, позаботившись объ удаленіи Сената изъ Москвы во время пребыванія въ ней Французовъ. Конечно не было никакихъ поводовъ предполагать, чтобы не только Сенатъ въ совокупности, но даже и нѣкоторые его члены могли сдѣлаться измѣнниками Отечеству. Между ними однакоже могли найтиться люди слабодушные, способные уступить угрозамъ деспота. Но предполагая даже, что и такихъ бы не нашлось, одно уже присутствіе Сената въ то время въ Москвѣ давало бы дѣйствительно важное орудіе въ руки Наполеону. Не спрашиваясь даже Сената, онъ его именемъ могъ издавать свои воззванія и предписанія, а имя Сената пользовалось еще большимъ значеніемъ въ народѣ. Вѣроятно, при томъ положеніи, въ которомъ оказались непріятели, войдя въ Москву, эти воззванія и предписанія не вышли бы изъ предѣловъ города; но графъ Ростопчинъ этого могъ и не предвидѣть. Допустивъ даже, что такіе воззванія могли разойтись по Россіи, съ вѣроятностію можно предполагать, что при тогдашнемъ настроеніи всего народонаселенія, они не произвели-бы никакого дѣйствія: власть имѣющее слово было уже не въ Москвѣ, а въ Тарутинскомъ лагерѣ, и каждое слово, выходившее оттуда, магически дѣйствовало на всю Россію. Вообще же этого поступка графа Ростопчина нельзя не оправдать; но также нельзя не отнестись съ недоразумѣніемъ къ тому способу дѣйствій, который онъ употреблялъ въ данномъ случаѣ. Послать въ засѣданіе Сената своего адъютанта съ приказаніемъ закрыть засѣданіе и немедленно выѣхать изъ Москвы, употребить угрозу отправленія подъ стражею въ Петербургъ всякаго сенатора, который замедлялъ бы исполнить его волю, все это выражало величайшее презрѣніе къ одному изъ верховныхъ учрежденій имперіи и вовсе не соотвѣтствовало тому званію сенатора, которое носилъ въ это время самъ графъ Ростопчинъ [56]). Сенатъ не присвоивалъ себѣ никакихъ правъ верховной власти, какъ обвиняетъ его графъ Ростопчинъ; онъ имѣлъ полное право разсуждать, какъ слѣдуетъ ему поступить въ этихъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, не получивъ никакихъ распоряженій отъ верховной власти, принятымъ порядкомъ ему объявленныхъ чрезъ министра юстиціи. Сенатъ могъ пригласить въ свою среду генералъ-губернатора, какъ представителя администраціи, для совокупнаго разсужденія о дѣлѣ общей важности; онъ могъ отправить депутацію къ главнокомандующему арміями, которому законъ предоставлялъ высшую власть надъ смежными съ военными дѣйствіями областями и губерніями. Все это, безъ сомнѣнія, зналъ и графъ Ростопчинъ; но двѣ причины, какъ кажется, помѣшали ему дѣйствовать благоразумно въ этомъ случаѣ. Съ одной стороны самолюбіе, которое уже было затронуто тѣмъ, что Сенатъ долго не исполнялъ его предписанія объ отправленіи изъ Москвы архива Вотчиннаго Департамента и ждалъ

---

*) Молодой тогдашній сенаторъ, впослѣдствіи пользовавшійся почетною извѣстностью въ Москвѣ, князь Сергій Ивановичъ Гагаринъ, предлагалъ товарищамъ отнестись письменно во всѣ присутственныя мѣста, чтобы, въ случаѣ, если они очутятся во власти Французовъ, то никто изъ Русскихъ не исполнялъ бы указовъ, посланныхъ изъ Московскаго Сената (Слышано отъ старыхъ людей). *П. Б.*

[56]) Сѣверн. Почта 1812 г. Іюля 27, № 60.

распоряженій отъ министра юстиціи, съ другой — подозрѣніе во вредныхъ и даже измѣнническихъ умыслахъ нѣкоторыхъ сенаторовъ, именно тѣхъ, которые принадлежали къ числу Масоновъ. Приведенные выше отрывки изъ писемъ графа Ростопчина къ императору достаточно показываютъ его взглядъ на этихъ, совершенно невинныхъ и неопасныхъ въ политическомъ отношеніи, людей. И при этомъ случаѣ онъ выразилъ тотъ же взглядъ въ письмѣ къ государю. „Сенатъ, писалъ онъ, еще сегодня разсуждаетъ о томъ, закроетъ ли онъ свои засѣданія или будетъ оставаться до послѣдней минуты, отправивъ изъ Москвы важнѣйшіе изъ своихъ архивовъ. Теперь не время заниматься отдѣльными лицами; но если вамъ суждено будетъ спокойно царствовать, то вспомните, государь, что вы можете разсчитывать на Нелединскаго, Нарышкина, Кушникова; но никогда не употребляйте Лопухина и Рунича,—они ваши враги“ [57]).

Сенатъ находился въ недоумѣніи; онъ не зналъ, что̀ ему дѣлать, и это недоумѣніе не обличало желанія присвоить себѣ неподобающую власть; а напротивъ, желаніе покориться безусловно распоряженію, которое ожидалось отъ министра юстиціи. Сенатъ не дождался этого распоряженія; но дождался другаго, отъ графа Ростопчина и, не смотря на способъ его сообщенія, онъ немедленно и безусловно ему покорился.

Между тѣмъ враждебныя одна другой арміи постоянно приближались къ Москвѣ. Князь Кутузовъ не только по нѣскольку разъ въ день писалъ къ графу Ростопчину, но и присылалъ своихъ адъютантовъ и довѣренныхъ офицеровъ для личныхъ переговоровъ. Число раненыхъ прибывало все въ большемъ и большемъ количествѣ, а равно пустѣла и Москва; остававшіеся въ ней или томились ожиданіемъ великихъ бѣдствій, или волновались мечтаніемъ сразиться съ непріятелемъ и ожидали, когда графъ Ростопчинъ, по своему обѣщанію—кличь кликнетъ. „Въ это-то время, говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ, случилось происшествіе, которое можетъ служить доказательствомъ, что надежда никогда не покидаетъ человѣка и располагаетъ народъ къ суевѣрію. Мнѣ пришли заявить о великомъ стеченіи народа у одной очень высокой башни, которая находится на окраинѣ города и что соколъ подалъ поводъ къ этому собранію народа. Я отправился туда не столько изъ любопытства, сколько съ цѣлію принудить разойтиться народъ, который всегда способенъ сдѣлать какую нибудь глупость, когда соберется въ большемъ количествѣ. Я нашелъ до тысячи человѣкъ, которыхъ глаза были устремлены на этого несчастнаго сокола, у котораго были путы на ногахъ, какъ у всѣхъ соколовъ пріучаемыхъ для охоты: онъ зацѣпился ими за крестъ и повисъ. Одинъ изъ проходящихъ это замѣтилъ, указалъ другимъ, и тысячи праздношатающихся собрались на это зрѣлище, которое, по объясненію самыхъ ученыхъ изъ нихъ, служило предвѣщаніемъ торжества надъ непріятелемъ. Соколъ, говорили они, это Наполеонъ, который погибнетъ на крестѣ. Я объяснялъ это обстоятельство также въ смыслѣ этой добродушной толпы, и соколъ подалъ лучъ надежды для глупой части народонаселенія, которая никогда не составляетъ меньшинства. Послѣ сраженія подъ Бородинымъ, я пересталъ уже прибѣгать къ тѣмъ мелочнымъ средствамъ, чтобы разсѣять и занять вниманіе народа и, надо признаться, что всѣ эти средства уже были истощены. Нужна была тяжелая забота ума, чтобы придумать что нибудь такое, что̀ могло бы поразить толпу, тѣмъ болѣе, что успѣхъ представлялся сомнительнымъ. Наилучшія изобрѣтенія въ этомъ родѣ часто не удавались, тогда какъ самыя пошлыя

---

[57]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 29 Авг. 1812 г.

мысли производили изумительное впечатлѣніе. Къ числу такихъ принадлежалъ наиболѣе распространившійся въ Россіи между простымъ народомъ разсказъ, написанный въ моемъ родѣ (histoire de ma façon), который я велѣлъ въ одно утро напечатать въ 5000 экземплярахъ и продавать по копѣйкѣ. Въ немъ я разсказывалъ, что митрополитъ Платонъ встрѣтилъ престарѣлаго монаха, который, почтительно приблизившись къ нему, просилъ его благословенія и сказалъ, что онъ возвратился, чтобы сражаться вмѣстѣ съ Русскими. Сказавъ это, онъ исчезъ въ виду всѣхъ предстоявшихъ, оставя по себѣ свѣтлый слѣдъ. Конечно это былъ Св. Сергій, который былъ монахомъ Троицкаго монастыря, гдѣ и лежатъ его мощи; онъ ходилъ драться въ войско Дмитрія Донскаго противъ Татарскаго хана Мамая и остался побѣдителемъ".

Едвали нужно исправлять историческую ошибку, а тѣмъ болѣе порицать за нее графа Ростопчина: незнаніе не только подробностей, но даже и важныхъ происшествій отечественной исторіи было общимъ явленіемъ въ то время въ средѣ того общества, къ которому онъ принадлежалъ.. Но нельзя не остановить вниманія на придуманномъ имъ способѣ отвлечь вниманіе народа отъ предстоявшей опасности и возбудить въ немъ ложную надежду. Сказанія о таинственныхъ силахъ, сверхъ-естественныхъ чудесахъ и явленіяхъ производятъ дѣйствіе на большинство людей, а тѣмъ паче на народъ, мало образованный, но вѣрующій. Поэтому неудивительно, что эта сказка, сочиненная графомъ Ростопчинымъ, имѣла успѣхъ; но удивительно то, что его самого поражаетъ этотъ успѣхъ, а еще удивительнѣе, что эта сказка въ 5 тыс. экземпляровъ распространена была въ Москвѣ въ то время, когда находился въ ней больной, престарѣлый и всѣми уважаемый митрополитъ Платонъ, нарочно прибывшій туда изъ своего уединенія въ это грозное время. Вѣроятно о ней и не сообщили умирающему старцу; но во всякомъ случаѣ ему осталось неизвѣстнымъ имя ея сочинителя. Но она можетъ служить доказательствомъ, въ какомъ отношеніи находился къ представителямъ нашей церкви графъ Ростопчинъ, такъ гостепріимно растворявшій двери своего дома аббату Сюрюгу и ему подобнымъ Іезуитамъ.

„Курьеры и письма отъ князя Кутузова (продолжаетъ графъ Ростопчинъ) прибывали ко мнѣ понѣскольку разъ въ день. Онъ постоянно чего нибудь требовалъ, чтò и было къ нему отправляемо немедленно. Онъ хотѣлъ, чтобы я одинъ плохой гарнизонной полкъ, который оставался въ Москвѣ, употребилъ для сдержанія мародеровъ и дезертировъ и не пустилъ бы ихъ въ городъ, забывая, что онъ не окруженъ ни рвомъ, ни стѣнами и что его окружность простирается до 42 верстъ".

Дѣйствительно, князь Кутузовъ писалъ ему по нѣскольку разъ въ день, требуя подводъ, шанцевыхъ инструментовъ, орудій, зарядовъ и т. п. и приготовляясь дать новое сраженіе. „Послѣ кровопролитнѣйшаго сраженія, вчерашняго числа происходившаго, писалъ онъ 27 Августа, въ которомъ войска наши потерпѣли естественно важную потерю, сообразную ихъ мужеству, намѣреніе мое, хотя баталія и совершенно выиграна, для нанесенія сильнаго почувствованія непріятелю, состоитъ въ томъ, чтобы, притянувъ къ себѣ столько способовъ, сколько можно только получить, у Москвы выдержать рѣшительную, можетъ быть, битву. Помощи, которыя требую я, различныя, и потому отправляю я полковника князю Кудашева къ вашему сіятельству представить лично и просить, чтобы все то, чтó можетъ дать Москва въ разсужденіи войскъ, прибавки артилерійскихъ снарядовъ, лошадей и прочаго имѣемаго ожидать отъ вѣрныхъ сыновъ Отечества, все бы то было пріобщено къ арміи, ожидающей сразиться съ

непріятелемъ. И къ кому же надежнѣе могу я во всѣхъ сихъ нуждахъ обратиться, какъ не ко извѣстному любовью къ Отечеству и усердіемъ, достойному предводителю древней столицы?" На другой день вслѣдъ за кн. Кудашевымъ, онъ отправилъ къ графу Ростопчину ротмистра графа Апраксина съ тѣми же порученіями, прося немедленно, на *курьерскихъ лошадяхъ*, выслать въ армію кирокъ и лопатъ. Озабочиваясь устройствомъ перевозочныхъ способовъ, черезъ два дня послѣ этого письма, онъ снова писалъ: „Мы приближаемся къ генеральному сраженію; но мысль, что не буду имѣть способовъ къ отправленію раненыхъ на подводахъ, устрашаетъ меня. Ради Бога, прошу помощи скорѣйшей отъ вашего сіятельства". Эта записка писана изъ села Вязёмы, откуда отъ одного 30 числа кн. Кутузовъ отправилъ шесть записокъ и писемъ къ графу Ростопчину, что показываетъ, до какой степени озабочивало его предстоявшее новое сраженіе съ непріятелемъ. „Я нахожусь сегодня при Вязёмѣ, писалъ онъ между прочимъ; но какъ здѣсь никакой позиціи нѣтъ, то отправился генералъ Бенигсенъ назадъ отыскать мѣсто, гдѣ бы удобнѣе дать баталію. Желательно было бы, если бы два человѣка расторопныхъ, изъ вашихъ, были при мнѣ, чрезъ которыхъ я могъ бы давать словесныя извѣстія" [58]). Желая находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ графомъ Ростопчинымъ и держать его въ полной извѣстности о своихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ, но естественно затрудняясь безпрерывно сноситься письменно, князь Кутузовъ, для поддержанія этихъ сношеній, предложилъ ему эту мѣру. Кажется, графъ Ростопчинъ никого изъ *своихъ* не отправилъ въ главную квартиру, и въ то именно время, когда кн. Кутузовъ предлагалъ ему эту мѣру и усиливалъ свои сношенія съ нимъ, гр. Ростопчинъ вовсе ихъ прервалъ и перестаъ отвѣчать на его письма. Поводомъ къ этому послужило слѣдующее обстоятельство.

Графъ Ростопчинъ обидѣлся предложеніемъ главнокомандующаго арміями дѣйствовать вооруженною рукою противъ мародеровъ и дезертеровъ, когда никакихъ военныхъ силъ не было въ его распоряженіи. „Разъѣздовъ двумя стами драгуновъ дѣлать невозможно", писалъ онъ къ министру полиціи [59]). Но въ слѣдъ за этимъ онъ получилъ слѣдующее письмо отъ князя Кутузова: „По свѣдѣніямъ до меня дошедшимъ, непріятель 28 числа ночевалъ въ Рузѣ, а объ силахъ его утвердительно знать невозможно; иные на сей дорогѣ предполагаютъ цѣлый корпусъ, 20.000; другіе менѣе. Непріятель, за отдѣленіемъ сихъ войскъ, находится въ 15 верстахъ передо мною, въ виду моего аріергарда и сегодняшній день не атакуетъ. Сіе можетъ онъ продолжать и завтра въ томъ желаніи, чтобы армія моя оставалась здѣсь; а между тѣмъ, сдѣлавъ форсированный маршъ на Звенигородъ и раздавивъ отрядъ Винценгероде, состоящій изъ 2 тысячъ кавалеріи, 500 человѣкъ пѣхоты и двухъ пушекъ, возметъ онъ дерзкое намѣреніе на Москву. Войска мои, не смотря на кровопролитное, бывшее 26 числа, сраженіе, остались въ такомъ почтенномъ числѣ, что не только въ силахъ противиться непріятелю, но даже ожидать и поверхности надъ нимъ. Но между тѣмъ непріятельскій корпусъ находится нынѣ на Звенигородской дорогѣ; неужели не найдетъ онъ свой гробъ отъ дружины Московской, когда бы осмѣлился онъ посягнуть на столицу Московскую по сей дорогѣ, куда отступитъ и Винценгероде? Ожидаю нетерпѣливо отзыва вашего сіятельства. Прилагаемое при семъ повелѣніе къ генералъ-

---

[58]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину отъ 27 Авг. изъ д. Жуково, 28-го Авг. изъ д. Шелковки, 30-го изъ Вязёмы, два письма.

[59]) Письмо графа Ростопчина къ г. Балашеву отъ 29 Авг. 1812 г.

адъютанту Винценгероде благоволите отправить поспѣшно въ Звѣнигородъ“ [60]).

28 Августа Наполеонъ изъ Можайска отправилъ 4-й корпусъ подъ начальствомъ вице-короля къ Звѣнигороду. Кн. Кутузовъ опасался, что онъ можетъ обойти наше правое крыло и даже занять Москву въ тылу нашей арміи. Въ этомъ направленіи находился только незначительный отрядъ нашихъ войскъ подъ начальствомъ барона Винценгероде, который конечно не могъ воспрепятствовать движенію цѣлаго корпуса вице-короля. Чтобы подкрѣпить его, князь Кутузовъ и вызывалъ на военный подвигъ графа Ростопчина. „30 Августа меня разбудили ночью (говоритъ онъ въ своихъ Запискахъ), доложивъ, что пріѣхалъ посланный отъ Кутузова. Онъ извѣщалъ меня, что Наполеонъ отдѣлилъ отъ своихъ войскъ цѣлый корпусъ, который двинулся по направленію къ Звѣнигороду, и выражалъ въ своемъ письмѣ надежду, что Московское народонаселеніе вѣроятно достаточно для того, что наказать дерзость врага, если бы онъ покусился проникнуть въ Москву. Это уже казалось весьма *дурною шуткою*, потому что Кутузову хорошо было извѣстно, что Москва опустѣла, и въ ней оставалось не болѣе 50 тыс. жителей. Я ему ничего не отвѣчалъ и въ первый разъ позаботился о спасеніи моего семейства. Я велѣлъ все приготовить къ ихъ отъѣзду и лишь только они проснулись, кареты уже были запряжены, и въ 11 часовъ моя жена и три дочери отправились въ Ярославль. Тяжело было наше прощаніе; мы разлучались, можетъ быть, навсегда, и ужасная будущность отравляла даже мысль о счастіи вновь соединиться когда нибудь“ [61]).

Приведенное письмо князя Кутузова съ перваго взгляда должно казаться не только *дурною шуткою*, но даже весьма злою насмѣшкою. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что онъ очень хорошо зналъ, что въ это время въ Москвѣ, кромѣ нѣсколькихъ драгунъ, состоявшихъ при полиціи и гарнизонныхъ солдатъ для внутреннихъ карауловъ, вовсе не было вооруженныхъ силъ. Московское ополченіе давно уже было присоединено къ дѣйствующей арміи, ополченія другихъ губерній еще не приблизились къ Москвѣ; о какой же *Московской дружинѣ* говоритъ въ своемъ письмѣ князь Кутузовъ? Графъ Ростопчинъ понялъ это выраженіе такъ, что онъ предлагалъ ему отразить нападеніе корпуса вице-короля съ Московскими *обывателями* (la population de Moscou). Но могла ли придти въ посѣдѣлую голову опытнаго вождя подобная мысль? Могъ ли самолюбивый и раздражительный графъ Ростопчинъ такъ слегка и какъ бы мимоходомъ упомянуть въ своихъ Запискахъ о подобномъ предложеніи, если бы оно дѣйствительно заключало въ себѣ такой смыслъ? Могъ ли наконецъ позволить себѣ такую шутку кн. Кутузовъ, отличавшійся вообще особенною любезностію въ обращеніи относительно Московскаго главнокомандующаго, котораго имя гремѣло по всей Россіи въ это время? При томъ тогда, когда всѣ его помыслы обращены были къ спасенію Отечества!

---

[60]) Письмо кн. Кутузова къ графу Растопчину отъ 30 Авг. изъ Вязёмы (третье).

[61]) Срав. Гр. Сегюръ. „Au moment du départ, il réunit ses enfants, et s'agenouillant en leur présence devant sa femme, il leur dit: „mes enfants, peut-être ne nous reverrons-nous plus en ce monde. J'ai voulu, avant de vous dire adieu, vous bénir et demander pardon devant vous à votre mère des peines que j'ai pu lui causer. Cest une sainte et j'aurais dû suivre toujours ses conseils. Souvenez-vous de ce moment et si je meurs, obéissez-lui comme à moi-même“ La vie du c-te Rostopchine, стр. 201.

Въ это время еще было не до шутокъ и не до насмѣшекъ, и потому необходимо предполагать, что онъ считалъ свое предложеніе возможнымъ исполнить. Но какимъ же образомъ? Неужели онъ могъ думать, что необученная хотя сколько нибудь, невооруженная толпа, можетъ дать отпоръ цѣлому корпусу непріятельскихъ войскъ, состоявшему изъ всѣхъ видовъ оружія и простиравшемуся до 20.000 человѣкъ? Конечно нѣтъ. Но графъ Ростопчинъ вызывался составить, *сверхъ* общаго ополченія, еще другое въ числѣ 80.000 человѣкъ. Тогдашнее настроеніе общества и всего народа и въ особенности Москвы давало надежду осуществленія этой мысли; а прямой *вызовъ* графа Ростопчина, которому кн. Кутузовъ не имѣлъ никакихъ поводовъ не вѣрить, долженъ былъ еще болѣе укрѣпить эту надежду. Князь Кутузовъ безъ сомнѣнія зналъ, какъ легко было обучать ополченцевъ: Августа 27, на Преображенской, Измайловской и Семеновской учебныхъ площадяхъ началось ученіе ратниковъ Петербургскаго ополченія, которое производилось тѣмъ успѣшнѣе, что на каждаго изъ старыхъ солдатъ приходилось не болѣе пяти новыхъ служивыхъ; въ продолженіи пяти дней, или лучше сказать пяти сутокъ (потому что ратники почти не сходили съ учебныхъ мѣстъ) болѣе 13 тыс. человѣкъ, не имѣвшихъ понятія о фронтовой службѣ, научились ходить въ ногу, дѣлать довольно равно ружейные пріемы, стрѣлять по командѣ и рядами, строить колонны и каре. Государь, сдѣлавъ 1-го Сентября смотръ новому войску, изъявилъ благоволеніе „за устройство, въ которомъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ этотъ день ополченіе". Лордъ Каткартъ, сопровождавшій на смотру императора, указавъ на ратниковъ, сказалъ: „государь, это войско выросло изъ земли" [62]).

Конечно графъ Ростопчинъ не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи столько старыхъ солдатъ для обученія задуманнаго имъ ополченія, но за то онъ имѣлъ не пять дней времени, а гораздо болѣе. Кн. Кутузовъ безъ сомнѣнія понималъ, что эти дружины не могутъ быть достаточны обучены; но 80.000 ратниковъ, хотя бы и мало обученныхъ, возможно было противопоставить одному 20 тысячному корпусу непріятеля. Въ письмѣ изъ Гжатска кн. Кутузовъ просилъ графа Ростопчина двинуть это ополченіе къ Можайску. Передъ Бородинскимъ сраженіемъ онъ писалъ, что надѣется дать сраженіе: „при пособіи войскъ отъ вашего сіятельства доставляемыхъ и при личномъ вашемъ присутствіи употреблю ихъ, хотя еще и недовольно выученныхъ, къ славѣ Отечества нашего". Съ самаго Бородинскаго поля, въ разгаръ сраженія, онъ писалъ и просилъ „доставить сколько можно изъ войскъ, подъ начальствомъ вашимъ состоящихъ". Отступивъ послѣ Бородина, онъ надѣялся „укрѣпить себя *ополченіемъ* Московскимъ" [63]). Но Московское ополченіе давно уже было присоединено къ войскамъ и дѣйствовало въ Бородинскомъ сраженіи. Подъ непосредственнымъ начальствомъ графа Ростопчина никакихъ войскъ не было, чего не могъ не знать князь Кутузовъ. По этому всѣ приведенныя мѣста его писемъ могутъ относиться только до того добровольнаго, такъ сказать, ополченія, которое вызвался, въ числѣ 80-ти тыс., собрать графъ Ростопчинъ и которое конечно и состояло бы подъ его личнымъ начальствомъ. Но такого ополченія составлено не было; графъ Ростопчинъ, постоянно вызывая на военные подвиги жителей Москвы, не приготовлялъ изъ нихъ ополченія, не составлялъ дружинъ, не вооружалъ ихъ и не обучалъ фрон-

---

[62]) Штенгель, Записки о С.Петерб. ополченіи, ч. I, стр. 84; Богдановичъ, Исторія отечеств. войны 1812 г. т. II, стр. 55—56.

[63]) Письма кн. Кутузова къ графу Ростопчину отъ 21 и 27 Авг. 1812 г.

товой службѣ. Быть можетъ, онъ не имѣлъ для этого необходимыхъ средствъ; а въ послѣдствіи, когда большая часть народонаселенія Москвы оставила ее, онъ лишился и возможности составить такое ополченіе. Изъ остававшихся, по свидѣтельству самаго графа Ростопчина, числа жителей (до 50 тыс., вѣроятно обоего пола), едвали и возможно было набрать болѣе 2 или 3 тысячъ способныхъ дѣйствовать оружіемъ, которые безъ сомнѣнія, никакой помощи войскамъ и оказать не могли. Въ послѣдствіи графъ Ростопчинъ самъ смѣялся надъ подобными воинственными выходками. „Августа 29-го Москва была поражена ужасомъ, когда ночью увидѣла зарево бувуаковъ, находившихся уже въ 40 верстахъ отъ города. Этотъ свѣтъ просвѣтилъ остававшимся жителямъ, какая ожидаетъ ихъ судьба, и низшіе классы народонаселенія въ огромномъ количествѣ начали выходить изъ города, въ который въ непродолжительномъ времени долженъ былъ вступить непріятель. Было нѣсколько *смѣшныхъ порывовъ любви къ Отечеству*: одна дама предложила мнѣ составить отрядъ Амазоновъ; актеры Русскаго театра, одни хотѣли защищать столицу и предложили свою добрую волю и свои руки генералу Апраксину, который отказался отъ этого почетнаго званія и не захотѣлъ обезсмертить себя съ 20-ю театральными героями въ Римскомъ костюмѣ". Но не самъ ли графъ Ростопчинъ вызывалъ къ такимъ порывамъ любви къ Отечеству, надъ которыми потомъ смѣялся? Не въ такомъ ли же порывѣ онъ написалъ къ князю Кутузову, что составитъ особое ополченіе въ 80 тыс. человѣкъ и тѣмъ ввелъ его въ заблужденіе? Когда князь Кутузовъ, не ограничиваясь простою перепискою съ графомъ Ростопчинымъ, началъ посылать къ нему своихъ офицеровъ, вѣроятно, онъ узналъ, что въ Москвѣ нѣтъ никакого ополченія; но это могло случиться уже за два или три дня до того времени, когда между нимъ и графомъ Ростопчинымъ произошло первое свиданіе и знакомство на Поклонной Горѣ. До того времени они не были знакомы между собою. Это обстоятельство отчасти также объясняетъ довѣренность въ этомъ случаѣ проницательнаго полководца къ обѣщанію Московскаго главнокомандующаго, пользовавшагося такою преданностію Москвы и извѣстностію по всей Россіи въ это время.

Зарево бивуачныхъ огней выгоняло изъ Москвы ея жителей; всѣ спѣшили выбраться. Отправивъ свое семейство въ Ярославль, графъ Растопчинъ, съ дачи въ Сокольникахъ, переѣхалъ въ свой Московской домъ на Лубянку. „Окончивъ обѣдъ (29 Августа), мы вышли изъ столовой и въ одной изъ залъ были поражены неожиданнымъ зрѣлищемъ (говоритъ онъ): до 20 офицеровъ раненыхъ при Бородинѣ пришли ко мнѣ просить денегъ. Я предложилъ имъ отправиться въ разныя болѣе или менѣе отдаленныя мѣста и лечиться. Многіе не имѣли силы стоять на ногахъ; на ихъ одеждѣ были слѣды крови; другіе опирались на костыли; у иныхъ были на подвязкахъ руки. Молодой прапорщикъ привлекъ вниманіе всѣхъ. У него пуля изъяла офицерскій знакъ и такъ сильно его контузила, что онъ ежеминутно кашлялъ кровью. Я снабдилъ ихъ необходимымъ для путешествія и пожелалъ искренно выздоровленія".

Графъ Растопчинъ желалъ, чтобы его считали дѣятельнымъ и знающимъ все, что̀ ни дѣлается въ Москвѣ, и поэтому былъ дѣйствительно дѣятеленъ, и эта дѣятельность постоянно должна была усиливаться по мѣрѣ приближавшейся для Москвы опасности. Можетъ быть, излишне-дѣятельный, до мелочей, въ началѣ своего поприща въ качествѣ Московскаго главнокомандующаго, силою обстоятельствъ продолжая также дѣйствовать, въ это время онъ вынужденъ былъ сдѣлаться дѣятельнымъ до излишества, которое могло оказать вредное вліяніе на его здоровье, какъ

это и случилось. Онъ открылъ къ себѣ доступъ всѣмъ, въ первое время своего начальства надъ Москвою, когда большинство посѣтителей его пріемной въ генералъ-губернаторскомъ домѣ, при отсутствіи гласности въ это время, являлось къ нему для того, чтобы узнать что нибудь новое въ отношеніи къ политическимъ или военнымъ дѣйствіямъ нашего правительства. Такія собранія нисколько не обременяли его ни заботами, ни распоряженіями. Напротивъ, они были ему пріятны: это были зрители необходимые для созерцанія игры искуснаго актера, который ощущалъ, что силою своего дарованія онъ господствуетъ надъ этою толпою, которая дѣйствительно ему покорялась,—преимущественно конечно какъ генералъ-губернатору. Власть въ то время облечена была нѣкотораго рода обаяніемъ, сохранявшимся со временъ Екатерины, еще недавнихъ и незабытыхъ, и страхомъ, озадачившимъ Россію въ царствованіе Павла. Но въ послѣдніе дни Августа, это были уже не простые зрители и сборщики новостей, но просители, бѣдные, которымъ надо было помогать, раненые, о которыхъ слѣдовало позаботиться. Занятый съ утра до ночи удовлетвореніемъ просьбъ частныхъ людей, графъ Растопчинъ не терялъ изъ виду и общихъ цѣлей, которыя преслѣдовалъ во все время своего управленія Москвою,—поддержать порядокъ и спокойствіе въ столицѣ. „Утромъ, 30 Августа (говоритъ онъ) я велѣлъ позвать къ себѣ главнаго управляющаго виннымъ откупомъ и объявилъ ему, чтобы онъ пересталъ отпускать вино для кабаковъ, пригрозивъ, что если я въ одномъ изъ нихъ найду завтра хоть одинъ стаканъ, то велю повѣсить его на дверяхъ. Это приказаніе было въ точности исполнено; управляющій болѣе всѣхъ долженъ былъ позаботиться въ этомъ случаѣ. Полиціи я приказалъ вечеромъ запереть всѣ кабаки и выгнать изъ нихъ сидѣльцевъ. Я прибѣгъ къ этой мѣрѣ, потому что множество мародеровъ, дезертировъ и мнимыхъ раненыхъ стекалось отовсюду въ Москву; а напиться даромъ до пьяна могло привлечь и часть войскъ, и такъ находившихся въ безпорядкѣ. Пьяные-же могли начать грабежъ и, можетъ быть, поджечь городъ, прежде нежели пройдетъ чрезъ него наша армія. Въ эту ночь, точно также какъ и въ слѣдующую, можно было очень ясно различать два зарева отъ бивуачныхъ огней нашей и непріятельской армій. Эти огни смущали души тѣхъ, которые оставались въ Москвѣ и освѣщали путь тѣмъ, которые ее оставляли“.

Графъ Растопчинъ еще не покидалъ надежды, что Москва не будетъ безъ боя оставлена непріятелю. По требованію князя Кутузова онъ отправилъ изъ Москвы на подкрѣпленіе его арміи два полка въ 4 тыс. человѣкъ, составленные въ Москвѣ подъ начальствомъ Миллера; но вслѣдъ за тѣмъ получилъ отъ г. Клейнмихеля высочайшее повелѣніе, которымъ давалось имъ другое назначеніе. Въ отвѣтъ онъ писалъ государю 29 Августа: „Полки, составленные Миллеромъ, отправлены въ Можайскъ, а потомъ я получилъ увѣдомленіе отъ г. Клейнмихеля объ иномъ для нихъ назначеніи; но когда ваше величество дѣлали это распоряженіе, вамъ не было извѣстно, что въ дѣлахъ 24 и 26-го кн. Кутузовъ потерялъ болѣе 30.000 убитыми и ранеными и что единственно получивъ подкрѣпленія, онъ въ состояніи будетъ съ успѣхомъ дать новое и вѣроятно послѣднее сраженіе для спасенія Москвы. Множество раненыхъ генераловъ служатъ доказательствомъ ихъ храбрости и отчаянія. Счастливы тѣ, которые не увидятъ безчестія Отечества. Народъ по прежнему вѣренъ и послушенъ; онъ отданъ на жертву съ одной стороны непріятелямъ, а съ другой своимъ разбойникамъ, которые пугаютъ жителей, грабятъ и жгутъ деревни. Я сдѣлаю все возможное, какъ и всегда дѣлаю, чтобы доставить князю Кутузову средства одержать побѣду надъ чудовищемъ, ко-

торый явился для разрушенія престоловъ и уничиженія народовъ. Москва будетъ стоить ему много крови, прежде нежели онъ въ нее войдетъ. Я не перестану служить вамъ и Отечеству. И когда меня не будетъ, живой или умирающій, я постоянно сохраню одно желаніе, чтобы вы разубѣдились въ людяхъ удостоенныхъ вашей довѣренности и своею глупостью, неспособностью или вѣроломствомъ приведшихъ васъ на край пропасти“ [64]).

Графъ Ростопчинъ питалъ надежду, что будетъ дано новое сраженіе подъ Москвою, потому только, что самъ этого желалъ, что не признавалъ возможнымъ безъ боя уступить врагу древнюю столицу, что не понималъ даже, какія могутъ преизойти отъ того послѣдствія, и гибель Москвы казалась ему гибелью Отечества [65]). Князь Кутузовъ постоянно выражалъ намѣреніе дать еще сраженіе подъ Москвою. Но въ тоже время графъ Ростопчинъ очень хорошо понималъ, что нельзя дать этого сраженія безъ надежды на успѣхъ, что успѣха можно ожидать только въ томъ случаѣ, когда армія князя Кутузова получитъ значительныя подкрѣпленія и что этихъ подкрѣпленій въ достаточномъ количествѣ онъ получить не можетъ: 80-ти тысячное ополченіе разсѣялось, какъ плодъ воображенія. Поэтому онъ переходилъ отъ одной мысли къ другой и одинаково былъ увѣренъ и не увѣренъ, будетъ ли еще сраженіе или нѣтъ.

На другой же день, какъ онъ написалъ приведенное письмо къ государю, 30 Августа, пріѣхалъ къ нему С. Н. Глинка, утромъ въ 10 часовъ. „Встрѣчаю его передъ кабинетомъ (говоритъ онъ) и иду съ нимъ въ кабинетъ. Графъ былъ въ военномъ сюртукѣ, а я въ полныхъ ратническихъ доспѣхахъ. Мы сѣли на софу, подъ картою Россіи. Вотъ нашъ разговоръ, безъ примѣси и въ точности историческій:

— Ваше сіятельство, я отправляю свое семейство, сказалъ Глинка.

— Я отправилъ уже своихъ, отвѣчалъ графъ Ростопчинъ, и слезы блеснули у него на глазахъ. Сергѣй Николаевичъ, станемъ говорить, какъ сыны Отечества. Что̀ вы думаете, если Москва будетъ сдана?

— Вамъ извѣстно, что я отважился это объявить 15-го Іюля въ залѣ дворянскаго собранія; но скажите, графъ, откровенно, какъ будетъ сдана Москва, съ кровью или безъ крови?

— Безъ крови, лаконически отвѣчалъ графъ Ростопчинъ. При этомъ словѣ Глинка всталъ и, указывая на карту Россіи, сказалъ: сдача Москвы отдѣлитъ ее отъ полуденныхъ нашихъ областей. Гдѣ же армія, къ оборонѣ ихъ, займетъ позицію?

— На старой Калужской дорогѣ, гдѣ и мое село Вороново; я сожгу его.

Графъ говорилъ все это (замѣчаетъ С. Н. Глинка) въ 10 часовъ утра 30 Августа, а совѣщаніе о сдачѣ Москвы происходило 31 Августа, въ ночь на 1-е Сентября. Графъ не былъ приглашенъ; слѣдовательно онъ, по собственному соображенію, указалъ то мѣсто, гдѣ Русское войско станетъ твердою ногою и заслонитъ отъ нашествія полуденный нашъ край“.

Въ слѣдъ за тѣмъ графъ Ростопчинъ всталъ съ дивана, подошелъ къ письменному столу и—„летучимъ перомъ, говоритъ С. Н. Глинка, написалъ *Воззваніе на Три Горы*“. Подавая это воззваніе С. Н. Глинкѣ и поручая немедленно напечатать, онъ прибавилъ: „у насъ на Трехъ Горахъ ничего не будетъ; но это вразумитъ нашихъ крестьянъ, что̀ имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву“

---

[64]) Письмо графа Ростопчина къ императору отъ 29 Августа 1812 г.

[65]) Булгакова, разговоръ Неаполитанскаго короля съ графомъ Милорадовичемъ, Москвитянинъ 1843 г., т. I, стр. 505.

„И такъ (замѣчаетъ С. Н. Глинка), графъ Ростопчинъ первый повѣстилъ войну Московскихъ поселянъ“.

Графъ Ростопчинъ, опасаясь вліянія разглашеній Наполеона, считалъ однако одною изъ главныхъ своихъ задачъ дѣйствовать на духъ народа. С. Н. Глинка былъ изъ главныхъ его помощниковъ въ этомъ дѣлѣ. Какъ скоро графъ Растопчинъ, по его выраженію, *развязалъ ему языкъ*, онъ дѣйствовалъ неутомимо какъ въ Москвѣ, бродя постоянно между народомъ и разговаривая съ нимъ, такъ и по окрестнымъ селамъ и деревнямъ. „Когда студенты университета изъявили желаніе вступить въ ряды арміи, то недостатокъ въ деньгахъ много мѣшалъ въ этомъ случаѣ, говоритъ С. Н. Глинка. Я могъ брать для нуждъ другихъ изъ суммы въ 300 тыс.; но мнѣ какъ будтобы стыдно было *развязывать себѣ руки* на деньги въ то время, когда довѣренность развязала мнѣ языкъ для выраженія вдохновеній душевныхъ. И такъ, чтобы удовлетворить ревностныхъ просителей, я продавалъ драгоцѣнныя вещи жены моей“.

Графъ Ростопчинъ зналъ, съ какою ревностію исполнялъ его порученія С. Н. Глинка, зналъ его бѣдность и что изъ 300 тысячной суммы онъ не взялъ ни рубля, и она оставалась въ неприкосновенности, не смотря на то, что онъ долженъ былъ дѣлать нѣкоторыя траты. Поэтому, передавая ему для напечатанія Воззваніе на Три Горы, онъ въ слѣдъ за тѣмъ вынулъ изъ бюро *довольно полновѣсный свертокъ* съ ассигнаціями и, подавая Глинкѣ, сказалъ: „Государю извѣстно, что вы всѣмъ жертвовали и все отдали. Вотъ на дорогу для вашего семейства“.—„Я не возьму денегъ, отвѣчалъ ему С. Н. Глинка, а для скорѣйшаго исполненія государевыхъ порученій, прикажите мнѣ дать дрожки. Въ пустынной Москвѣ почти до самой вашей дачи я шелъ пѣшкомъ. Одинъ добрый гражданинъ уступилъ мнѣ волочки“ [66]).

Современники и потомки только съ литературной точки зрѣнія смотрѣли на сочиненія Глинки, дѣйствительно не отличающіяся особою даровитостію и естественно не усмотрѣли въ немъ политическаго дѣятеля; но графу Ростопчину была извѣстна и эта сторона его дѣятельности. Неужели онъ смѣшивалъ его съ другими своими агентами, которыхъ разсылалъ по темнымъ угламъ Москвы, чтобы слѣдить народное настроеніе и направлять его по его наставленіямъ? Или ему непріятно было вспоминать о самой этой дѣятельности, происходившей въ средѣ простаго народа и вызванной излишнею подозрительностію къ нему самого графа Ростопчина? Но его подозрительность, хотя безъ сомнѣнія несправедливая въ отношеніи къ народу, была раздѣляема многими въ это время, и корень ея заключался въ дѣйствовавшемъ тогда крѣпостномъ правѣ на крестьянъ, которое туманило взглядъ на народъ многихъ, даже весьма умныхъ и просвѣщенныхъ людей.

Дѣятельность С. Н. Глинки со дня изданія имъ *Русскаго Вѣстника* и въ 1812 г. его въ высшей степени честный поступокъ въ отношеніи той суммы денегъ, на которую по высочайшему повелѣнію развязалъ ему руки графъ Ростопчинъ, удостоились полнаго забвенія какъ современниковъ, такъ и потомства. Въ послѣдствіи Глинка проводилъ жизнь въ совершенной бѣдности и умеръ слѣпымъ въ 1852 году, въ Петербургѣ. Но всего замѣчательнѣе то обстоятельство, что въ своихъ Запискахъ о 1812 годѣ графъ Ростопчинъ не говоритъ о немъ ни одного слова, не упоминаетъ даже его имени.

---

[66]) С. Н. Глинка, Записки о 1812 г., стр. 53—56.

Послѣ свиданія Глинки съ графомъ появилось слѣдующее воззваніе: „Братцы, наша сила многочисленна и готова положить животъ, защищая Отечество. Не впустимъ злодѣя въ Москву, но надо пособить и намъ свое дѣло сдѣлать. Грѣхъ тяжкой своихъ выдавать. Москва наша мать, она насъ поила, кормила и богатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возмите только на три дня хлѣба. Идите со крестомъ, возмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь тотчасъ на Трехъ Горахъ. Я буду съ вами, и вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на страшномъ судѣ, кто отговариваться станетъ!"

Это воззваніе произвело волненіе въ народѣ „самое убійственное: стали разбивать кабаки, говоритъ современникъ. Питейная контора на улицѣ Покровской разграблена; на улицахъ крикъ, драка; останавливали прохожихъ, спрашивая: гдѣ непріятель! Трудно было отойти отъ нихъ" [67]. Нельзя заподозрить истины этого свидѣтельства, тѣмъ болѣе, что оно подтверждается распоряженіями самого графа Ростопчина. Мы привели уже выписку изъ его Записокъ, въ которой онъ разсказываетъ, что вечеромъ именно этого дня, 30 Августа, онъ велѣлъ запереть всѣ кабаки. Это была не мѣра предосторожности, но послѣдствіе того волненія, которое произвело въ народѣ его Воззваніе на Три Горы.

На другой день, 31 Августа, вышло новое и уже послѣднее извѣстіе графа Ростопчина: „Я завтра рано ѣду къ свѣтлѣйшему князю, чтобы съ нимъ переговорить, дѣйствовать и помогать войскамъ истреблять злодѣевъ. Станемъ и мы изъ нихъ духъ искоренять и этихъ гостей къ черту отправлять. Я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ".

(ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ СТР. 157—161).

„Атаманъ Платовъ не разъ уже былъ замѣчаемъ, говоритъ А. П. Ермоловъ, нерадиво исполняющимъ свои обязанности, а князь Багратіонъ сказывалъ мнѣ, что когда онъ находился съ нимъ при отступленіи изъ Литвы, онъ изыскивалъ способъ возбуждать его къ предпріимчивости и дѣятельности чрезвычайной, провѣдавъ неодолимое его желаніе быть графомъ. Мнѣ причиною недѣятельности его казалось просто незнаніе его распоряжаться разнаго рода регулярнымъ войскомъ, особенно въ дѣйствіяхъ продолжительнаго времени. Быть начальникомъ казаковъ, рѣшительнымъ и смѣлымъ, не то что быть генераломъ, отъ котораго требуется другой родъ распорядительности, въ связи съ искусствомъ непремѣнно. Атам. Платовъ, принадлежа къ числу людей весьма умныхъ и отлично проницательныхъ, не могъ не видѣть, что война 1812 года въ свойствахъ своихъ не сравнивается съ тѣми, въ которыхъ онъ болѣе многихъ другихъ оказалъ способностей". Такого рода дѣйствія Платова были поводомъ къ тому, что у него отняли начальство надъ аріергардомъ. „Главнокомандующій, продолжаетъ Ермоловъ, справедливо недовольный безпорядочнымъ командованіемъ атамана Платова аріергардомъ, уволилъ его отъ онаго, позволилъ отправиться изъ арміи, и онъ находился въ Москвѣ, когда князь Кутузовъ далъ ему повелѣніе возвратиться къ Донскимъ казакамъ въ армію. Аріергардъ порученъ генералъ-лейтенанту Коновницыну, и онъ отступалъ отъ Вязьмы, упорно защищаясь на каждомъ шагу" (Записки, т. I, стр. 184 и 188). Нѣтъ причинъ подозрѣвать въ пристрастіи мнѣніе Ермолова, такого замѣчательнаго боеваго генерала. Напротивъ, весьма вѣроятно, что Платовъ, *смѣлый* и *рѣшительный начальникъ казаковъ*, не умѣлъ распоряжаться *регулярными* войсками. Свойство же войны 1812 г. было таково, что, при постоянномъ отступленіи, она

[67]) Бестужева-Рюмина, Описаніе происш. и пр., стр. 82.

не представляла возможности выказать казакамъ и ихъ начальнику свои доблести. Впрочемъ гдѣ только приходилось имъ имѣть дѣло, наступательно или оборонительно, противъ непріятельской кавалеріи, какъ напр. при Романовѣ и Инковѣ (Молевомъ болотѣ), они дѣйствовали блистательно. Значительныя массы иррегулярной кавалеріи при отступленіи не могли, конечно, оказать той пользы, какую оказали бы при наступательной войнѣ. Это понимали въ штабѣ второй арміи. „Изъ Слуцка князь Багратіонъ можетъ отправить корпусъ Платова къ вашему величеству, писалъ графъ Сенъ-При императору, если это будетъ вамъ угодно, тѣмъ болѣе, что этотъ корпусъ принадлежитъ къ составу первой арміи, гдѣ онъ можетъ принести гораздо болѣе пользы, нежели у насъ. Чинъ атамана (son rang) представляетъ неудобства, и притомъ для насъ довольно тѣхъ казачьихъ полковъ, которые причислены ко второй арміи, имѣя въ виду числительную нашу силу" (писано отъ 28 Іюня). Что-же касается до начальствованія Платова аріергардомъ, то это назначеніе зависило отъ главнокомандующаго. Впрочемъ нельзя не замѣтить, что когда аріергардъ былъ отданъ подъ начальство Коновницына, то, по совѣту князя Багратіона, онъ былъ значительно усиленъ и слѣдовательно могъ дѣйствовать успѣшнѣе. Изъ Записокъ Ермолова видно, что онъ находился въ добрыхъ отношеніяхъ съ Платовымъ и, выражая мнѣніе о его неспособности начальствовать аріергардомъ регулярной арміи, исполнялъ долгъ безпристрастія, отдавая впрочемъ справедливость другимъ хорошимъ его качествамъ. Но въ бумагахъ, сохраненныхъ самимъ Ермоловымъ, находятся свидѣтельства о слѣдующемъ происшествіи. Генералъ Красновъ, старикъ, подчиненъ былъ младшему по службѣ генералу и притомъ не изъ Донцевъ. Онъ обидился и написалъ объ этомъ Платову, говоря между прочимъ: „мнѣ не нужны ни чины, ни другія награды, лишь бы служба моя соотвѣтствовала желанію вашему; быть же посрамлену противу *чуждыхъ*, ей не могу". (Донесеніе 15 Августа 1812 г., дер. Починки). Посылая донесеніе Краснова, Платовъ писалъ Ермолову: „Обида, г. Красновымъ описываемая, что онъ подчиненъ младшему, не только для него, но и для меня и даже всего войска, очень чувствительна. Я понимаю, что это произошло конечно отъ ошибки; но какъ сіе всякому прискорбно, то прошу васъ приказать въ подобныхъ случаяхъ по военному списку выправляться о старшинствѣ г. генераловъ, во избѣжаніе обиды, отъ подчиненія старшаго младшему чувствуемой" (письмо отъ 16 Авг. 1812., Полявово). На этомъ письмѣ Ермоловъ собственноручно написалъ: „Въ отвѣтъ на сіе письмо объяснено г. Платову, что въ назначеніи ген. м. Краснова сдѣлана ошибка, происходящая отъ недоставленія въ главный штабъ арміи формулярнаго о службѣ его списка, который должна была препроводить канцелярія г. Платова, извѣстившая прежде, что, по недавнему переводу г. Краснова изъ войска Черноморскаго, они его въ полученіи не имѣютъ".

„Г. Платова просилъ я узнать отъ г. Краснова, называющаго *Русскихъ чуждыми*, съ котораго времени почитаетъ онъ войско Донское *союзнымъ*, а не *подданнымъ* Россійскаго императора. Отъ г. Платова не было на сіе отвѣта". (Записки Ермолова, т. I, Прилож., стр. 206—208). Вѣроятно отвѣтъ Ермолова написанъ былъ Платову не иначе, какъ по докладу главнокомандующему, слѣдовательно съ его дозволенія. Весьма понятно, что странный вопросъ, предложенный начальникомъ штаба первой арміи атаману Платову, остался безъ отвѣта. Слову *чуждый*, употребленному г. Красновымъ, конечно онъ не придавалъ того значенія, которое хотѣлъ придать ему Ермоловъ. Оно означало лишь: послужившаго въ Донскихъ казакахъ, а войско Донское имѣло свое особое устройство. Это обстоятельство конечно могло быть поводомъ къ непріязненнымъ отношеніямъ; но не оно было причиною замѣны Платова Коновницынымъ въ начальствованіи аріергардомъ. Ермоловъ прямо объясняетъ причину смѣны и удаленія изъ арміи Платова тѣмъ, что онъ *безпорядочно* начальствовалъ аріергардомъ. Но письмо Барклая-де-Толли къ императору, въ которомъ онъ выражалъ свое недовольство Платовымъ и просилъ отозвать его отъ арміи, было написано 22 Іюля изъ Смо-

ленска. Только 19 Іюня корпусъ Платова вошелъ въ сообщеніе съ первою арміею; 20-го Барклай-де-Толли предписалъ ему войти въ сообщеніе съ авангардами графа Платова и Шевича и размѣстить аванпосты отъ Краснаго до Холма (Михайловскій Данилевскій, Собр. соч., т. IV, стр. 220—222); аріергардъ поступилъ подъ начальство Платова только 8-го Августа (Военн. журналъ полковника Толя). Изъ соображенія этихъ чиселъ нельзя не придти къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1) Барклай-де-Толли не могъ быть недоволенъ не только службою Платова какъ начальника аріергарда, которая началась гораздо позднѣе, но даже и дѣйствіями его по соединенію съ первою арміею подъ Смоленскомъ, которыя не могли обозначиться достаточно въ *одинъ день*,—въ то время, когда онъ писалъ государю и просилъ отозвать его. Черезъ нѣсколько же дней (27 Іюня) послѣ этого письма, эта служба Платова выразилась въ томъ, что онъ выдержалъ блестящее сраженіе подъ Инковымъ. Главнокомандующій былъ недоволенъ его прежними дѣйствіями, какъ и видно изъ содержанія его письма къ императору, т. е. въ первый періодъ кампаніи, когда онъ не могъ присоединиться къ первой арміи, къ составу которой принадлежалъ его корпусъ, а долженъ былъ примкнуть ко второй. Но въ этомъ случаѣ возникаетъ недоразумѣніе, которое едвали возможно объяснить чѣмъ-либо кромѣ личныхъ свойствъ Барклая-де-Толли, а именно: почему же, при такомъ понятіи о Платовѣ, онъ поручилъ ему начальство надъ аріергардомъ соединенныхъ армій въ такое трудное время отступленія, т. е. отъ Соловьевой переправы черезъ Днѣпръ и почти до самого Царева-Займища? 2) Свидѣльства А. П. Ермолова, какъ начальника штаба первой арміи, должны бы пользоваться особеннымъ довѣріемъ,—кому-же какъ не начальнику штаба лучше знать что дѣлается въ войскахъ?—но его свидѣтельства въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, оказываются совершенно невѣрными. Онъ ошибался, говоря, что главнокомандующій былъ недоволенъ дѣйствіями Платова въ аріергардѣ и потому смѣнилъ его и удалилъ изъ арміи: очень можетъ быть, что онъ былъ имъ доволенъ и справедливый далъ о немъ отзывъ въ офиціальномъ донесеніи императору; но онъ былъ недоволенъ прежними его дѣйствіями и не довѣрялъ лично ему, также какъ и самому Ермолову. Еще болѣе онъ ошибался, говоря, что Платовъ „находился въ Москвѣ, когда кн. Кутузовъ далъ ему повелѣніе возвратиться къ Донскимъ войскамъ въ арміи". Только 16-го Авг. Коновницынъ смѣнилъ Платова въ начальствованіи надъ аріергардомъ и 18-го того же мѣсяца „въ 10 часовъ по полудни", пишетъ Платовъ, онъ получилъ предписаніе главнокомандующаго первою арміею „отправиться къ его величеству въ Москву". (Рапортъ его Барклаю-де-Толли 18 Авг. Записки Ермолова т. I, Прилож., стр. 198). Слѣдовательно Платовъ могъ выѣхать изъ арміи въ Москву лишь 19-го Августа, т. е. на третій день послѣ прибытія кн. Кутузова въ Царево-Займище. Между тѣмъ изъ Записокъ Ермолова слѣдовало бы заключить, что князь Кутузовъ не нашелъ его въ арміи и вызвалъ къ ней изъ Москвы. Ермоловъ не зналъ многаго, что̀ дѣлалось въ главной квартирѣ. Барклай-де-Толли дѣлалъ распоряженія помимо его и тайно отъ него; потому что не довѣрялъ ему, считая его однимъ изъ главныхъ своихъ противниковъ (Изображ. воен. дѣйствій, стр. 5—6, Чтенія въ Моск. общ. исторіи и древн. 1858, кн IV). Такія отношенія начальника штаба первой арміи къ главнокомандующему своевременно оцѣнилъ кн. Багратіонъ. „Рекомендую вамъ главную вещь: вы должны всѣ бумаги министра внизу подписывать, яко главный генералъ штаба; вы должны всю переписку знать министра съ нами по части военной. Иначе, будете отвѣчать и поздно будетъ сказать: я не зналъ, мнѣ не сказали" (Записки Ермолова, т. I, прилож., стр. 176). Отношенія главнокомандующаго первою арміею къ Платову послужили поводомъ къ различнымъ слухамъ о немъ и вообще о казакахъ, въ послѣдствіи; но объ нихъ рѣчь впереди.

(*Продолженіе будетъ*).

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ДАНИЛОВИЧЪ МЕНШИКОВЪ *.

V. Годы 1709 и 1710.

Полтавское сраженіе завершаетъ періодъ самой блистательной дѣятельности князя Меншикова, какъ полководца. Калишъ, Батуринъ, Опошня, Полтава и Переволочная: это тѣ чистыя и яркія звѣзды на жизненномъ горизонтѣ Меншикова, которыя свѣтили ярко, и долго своимъ блескомъ застилали въ глазахъ Петра Великаго послѣдующія злоупотребленія его любимца. Не забудетъ этихъ заслугъ Меншикова и Исторія: фельдмаршальскій жезлъ заслуженъ имъ достойно и честно.

10-го Іюля 1709 года, на мѣстѣ Полтавскаго сраженія торжественно отслуженъ благодарственный молебенъ, а 13-го Іюля войска наши выступили въ Рѣшетиловку: въ Полтавѣ невозможно было оставаться долѣе отъ смрада мертвыхъ тѣлъ. Въ Рѣшетиловкѣ, на военномъ совѣтѣ рѣшено было Шереметеву идти противъ Шведовъ къ Ригѣ, а Меншикову, съ большею частью кавалеріи отправиться въ Польшу и, соединясь съ отрядомъ Гольца, преслѣдовать Лещинскаго и Шведскаго генерала Крассова. 16-го Іюля Меншиковъ выѣхалъ изъ Рѣшетиловки и подвигался медленно „на своихъ лошадяхъ“, а Петръ на почтовыхъ выѣхалъ изъ Рѣшетиловки 19-го и пріѣхалъ въ Кіевъ 22-го. Меншиковъ заболѣлъ на дорогѣ. Изъ мѣстечка Лубенъ онъ пишетъ къ Петру: „Болѣзнь не даетъ свободно главы поворачивать; однакожъ, хотя и съ трудомъ, завтра выѣдемъ отсюда“. 25 Іюля Меншиковъ пріѣхалъ въ Кіевъ и чрезъ нѣсколько дней отправился съ кавалеріею въ Полонное. Въ Кіевѣ 31 Іюля Петръ подписалъ грамоту на пожалованіе Меншикову и его потомкамъ въ вѣчное владѣніе города Почепа. По отъѣздѣ Меншикова изъ Кіева, занемогъ и Петръ. 1-го Августа онъ пишетъ къ Меншикову: „Мнѣ за грѣхъ сія болѣзнь припала, которая по отъѣздѣ вашемъ въ вечеру прямою лихорадкою объявилась было, но когда въ Понедѣльникъ принялъ фармативъ, съ помощію Божіею оную разорвалъ; однакоже оная, яко проклятая болѣзнь, хотя не знобомъ и жаромъ, то тоскою и тягостію еще дававтъ и свои дни выбираетъ; и тако не чаю, чтобъ ранѣе 10 числа или праздника отселѣ за безсильствомъ ѣхать. И для того конечно нужно сими днями Гольцу податься къ Варшавѣ (какъ я писалъ), дабы сіе мое замедленіе скорою дорогою награждено было, о чемъ вы къ нему отпишите, чтобъ такъ учинилъ; а вы дожидайтесь меня въ Полонномъ или Острогѣ“ [1]). Меншиковъ встревожился этимъ извѣстіемъ и просилъ у Петра позволенія пріѣхать къ нему. Петръ успокоивалъ его письмомъ изъ Кіева 8-го Августа: „Вамъ не надлежитъ сумнѣваться о нашей болѣзни, ибо (какъ я предъ симъ писалъ), что слава Богу чрезъ фармативъ разорвана; но еще зѣло слабъ, такъ что четверти часа не могу постоять или ходить, что самъ видѣлъ посланный; а болѣзни, слава Богу, никакой не слышу. И вамъ ѣздить не для чего, ибо Богу извольшу съ праздника, т. е. съ 15 дня сего мѣсяца, поѣду къ вамъ. При семъ для своего и вашего здоровья выпили по рюмкѣ“ [2]).

---

*) См. выше, стр. 47.

[1]) Архивъ Министра Иностр. Дѣлъ. Соловьевъ, т. XV, стр. 385.

[2]) Тамъ же.

Меншиковъ благодарилъ Петра за утѣшительное извѣстіе и за выпитую рюмку, отвѣчая, „что и мы противно такожде здѣсь учинить не лишились".

Изъ Полоннаго Меншиковъ написалъ 10-го Августа любопытное письмо къ митрополиту Кіевскому о содѣйствіи къ уничтоженію Уніи, которое мы печатаемъ въ приложеніи къ этой главѣ. Меншиковъ, съ обозомъ и съ семействомъ медлилъ въ Полонномъ, что́ не совсѣмъ нравилось Петру. 10-го Августа онъ пишетъ князю: „Сынъ мой сегодня сюда пріѣхалъ, котораго завтра отправляю къ вамъ; изволь онаго даже до Гольца отправить, дабы тѣ подводы, кои подъ нимъ будутъ, поворотились паки къ тѣмъ, которыя со мною ѣдутъ; также къ Гольцу отпиши, чтобъ судовъ въ Варшаву изготовилъ подъ всю пѣхоту, дабы по случаю времени не потерять. О драгунахъ самъ управлю, понеже послѣдніе ѣдутъ. Мнѣ кажется, не лучше ли бы вамъ отпустить домашнихъ своихъ и обозъ напередъ, а насъ одному дождаться, дабы съ нами вамъ на почтѣ ѣхать? Однакоже сіе кладу на вашу волю, яко партикулярное дѣло" [3]).

18 Августа Петръ пріѣхалъ въ Полонное и засталъ тутъ Меншикова еще больнаго: князь не могъ ѣхать съ Петромъ, который 21-го отправился одинъ въ Люблинъ, за тѣмъ въ Варшаву и 26-го Сентября встрѣтился съ королемъ Августомъ въ Торунѣ [4]).

Между тѣмъ Меншиковъ доѣхалъ до Быхова. Отсюда 24 Сентября онъ увѣдомилъ о себѣ Петра: „Отъ сердца желалъ бы къ вашей милости хотя на малое время побывать, но истинно доношу, что по несчастью моему припалъ мнѣ флюсъ, и хотя сія болѣзнь не весьма вредительная, однакоже ради оной скораго дорожнаго труда подъять не могу. При семъ требую опредѣленія о сынѣ вашемъ, что́ мнѣ съ нимъ чинить. Ежели изволите опредѣлить его въ знаемое вамъ мѣсто послать, то надлежитъ опредѣленіе учинить о деньгахъ, безъ чего пробыть невозможно. Къ тому же надобно послать съ нимъ человѣкъ трехъ или четырехъ изъ офицеровъ, знающихъ тамошнія обхожденія и искусныхъ потребнымъ языкамъ, и оныхъ кого изволите опредѣлить? О себѣ такожъ прошу рѣшенія, какъ повелите мнѣ къ Москвѣ быть. Я не безъ сумнѣнія о томъ, ежели могу поспѣшить къ Рождеству, понеже настоящій походъ нашъ не безъ продолженія будетъ для того, что въ сихъ мѣстахъ такія великія грязи и болота, какихъ я мало видывалъ". Петръ отвѣчалъ ему, „что о вашемъ бытьѣ къ Москвѣ къ Рождеству не чаете, то хотя бъ послѣ, лише бъ зимою сею быть вамъ на Москвѣ зѣло нужно... Сожалѣю о вашей болѣзни и желаю отъ Бога вамъ здравія получить вскорѣ". Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ увѣдомлялъ Меншикова, что 26-го Сентября онъ встрѣтился въ Торунѣ съ королемъ Августомъ и „тотъ день по обычаю справилъ". Король очень желаетъ видѣться съ княземъ и проситъ, чтобы все войско Русское, состоящее подъ командою Меншикова и онъ самъ „случились бы" при мѣстечкѣ Никелѣ [5]).

Въ мѣст. Любомирскѣ Меншиковъ получилъ извѣстіе, что генералъ Красcовъ, котораго онъ долженъ былъ преслѣдовать, ушелъ въ Померанію. Это побудило его ѣхать къ Петру. 29 Сентября онъ писалъ изъ Любомирска: „Понеже пишетъ къ намъ господинъ адъютантъ Ушаковъ, что непріятель ушелъ къ Помераніи и настичь его невозможно, того ради мы походъ свой оставили, а войску велѣлъ я переходить на ту сторону Варты, понеже въ сихъ мѣстахъ вездѣ повѣтріе; а какъ для того, такъ и

---

[3]) Тамъ же.

[4]) См. Военно-походный журналъ 1709.

[5]) Московскій Архивъ Министръ Иностр. Д.

для иныхъ причинъ, о чемъ донесу вашей милости самъ, понеже отъ болѣзни моей нѣкоторую свободу возъимѣлъ, и для того намѣренъ ѣхать наскоро къ вашей милости и надѣюсь при помощи Божіей въ Торунѣ быть въ будущій Понедѣльникъ“ [6]).

На другой день по пріѣздѣ въ Торунь, 3-го Октября, Меншиковъ послалъ презентъ своему сыну: „чулки какіе здѣсь сыскать могъ, однакоже чаю на зиму будетъ; только дай Боже здраво и счастливо носить“. Но княгиня его опять въ страшномъ безпокойствѣ: всѣмъ извѣстно было, что король Августъ любилъ попойки, Петръ также не прочь повеселиться, Меншикову нельзя же было отставать отъ нихъ, а онъ поѣхалъ полубольной. Меншиковъ старался успокоить супругу: „Чаю, вы будете сумнѣваться (пишетъ онъ 5-го Октября изъ Торуни) о насъ, что мы довольно виномъ забавляемся; только я вправду объявляю, что истинно по разлученіи съ вами ни единаго случая не было, чтобы довольно забавиться, а и съ королевскимъ величествомъ зѣло умѣрно забавляемся, и о томъ не извольте сумнѣваться“. Едва ли княгиня успокоивалась такими письмами, особенно вспоминая, что́ случилось въ Люблинѣ въ 1707 году при ссорѣ съ Кайзерлингомъ.

9-го Октября въ Торунѣ заключенъ былъ договоръ съ Августомъ: все прежнее предано забвенію; Петръ обѣщалъ ему свою помощь къ достиженію Польскаго престола, какъ войскомъ, такъ и ходатайствомъ у Рѣчи Посполитой; Августъ обязался помогать Петру противъ его непріятелей [7]). На другой день Меншиковъ писалъ женѣ: „Отсюда завтра поѣдемъ до королевскаго величества Прусскаго, которой отсюда въ 12 миляхъ обрѣтается въ мѣстечкѣ Маріенвердерѣ, гдѣ дня два только забавясь и потомъ прямо, Богу изволыпу, поѣдемъ къ вамъ“ [8]). 14-го Октября, въ городкѣ Свѣчахъ, Петръ и Меншиковъ простились съ королемъ и поплыли на судахъ въ Маріенвердеръ. На прощаньи Августъ пожаловалъ Меншикову староства Оршанское и Дисенское [9]).

15-го Октября Прусскій король встрѣтилъ Петра на берегу Вислы, за милю до Маріенвердера; здѣсь сѣли оба въ коляску, запряженную восьмью лошадьми и переѣхали въ замокъ, гдѣ король остановился въ одной половинѣ палатъ, а Петръ въ другой. Былъ публичный столъ, и разошлись въ полуночи [10]). 18-го Октября Меншиковъ пишетъ къ княгинѣ: „Сего числа имѣютъ кушать у меня его царское величество и королевское величество, понеже нынѣ воспоминаніе бывшей подъ Калишемъ викторіи, такоже и тезоименитство нашего любимаго сына, какъ о томъ и вамъ суть вѣдомо, которымъ торжествомъ, такоже и съ дражайшимъ имянинникомъ, васъ поздравляю. И при томъ вашей милости посылаю презентъ, т. е. коробочку, которою презентовалъ меня князь Голштейнской; въ прочемъ уповаемъ и сами къ вамъ быть вскорѣ“ [11]). На этомъ пиру король Прусской пожаловалъ князю орденъ Чернаго Орла [12]), а

[6]) Госуд. Архивъ. Письма Меншикова къ Петру.

[7]) Соловьевъ. Исторія Россіи, т. XV, стр. 387.

[8]) Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ.

[9]) Привиллегіи или грамоты на это пожалованіе были подписаны: 20-го Октября на староство Оршанское и Ноября 21-го на Дисенское. Архивъ Мин. Ин. Д. Дѣла Меншикова, св. 7.

[10]) Военно-походн. журналъ 1709 г.

[11]) Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

[12]) Военно-поход. журналъ 1709 г.

Петръ обмѣнялся съ королемъ шпагами: государь отдалъ ту, которая была при немъ во время Полтавской битвы, а король снялъ съ себя шпагу, украшенную бриліантами.

23-го Октября Петръ отправился изъ Маріенвердера сухимъ путемъ въ Ригу, въ сопровожденіи Прусскихъ драгуновъ. На всякой станціи Петръ выражалъ неудовольствіе, что его везли по дурнымъ дорогамъ и медленно; чтобы скорѣе и спокойнѣе ѣхать, онъ велѣлъ сдѣлать для себя качалку изъ досокъ, прикрѣпленную къ двумъ лошадямъ и въ ней доѣхалъ до Риги [13]).

Меншиковъ отправился другою дорогою къ войскамъ, для необходимыхъ распоряженій на зимнее время. Петръ приказалъ ему расположить войска на Венгерскихъ границахъ, для наблюденія и предосторожности, чтобы Шведы не вступили снова въ Польшу. Послѣ того, Меншикову приказано было ѣхать въ Москву. На канунѣ отъѣзда изъ Маріенвердера онъ писалъ къ женѣ: „Отсюда вончая завтра ѣхать къ вамъ при помощи Божіей намѣренъ: а понеже за краткостью времени въ Краковъ ѣзду свою отложилъ и къ Москвѣ для лучшей способности прямо намѣренъ я ѣхать отъ Ярославля, и для того и отсюда путь нашъ будетъ прямо на Ярославль. Того ради и вы извольте ѣхать исподволь туда же въ Ярославль, а съ собою возмите только то, что̀ къ Москвѣ брать надлежитъ, а прочее въ чемъ не часто нуждѣ быть, также и стоялыхъ всѣхъ лошадей, извольте отправить въ Краковъ съ домовымъ шквадрономъ, изъ котораго извольте взять съ собою для провожанья нѣсколько человѣкъ или половину, такъ и прочихъ драгунъ, кои нынѣ при васъ обрѣтаются. И тѣ два полка, кои отъ фельдмаршала-лейтенанта Гольца къ вамъ присланы, съ вами возьмите. Варварѣ Михаиловнѣ поклонъ. P. S. Писаніе ваше, отъ 15 дня сего мѣсяца, изъ Конецъ-поля писанное, получили мы сего числа, за которое благодарствуемъ. Что же отъ непріятеля осторожность имѣете, и то изрядно; однакоже уже оной непріятель, то есть воевода Кіевскій, отъ нашихъ войскъ совсѣмъ разбитъ“.

День своего рожденія, 6-го Ноября, Меншиковъ отпраздновалъ въ Варшавѣ [14]) и отсюда отправился въ Ярославль, гдѣ ему надо было сдѣлать окончательныя распоряженія по распредѣленію войскъ нашихъ на зимнихъ квартирахъ и ихъ продовольствію. 19-го Ноября онъ потребовалъ къ себѣ въ Ярославль Гольца для совѣщаній, но Гольцъ не пріѣхалъ: онъ не выносилъ высокомѣрія и дерзкаго обращенія Меншикова и отговорился болѣзнію. Меншиковъ далъ ему письменную инструкцію. Мы увидимъ въ послѣдствіи, какъ Меншиковъ отмстилъ Гольцу. Въ Ярославлѣ Меншиковъ засталъ княгиню и своихъ и вмѣстѣ съ ними отправился въ Москву черезъ Кіевъ. 29-го Ноября изъ Полоннаго онъ увѣдомилъ Петра, что надѣется въ опредѣленный ему срокъ, т. е. за недѣлю до праздника, поспѣть въ Москву и застать тамъ Петра. „Получилъ я подлинную вѣ-

---

[13]) Изъ рукописи, хранящейся въ Берлинскомъ Тайномъ Архивѣ, подъ заглавіемъ: Mémoires et anecdotes, concernants les entrevues du czar de Russie Pierre premier avec le roi de prusse Frédéric 1-er et Frédéric Guillaume, tirés des archives du roi à Berlin et d'autres documens authentiques par Jean Daniel Kluge, archiviste et secretaire privé de la chancellerie secrète. Эта рукопись составлена была въ 1776 году по случаю пріѣзда въ Берлинъ Великаго Князя Павла Петровича.

[14]) Письмо Меншикова къ женѣ отъ 5 Ноября изъ Варшавы. Москов. Арх. Мин. Иност. Дѣлъ.

домость, что королевское величество кончая отъѣзжаетъ въ Саксонію; того ради я сына вашего отпустить туда опасаюсь и писалъ къ нему, чтобы онъ былъ въ Краковѣ до дальняго вашего указу, пока подлинную получимъ вѣдомость о причинѣ онаго въ Саксонію отъѣзда... При семъ поздравляю вашу милость съ завтрешнимъ торжествомъ, то есть праздникомъ нашего ордена патрона. При семъ же и жена моя и сынъ вашу милость поздравляютъ и нижайшій поклонъ отдаютъ" [15]). Меншиковъ не оставилъ безъ привѣтствія и Екатерину. „Катерина Алексѣевна и съ тёткою, многолѣтно о Господѣ здраствуйте. Извѣствую вашей милости; что мы сюда прибыли сего 29-го Ноября въ добромъ состояніи, а отсюда намѣрены ѣхать къ Москвѣ завтрашняго дня. Прошу васъ, дабы изволили вы увѣдомить насъ о состояніи господина контръ-адмирала и о его къ вамъ, что дай Боже, счастливомъ прибытіи. За симъ здравіе ваше Господу всемогущему въ сохраненіе предаю. Александръ Меншиковъ" [16]).

5-го Декабря въ Кіевѣ, въ Братскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, Меншиковъ встрѣченъ былъ торжественною рѣчью Ѳеофана Прокоповича. Проповѣдникъ началъ тѣмъ, что невозможно исчислить всѣхъ дѣлъ Меншикова, такъ они многочисленны и разнообразны; во всѣхъ дѣлахъ княземъ руководятъ вѣрность и любовь къ царю, а если онъ любитъ царя, то любитъ и народъ. Слово свое Ѳеофанъ заключилъ просьбою къ князю принять въ призрѣніе и защищеніе учащихъ и учащихся въ Кіевскихъ училищахъ [17]). Нѣтъ сомнѣнія, что эта рѣчь Ѳеофана расположила къ нему Меншикова и немало способствовала къ возвышенію Ѳеофана.

16-го Декабря Меншиковъ въ Глуховѣ. „Пріѣхалъ сюда сегодня (писалъ онъ къ Петру); путь нашъ медлится за дурною погодою и за худою дорогою. Сего часу мы забавляемся у его милости господина гетмана, который со всею старшиною вашей милости поклонъ отдаетъ и при отпускѣ сего про ваше здравіе по стакану здѣшняго вина выпиваемъ; а что̀ изволите вы писать о Венгерскомъ, и потому учинить уже некогда, о чемъ сами изволите разсудить, что коль далеко оттуда отлучились. За пріятный поклонъ домашнимъ вашимъ взаимно поклонъ отдаю, и при семъ наши домашніе вашей милости нижайшій поклонъ отдаютъ" [18]).

Въ Глуховѣ занемогла Анна Даниловна, и Меншиковъ, чтобъ не опоздать въ Москву къ пріѣзду царя, поскакалъ одинъ.

Между тѣмъ Петръ 10-го Ноября пріѣхалъ въ Ригу, 12-го бросилъ въ городъ первыя три бомбы, 13 выѣхалъ въ Дерптъ, а 23-го дня прибылъ въ Петербургъ, отсюда 7-го Декабря отправился въ Москву и 12-го Декабря, не заѣзжая въ городъ, пріѣхалъ прямо въ Коломенское, откуда назначенъ былъ торжественный въѣздъ въ Москву съ побѣдоносными полками и съ плѣнными Шведами. Не найдя Меншикова въ Коломенскомъ, Петръ на другой день отправилъ на встрѣчу князя съ нарочнымъ письмо: „Объявляю вамъ, что мы вчерась, а полкъ нашъ сегодня сюда прибыли и, Богу извольшу, въ будущей Понедѣльникъ пойдемъ въ Москву, къ которому времени зѣло надобно и вамъ поспѣшить. А что вы въ своихъ письмахъ пишете, будто бы намъ нѣкоторое безсчастіе въ пути отъ Поляковъ случилось, и того за Божіею помощію не бывало. Прочее о сынѣ моемъ и о другихъ дѣлахъ сами съ вами переговоримъ при вашемъ прибытіи сюда".

---

[15]) Государ. Архивъ.

[16]) Тамже.

[17]) Пекарскій: Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ В., т. II, стр. 207.

[18]) Государ. Архивъ.

Съ Преображенскимъ полкомъ, вѣроятно, возвратилась въ Москву и Екатерина, которой Петръ 20 Сентября изъ Сольцы писалъ: „Вы, по полученіи сего письма, поѣзжайте съ Астраханскимъ полкомъ до нашего полку, при которомъ будьте неотлучно“ [19]). На сносяхъ беременная, она помѣстилась въ Преображенскомъ.

Нарочный, посланный Петромъ, засталъ Меншикова у Коломны. „Объявляю вамъ (писалъ Меншиковъ женѣ 13 Декабря отъ Николы Гостунскаго), что я сюда сего часу пріѣхалъ и получилъ вѣдомость, что его царское величество уже въ Коломенскомъ обрѣтается. Того ради мы поспѣшнѣе поѣдемъ. Когда вы пріѣдете къ тѣмъ двумъ переправамъ, кои подъ Бѣлевымъ, на которыхъ оставилъ я для васъ деньщика, извольте изъ кареты выдти и пѣшкомъ перейти: понеже зѣло худое мѣсто, и развѣ по нуждѣ сына нашего велите перевезти въ каретѣ, и то съ великою осторожностью. Впрочемъ да сохранитъ васъ Вышній подъ святымъ Своимъ покровомъ и сподобитъ васъ съ нами счастливо случиться. P. S. А имянно государь изволилъ придти въ Коломенское вчерашняго дня и ко мнѣ присылалъ адъютанта, чтобъ я поспѣшилъ“ [20]).

Въ 9 часу вечера 14-го Декабря Меншиковъ пріѣхалъ въ Коломенское, но Петръ уже легъ спать, и Меншиковъ съ нимъ свидѣлся только на другой день. „Мы здѣсь квартиру будемъ имѣть (писалъ Меншиковъ женѣ) близь Данилова монастыря, на дворѣ Василья Ершова, куда имѣетъ васъ проводить сей деньщикъ, котораго нарочно посылаю“.

18-го Декабря былъ день, назначенный Петромъ для въѣзда въ Москву и для торжества Полтавской баталіи. Великая побѣда надъ первымъ военнымъ геніемъ того времени, который, подобно Густаву Адольфу, шелъ впередъ съ Лютеранскимъ молитвенникомъ въ рукахъ, примиряла Русскій народъ съ нововведеніями Петра, заставляя прощать ему его дружбу съ иноземцами и соблазнительное усвоеніе ихъ обычаевъ. Бѣлокаменная, еще съ конца Ноября, начала приготовляться къ встрѣчѣ побѣдителя Шведовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ и каждый оцѣнивали великую заслугу Петра и его сподвижниковъ въ побѣдѣ надъ Карломъ XII. Давно ли Шведъ приближался съ грозными войсками со всѣхъ сторонъ къ Москвѣ; городъ и окрестности укрѣпляли, всѣ съ мала до велика вооружались и готовились къ защитѣ? Теперь, благодаря войску, созданному Петромъ, благодаря уму, способностямъ и энергіи преобразователя и его сотрудниковъ, Москва и отечество были спасены. Вѣсть за вѣстью объ успѣхахъ нашего оружія приходили въ Москву и читались народомъ въ „вѣдомостяхъ“; наконецъ пріѣхалъ и самъ побѣдитель съ покрытыми славою гвардейцами, и 18-го Декабря у Серпуховскихъ воротъ загремѣли пушки и барабаны, а по городу загудѣли колокола. Но вдругъ все затихло: Петръ получилъ извѣстіе изъ Преображенскаго, что Екатерина Алексѣевна родила дочь. Это была Елисавета Петровна, будущая императрица. Петръ, отложивъ тріумфальный свой въѣздъ до слѣдующаго дня, отправился въ Успенскій соборъ, и послѣ благодарнаго молебна поспѣшилъ въ Преображенское поздравить свою дорогую Катеринушку. Зазвонили опять всѣ колокола Московскіе, загремѣли пушки въ Преображенскомъ, а Московской людъ ходилъ ликуя по улицамъ и любуясь на приготовленные тріумфальные ворота. Особенно красовались ворота построенные отъ духовенства, отъ Строгонова и при домѣ князя Меншикова. Кремль былъ разукрашенъ картинами и гир-

---

[19]) Письма Русскихъ Государей, ч. I, № 14.

[20]) Москов. Арх. Минист. Ин. Д.

лядами со стороны Москвы-рѣки; народъ ждалъ съ нетерпѣніемъ завтра увидѣть своего царя.

19-го Декабря, утромъ, опять отъ Серпуховскихъ воротъ, началось невиданное до сего времени шествіе побѣдителей. Въ началѣ ѣхали, на богато убранныхъ лошадяхъ, 24 трубача и 6 литаврщиковъ; за ними, на лошадяхъ же, гвардейскій Семеновскій полкъ, съ распущенными знаменами и обнаженными палашами, имѣя во главѣ своего полковника князя Голицына; за ними шли плѣнные Шведы, взятые подъ Лѣснымъ и везли Шведскія пушки, знамена и другіе трофеи; далѣе гренадерская рота Преображенскаго полка на лошадяхъ, а за нею плѣнные Шведы и трофеи Полтавскаго сраженія, между прочимъ и носилки Карла XII, на которыхъ онъ былъ во время Полтавской баталіи [29]); вслѣдъ за носилками шли по одиночкѣ, гуськомъ, Шведскіе плѣнные генералы: Шлиппенбахъ, Левенгауптъ и др.; за ними прочіе плѣнные Шведы по четыре человѣка въ рядъ; всѣхъ рядовъ было 5521, а въ нихъ 22.085 человѣкъ плѣнныхъ. За плѣнными ѣхалъ виновникъ торжества, царь Петръ Алексѣевичь, на той же лошади, въ томъ же мундирѣ, какъ въ Полтавскомъ бою; на головѣ прострѣленная шляпа, въ рукѣ обнаженная шпага. Неумолкаемые, восторженные крики народа сопровождали государя. Немного поодаль отъ Петра, съ правой стороны ѣхалъ Меншиковъ, съ лѣвой князь Василій Владиміровичъ Долгорукій; за Петромъ, на лошадяхъ богато убранныхъ, слѣдовалъ и замыкалъ шествіе Преображенскій полкъ съ распущенными знаменами, съ артилеріею и съ обозомъ. Во все время шествія громъ пушекъ съ больверковъ и изъ Кремля сливался со звономъ колоколовъ и восторженнымъ крикомъ народа. По улицамъ, по которымъ направлялась процессія, обыватели выставили на столахъ разные ѣствы и напитки, встрѣчая торжествующихъ собратій и плѣнныхъ, по старинному Русскому обычаю, хлѣбосольствомъ и угощеніемъ.

На слѣдующій день Петръ, фельдмаршалы Шереметевъ и Меншиковъ, по утру отправились на Царицынъ лугъ *), гдѣ къ этому дню былъ выстроенъ домъ, въ которомъ ожидалъ царя князь-кесарь князь Ѳедоръ Юрьевичь Ромодановской, на тронѣ, подъ балдахиномъ, окруженный знатнѣйшими царедворцами. Первый подошелъ къ князю-кесарю фельдмаршалъ Шереметевъ и доложилъ ему, что „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ одержалъ полную побѣду надъ Шведскимъ королемъ Карломъ XII и разбилъ его армію“; потомъ приступилъ Меншиковъ: „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ взялъ въ плѣнъ ушедшаго съ Полтавскаго сраженія подъ Переволочну генерала Левенгаупта и другихъ“. Наконецъ подошелъ и Петръ: „Божіею милостію и вашего кесарскаго величества счастіемъ 28 Сентября я имѣлъ жестокое сраженіе подъ Лѣснымъ съ генераломъ Левенгауптомъ и одержалъ полную побѣду, а при Полтавской баталіи сражался я съ моимъ полкомъ лично, бывъ въ великомъ огнѣ, и плѣнные генералы съ ихъ фельдмаршаломъ и съ 22.085 человѣкъ войска Шведскаго приведены въ Москву, и полкъ мой состоитъ въ добромъ здравіи“. Каждый изъ говорившихъ, по окончаніи рѣчи, подносилъ князю-кесарю рапортъ, а князь-кесарь, при-

---

[29]) Носилки Карла XII въ послѣдствіи были заброшены въ кладовую палату, гдѣ между прочими вещами хранилась Іордань, которую ставили на Москвѣ-рѣкѣ въ день Богоявленія; на нихъ обратили вниманіе въ 1809 году, ровно черезъ сто лѣтъ и включили въ опись вещей Оружейной Палаты, гдѣ они хранятся въ настоящее время.

*) Т. е. такъ называемое Болото, между Москвою-рѣкою и обводною канавою. *П. Б.*

нимая, похвалялъ службу каждаго, особенно же полковника и всего войска вѣрность и мужество. Послѣ рѣчей, Петръ, Меншиковъ, Шереметевъ и Г. И. Головкинъ сѣли обѣдать за однимъ столомъ съ княземъ-кесаремъ подъ балдахиномъ, а прочіе на другихъ столахъ. Обѣдъ, при звукахъ музыки, продолжался до 6 ч. вечера. Во время обѣда князь-кесарь пилъ за здоровье царя, Екатерины, новорожденной ея дочери и всего царскаго семейства; также за здоровье всѣхъ присутствующихъ. Въ это время, для народу, на Царицыномъ лугу, было устроено угощеніе: выставлены бочки съ виномъ, а для закуски рыба, икра, калачи и хлѣбы (такъ какъ дни были постные). Вечеромъ фейерверкъ представлялъ сраженія подъ Лѣснымъ, Полтавою и Переволочною.

Торжество продолжалось три дня; звонъ и стрѣльба цѣлую недѣлю.

*

Новый 1710 годъ Меншиковъ встрѣтилъ въ Москвѣ, участвуя въ торжествахъ. Утромъ въ Успенскомъ соборѣ съ Петромъ, потомъ во дворцѣ на банкетѣ, во время котораго стрѣляли изъ пушекъ со всѣхъ болверковъ, окружавшихъ Кремль. Вечеромъ фейерверкъ [21]).

17-го Февраля Петръ уѣхалъ съ Екатериною въ Петербургъ и 26 Февраля писалъ оттуда Меншикову: „Объявляемъ вамъ, что мы третьяго дня сюда здорово пріѣхали и здѣсь, слава Богу, все благо обрѣли; препарація къ обоимъ походамъ, зимнему и вешнему, каждая къ своему времени готова будетъ, и ни въ чемъ остановки нѣтъ; только лошадей, которыя положены съ государства для сего походу, еще тихо приводятъ; однакожъ надѣемся исполнену и сему быть. Въ хлѣбѣ хорошо исправляются, а сухари и крупа всѐ готово; впрочемъ, когда больше осмотрюсь и что̀ здѣсь опредѣлено будетъ, писать къ вамъ не оставлю; только желаю, дабы Господь Богъ ваше дѣло какъ наискорѣе управилъ и васъ бы намъ здѣсь видѣть, дабы и вы красоту сего парадиза (въ которомъ добрымъ участникомъ былъ и есть), въ заплату трудовъ своихъ, съ нами купно причастникомъ былъ, чего отъ сердца желаю: ибо сіе мѣсто истинно, какъ изрядной младенецъ, что̀ день, преимуществуетъ. За симъ васъ и домашнихъ вашихъ предаемъ въ милость и сохраненіе Господне. Наши домашніе вамъ и домашнимъ вашимъ кланяются“ [22]). Меншиковъ, между тѣмъ, занимался своими домашними дѣлами и хотѣлъ переѣхать въ свою подмосковную Рожественное. Но не удалось князю пожить на свободѣ деревенскою жизнію. 22-го Февраля онъ писалъ Петру изъ Москвы: „Благородный и высокопочтенный господинъ контръ-адмиралъ! Въ началѣ отъ сердца желаю вашей милости до желаемаго святаго мѣста счастливаго прибытія, а потомъ доношу, что здѣсь по счастливомъ вашемъ отсюда отшествіи, за помощію Вышняго, во всемъ суть благополучно; но токмо мое подмосковное село Рожественное, въ которое хотѣлъ было я на нѣкоторое малое время побывать и для того приказалъ тамошніе хоромы заранѣя нагрѣвать, которые такъ нагрѣли, что оное село совсѣмъ сгорѣло; и для того и ѣзду свою туда я отложилъ. Зѣло жаль изрядныхъ птичекъ, которыхъ набралъ было здѣсь слишкомъ со сто для отпуску къ вашей милости, и поставлены были тамъ же въ хоромахъ по всѣмъ окнамъ, которыхъ хотѣлъ было я пробовать, но вкупѣ съ тѣми хоромами сгорѣли. И такихъ птичекъ принужденъ вновь нынѣ сбирать и сколько сберу отправлю къ вашей милости немедленно. При семъ посылаю къ вашей милости чертежъ холодной бани, каковъ взялъ я у дохтура Арескина“.

---

21) Журналъ Гизена. См. Записки Туманскаго, ч. VIII, стр. 199.

22) Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Рожественное — вѣроятно Дмитровскаго уѣзда, гдѣ живалъ князь Д. В. Голицынъ.

При всемъ своемъ богатствѣ, Меншиковъ, чрезъ друга своего Тихона Никитича Стрѣшнева, выхлопоталъ указъ, чтобъ для постройки новаго его дома въ Рожественномъ; камень, кирпичь, известь и пр. возили ему даромъ крестьяне дворцовые, патріаршіе и архіерейскіе всѣхъ городовъ Московской губерніи. Скупость развивалась въ князѣ уже довольно сильно [23]).

Въ началѣ Апрѣля Меншиковъ, съ своею княгинею и Варварою Михайловною Арсеньевою, отправился къ Ригѣ для исполненія порученій, возложенныхъ на него Петромъ по осадѣ этого города; 15-го Апрѣля онъ пріѣхалъ съ семействомъ въ Юнфергофъ, подъ Ригу, гдѣ была главная квартира фельдмаршала Шереметева. За два дни до пріѣзда Меншикова, Шереметевъ собралъ военный совѣтъ, и рѣшили блокировать „крѣпчайше" Ригу и перервать сообщеніе водою города съ Динаминдъ-шанцомъ, который былъ въ рукахъ Шведовъ. Въ двухъ верстахъ отъ города, на урочищѣ Гофенбергъ, приступили къ постройкѣ крѣпости, а вмѣстѣ съ тѣмъ постановили сосредоточить къ Ригѣ всю армію изъ винтеръ-квартиръ. Замѣчательны способности Петра Великаго какъ полководца: онъ гораздо ранѣе Шереметева думалъ объ этомъ и, отъѣзжая изъ Москвы, поручалъ Меншикову отправиться къ Ригѣ для исполненія этого дѣла. Петръ не слишкомъ полагался на Шереметева, а полагался больше на Меншикова. Меншиковъ началъ работать дѣятельно: возлѣ зачатой крѣпости у Гофенберга велѣлъ бить сваи, устроилъ черезъ Двину ниже Риги мостъ, по обѣимъ сторонамъ моста шанцы, вооруженные пушками и перекинулъ черезъ рѣку бревна съ цѣпями, чтобы не могли проходить „каперы", привозившіе къ Ригу военные припасы и продовольствіе; съ винтеръ-квартиръ собралъ войско. Вскорѣ оказалась польза его распоряженій. 28 Апрѣля 9 Шведскихъ каперовъ хотѣли пробиться до города, но безуспѣшно; наши выстрѣлы принудили ихъ воротиться въ Динаминдъ-шанцъ. 29 Апрѣля всѣ войска вышли въ поле, и въ устроенныхъ редутахъ окружили со всѣхъ сторонъ Ригу. 30 Апрѣля совершена крѣпость у Гофенберга и въ честь Меншикова названа Александръ-шанцъ. 10 Мая прибылъ въ Юнфергофъ Двиною рѣкою генералъ Брюсъ съ тяжелою артилеріею. Все было готово для бомбардированія и атаки города, но неожиданно 14 Мая обнаружилось во всей арміи „моровое повѣтріе", истребившее въ отрядѣ генерала Баура до 12.000 человѣкъ. Люди умирали „язвами", заболѣвшихъ отвозили со всѣми ихъ пожитками въ лѣса, устроили вездѣ заставы; но все это безуспѣшно. Моровая язва косила войско. — Рѣшили отложить атаку города, а добиваться сдачи блокадою. Меншиковъ, исполнивъ все что̀ ему было поручено, 17-го Мая оставилъ княгиню въ Юнфергофѣ и отправился въ Петербургъ, гдѣ ожидалъ его Петръ. 21-го Мая, съ дороги отъ рѣчки Черной, онъ увѣдомлялъ свою княгиню: „Опасныя мѣста всѣ, слава Богу, проѣхали; сегодня, Богу извольшу, надѣемся въ Дерптѣ ночевать. Господинъ генералъ-лейтенантъ Бауръ провожалъ меня до сего мѣста, а отсюды отпущенъ, чрезъ котораго вамъ и Варварѣ Михайловнѣ поклонъ и сыну нашему благословеніе посылаю Божіе".

29 Мая Меншиковъ пріѣхалъ въ Петербургъ, прямо въ свой новый домъ, только что оконченный постройкою на Васильевскомъ острову. „Пріѣздъ мой сюда зѣло счастливъ: ибо его царское величество, нашъ всемилостивѣйшій государь, съ особливою склонною милостію принять меня изволилъ и зѣло изъ моего сюда пріѣзду веселится. А сего числа данъ мнѣ ордеръ Дацкой Слонъ [24]); взавтре, понеже день рожденія государева, по отпра-

[23]) Указъ изъ разряда въ Монастырской Приказъ. Архивъ Мин. Юстиціи: Дѣла Монастырскаго Приказа, вязка 25, дѣла 1 и 6.

[24]) Дипломъ на орденъ Слона, подписанъ королемъ Датскимъ 20-го Февраля 1710 въ Гафне. См. Портфели Миллера въ Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

вленіи извычайнаго банкета, что будетъ въ новомъ нашемъ дому на Васильевскомъ острову, гдѣ не оставимъ и про ваше здоровье выпить; здѣсь не инымъ чѣмъ, но токмо симъ мѣстомъ забавляемся и шумны никогда не бываемъ: понеже царское величество изволитъ употреблять лѣкарства. И здѣсь не чаю я долго зажиться, но аще Богъ изволитъ, чаю вскорѣ отсюды паки къ вамъ быть". Но князю не удалось ѣхать самому къ княгинѣ, а моровое повѣтріе заставило княгиню выѣхать изъ Юнфергофа. „Извѣстно здѣсь учинилось, пишетъ Меншиковъ 1-го Іюня, что у васъ является нѣкоторая опасность отъ повѣтрія и что вы для того изъ Юнфергофа выѣхали; и буде сей страхъ, отъ чего сохрани Боже, еще не утишился, то извольте ѣхать въ Псковъ, или черезъ Дерптъ въ Нарву, ежели дорога отъ Риги до Дерпта безопасна, о чемъ освѣдомьтесь съ господиномъ генер. лейтен. Бауромъ, въ которому нынѣ мы писали, дабы далъ вамъ для провожанія драгунъ довольное число, и по которой дорогѣ поѣдете, о томъ изволь къ намъ отписать. P. S. Паки подтверждаю, дабы конечно изволили ѣхать черезъ Дерптъ къ Нарвѣ, а объ отправленіи и о провожаніи писали мы къ г. л. Бауру".—Письмо за письмомъ посылаетъ Меншиковъ съ нарочными и проситъ жену ѣхать къ Нарвѣ, „потому что по дорогѣ не очень смирно и чтобы брала съ собой поболѣе драгунъ". Нарвскому коменданту Нарышкину онъ предписалъ выслать на встрѣчу княгинѣ 50 человѣкъ конныхъ драгунъ и столько же пѣшихъ солдатъ; отъ Нарвы до Петербурга велѣлъ поставить почтовыхъ лошадей.

Въ это время наши осаждали Выборгъ. 9-го Іюня Выборгскій комендантъ началъ переговоры съ адмираломъ Апраксинымъ о сдачѣ города, а 11-го Іюня, во время переговоровъ, вечеромъ, неожиданно пріѣхалъ Петръ на почтовыхъ изъ Петербурга, и 13-го числа Выборгъ сдался на „окордъ". На другой день утромъ Петръ вошелъ въ городъ съ Преображенскимъ полкомъ и написалъ Екатеринѣ: „Матка, здравствуй! Объявляю вамъ, что вчерашняго дня городъ Выборхъ сдался и сею доброю вѣдомостью (что уже крѣпкая подушка Санктъ-Питербурху устроена чрезъ помощь Божью), вамъ поздравляю. Также отдай мой поклонъ и симъ поздравь вначалѣ князь-игуменьѣ [25]), такожъ теткѣ, яко четвертой лапушкѣ, такожъ дочкѣ, сестрѣ, невѣсткѣ и племянницамъ и протчимъ, а маленькихъ за меня поцалуй. Piter" [26]).

Петръ извѣстилъ и Меншикова: „Объявляю вамъ, что комендантъ Выборгской, по изготовленіи бреша, не дожидая штюрма, вчерашняго числа на окордъ сдался. И того же времени наши два баталіона съ сей стороны и нѣсколько ротъ отъ генерала-маіора Беркгольца на бреши поставлены; а сегодня нашъ полкъ будетъ караулы у Шведовъ всего города принимать. И тако чрезъ взятіе сего города Санктъ-Питербурху конечное безопасеніе получено, чѣмъ въ началѣ князь-папѣ [27]), вамъ и всѣмъ въ Питербурху обрѣтающимся поздравляю и прошу сіе объявить всѣмъ и что взято артилеріи и амуниціи и прочаго, о томъ впредь дадимъ знать. P. S. Когда сюда поѣдете, то возмите Шаховскаго и нѣсколько пѣвчихъ; также прошу, чтобъ князь-папа пожаловалъ къ намъ и прочіе; также о провіантѣ попеченіе приложи, ибо только на двѣ недѣли осталось. Іюня 14, 1709 г. не отъ Выборха, но изъ Выборха" [28]). Меншиковъ тотчасъ от-

---

[25]) Ржевская, Авдотья Ивановна, выданная потомъ замужъ за деньщика Григорія Петровича Чернышева. Она носила званіе князь-игуменьи въ извѣстномъ установленіи князь-папы и была любимицею Петра и Екатерины.

[26]) Письма Русскихъ государей, ч. I, № 20.

[27]) Зотовъ, Никита Моисѣевичъ.

[28]) Москов. Арх. Мин. Ин. Д.

правился въ Выборгъ и увѣдомилъ объ этомъ княгиню: „Извѣствую вамъ, что мы сего часу получили вѣдомости: Выборхъ его царскому величеству Богъ поручилъ счастливо, чѣмъ вашу милость поздравляемъ и желаемъ, дабы къ сему торжеству вы сюда присиѣли, что̀ дай Боже счастливо. P. S. Мы сего часу отъѣзжаемъ отсюды къ Выборху".

18-го Іюня „по утру рано его величество и свѣтлѣйшій князь Меншиковъ (записано въ военно-походномъ журналѣ Петра Великаго) и господинъ адмиралъ ѣздили въ лагерь, гдѣ стояли полки, и тамъ слушали обѣдню; и послѣ обѣдни былъ благодарной молебенъ за одержаніе побѣды надъ городомъ Выборхомъ, и потомъ стрѣляли, какъ въ обозѣ, такъ и кругомъ города изъ пушекъ, и всѣ солдаты изъ мелкаго ружья трижды. Его величество изволилъ тогда быть предъ своимъ полкомъ гвардіи въ строю. И по воздаяніи Богу благодаренія, помянутому господину адмиралу графу Апраксину за тоё службу дана кавалерія святаго Андрея. И потомъ пошли всѣ къ адмиралу, и тутъ кушали, и сидѣли даже до самой ночи, и ночевали въ лагерѣ". 23 Іюня Меншиковъ возвратился съ Петромъ въ Петербургъ и „вступили въ городъ торжественно съ Преображенскимъ полкомъ. За ними волокли Шведскія знамена, взятыя въ Выборхѣ".

Княгиня, пространавшая такъ долго въ разлукѣ съ мужемъ, наконецъ свидѣлась съ нимъ въ новыхъ палатахъ на Васильевскомъ Острову. Варвара Михайловна Арсеньева, неизмѣнная спутница сестры во всѣхъ походахъ, поселилась тутъ же.

По возвращеніи изъ Выборга, Меншиковъ занялся дѣятельно устройствомъ Петербурга, Кронштадта, дѣлами по Петербургской губерніи, и началъ настаивать у Петра о преданіи суда фелдмаршала-лейтенанта Гольца, о чемъ 23-го Іюля подалъ Петру обвинительные пункты.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо Меншикова къ Кіевскому митрополиту объ Уніи.

Въ Бозѣ сіятельный господине, господине, архипастырю пречестнѣйшій.

Не сумнѣваюсь, что ваше архипастырство изволите то имѣть въ памяти, когда мы съ вами, будучи въ Кіевѣ въ домѣ вашемъ, совѣтовали, какимъ образомъ при настоящемъ благопотребномъ времени отпадшихъ отъ благочестія и въ треклятую унію вдавшихся людей.... *) погибшихъ паки сыскать и къ.... Христову стаду пріобщить.... Ваше архипастырство, яко пастырь добрый Христова стада, вящее великодушіе и попеченіе о томъ долженъ имѣти. И для того весьма не надлежитъ сего удобнаго времени пропускать, но оное намѣреніе во имя Господне по всякой возможности тщиться прямымъ дѣломъ исполнить. Того ради да извольте ваше архипастырство къ тому назначеннаго тогда вашего архіерейскаго дому отца намѣстника Михайловскаго монастыря игумена къ намъ прислать, дабы мы въ сіе благополучное время оное благое дѣло совершить и нашу православную христіанскую вѣру расширить, треклятую же унію, яко сѣть погибельную .....вать и весьма разорить могли....... оная нынѣ и впредь, якожъ.... время людей Божіихъ уловлять и нашему благочестію вредить могла; и якоже сіе больше до вашего архипастырства нежели до насъ надлежитъ, тако надѣюсь, что сего случая пропустить не изволите. Впрочемъ предаю себя въ ваши Господеви выну благопріятныя молитвы и пребываю на всегда вашего архіепастырства послушный по духу сынъ и слуга Александръ Меншиковъ.

---

*) То что̀ означено точками, въ подлинникѣ отъ ветхости прорвано.

VI. Судъ надъ фельдмаршаломъ Гольцомъ.

Выше упомянуто, что въ Ноябрѣ 1709 года Меншиковъ въ Ярославлѣ-Польскомъ засталъ княгиню Дарью Михайловну, которая переѣхала туда, по его желанію изъ Кракова. Передъ этимъ, Меншиковъ просилъ Гольца проводить княгиню изъ Кракова въ Ярославль, но Гольцъ этого не сдѣлалъ, можетъ быть съ намѣреніемъ или за недосугомъ; но Меншикова это разсердило и въ особенности потому, что при этомъ переѣздѣ княгиня едва не попала въ руки непріятельскаго отряда. Меншиковъ, по пріѣздѣ въ Ярославль, вызвалъ къ себѣ Гольца изъ Кракова для совѣщаній, какъ наблюдать за движеніями Карла XII и за отрядомъ Кіевскаго воеводы Потоцкаго, также для обсужденія разныхъ распоряженій по продовольствію войскъ и размѣщенію ихъ на зимнія квартиры. Гольцъ, иностранецъ, служившій по контракту, покрытый сѣдинами, оказавшій большія услуги во время борьбы съ Шведами, былъ часто оскорбляемъ гордостью и надменнымъ обхожденіемъ Меншикова. Старикъ, заслужившій своими дѣлами полное уваженіе, опасаясь непріятнаго столкновенія, уклонялся отъ поѣздки и отговаривался болѣзнію. Раздраженный Меншиковъ послалъ Гольцу письменную инструкцію что̀ ему дѣлать и поскакалъ въ Москву, куда спѣшилъ по вызову государя. Въ Москвѣ Меншиковъ получилъ донесеніе изъ Кракова отъ своего адъютанта Жукова, что, вопреки приказаній князя, штабная квартира арміи переведена Гольцомъ въ дальнее разстояніе отъ Кракова и кавалерійская его дивизія нуждается въ фуражѣ, а для себя Гольцъ собралъ съ жителей фуражу и провіанту на 6 мѣсяцовъ впередъ и выдалъ квитанцію, которую Жуковъ приложилъ къ своему рапорту. Испросивъ согласіе Петра вызвать къ себѣ Гольца для объясненій, Меншиковъ 26 Декабря 1709 г. отправилъ другаго адъютанта Полянскаго съ письмомъ къ Гольцу, въ которомъ, *по указу его величества*, предписывалъ немедленно явиться въ Москву. Въ тоже время, на случай, еслибы Гольцъ не послушалъ его предписанія, Меншиковъ далъ Полянскому другое письмо къ генералу Янусу, находившемуся тамъ же при войскахъ; Янусу онъ предписывалъ выслать Гольца по приказанію государя и принять отъ него команду.

Полянскій засталъ Гольца (13 Января 1710 г.) на Венгерской границѣ, въ мѣстечкѣ Язовцу, и передалъ ему письмо Меншикова. Въ это время Гольцъ, озабоченный полученными свѣдѣніями о приближеніи непріятельскаго отряда, переходилъ съ своимъ отрядомъ Венгерскую границу; часть отряда перешла уже горы, а съ другою частью онъ пробирался чрезъ дефилеи и потому не находилъ возможнымъ поручить кому нибудь другому трудную экспедицію. Это обстоятельство (какъ онъ объяснялъ потомъ въ своемъ оправданіи) понудило его объявить Полянскому, что онъ не можетъ ѣхать въ Москву. Полянскій отправился къ Янусу и чрезъ нѣсколько дней привезъ къ Гольцу письмо отъ Януса, въ которомъ именемъ царя приказывалось Гольцу немедленно отправиться въ Москву и сдать команду. Старикъ отправился съ Полянскимъ въ Краковъ и отсюда 14-го Февраля написалъ Петру извиненіе, что долженъ промедлить въ этомъ городѣ, для распоряженія своимъ имуществомъ, будучи совершенно безъ денегъ, потому что князь Меншиковъ за два года не платилъ ему жалованья. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ письмѣ къ Петру Гольцъ выражалъ надежду получить монаршую милость за разбитіе съ малыми силами Кіевскаго воеводы Потоцкаго; „весьма изъ земли его выгналъ“, писалъ Гольцъ, „и чрезъ оное противъ его высокости царскаго кронъ-принца и свѣтлѣйшаго князя супруги предположенное на-

мѣреніе уничтожилъ и тѣ двѣ высокія особы отваженіемъ живота моего избавилъ отъ рукъ непріятельскихъ.“ Изъ Кракова, черезъ Кіевъ, Гольцъ пріѣхалъ въ Москву, передъ самымъ отъѣздомъ Меншикова въ Ригу. Въ Апрѣлѣ, Гольца вытребовали въ Петербургъ. Меншиковъ съ своей стороны писалъ къ Петру, чтобъ Гольца, за ослушаніе царскаго указа и за другіе поступки, судить военнымъ судомъ. Петръ отвѣчалъ ему: „то учинить возможно; только надлежитъ отъ васъ прислать о его винѣ вѣдомости, такоже и которые при томъ были человѣка два или три для свидѣтельства“.

Поѣздка Меншикова къ войскамъ подъ Ригу отвлекла его отъ этого дѣла и только по возвращеніи въ Петербургъ, 23 Іюня 1710 года, Меншиковъ подалъ Петру: *Краткое предложеніе о противностяхъ генерала-фельдмаршала-лейтенанта Гольца.* Въ этомъ предложеніи, по пунктамъ, Меншиковъ обвинялъ Гольца: въ неисполненіи предписаній его и въ непредставленіи требованныхъ въ 1708 и 1709 годахъ разныхъ свѣдѣній о состояніи ввѣреннаго Гольцу корпуса. Пять указовъ посылалъ ему Меншиковъ изъ Ярославля, чтобъ Гольцъ пріѣхалъ къ нему изъ Кракова для устройства и расположенія зимнихъ квартиръ. Гольцъ сперва отговаривался болѣзнью, потомъ обѣщалъ пріѣхать и не пріѣхалъ, „токмо напрасную нашу тамо бытность продолжилъ, отъ чего потомъ великій трудъ мы понесли (писалъ Меншиковъ), егда по тому его письму медля въ Ярославлѣ и испустя доброе время, самымъ безпокойнымъ временемъ и худою дорогою, принуждены были до Москвы ѣхать.“ За тѣмъ князь обвинялъ Гольца: въ заборѣ провіанта и фуражу на 6 мѣсяцевъ впередъ, въ переводѣ (вопреки отданному приказанію) штабъ-квартиры князя изъ Кракова въ Ярославль, въ непослушаніи указа царскаго о пріѣздѣ въ Москву, въ неприсылкѣ пойманнаго секретаря Карла XII-го Клингштрема, и заканчивалъ свою обвинительную записку требованіемъ, что, кромѣ того, слѣдуетъ предписать фельдмаршалу Шереметеву судить Гольца за дѣло подъ Головчинымъ, такъ какъ въ этомъ сраженіи драгунская дивизія Гольца ретировалась.

Меншиковъ, конечно, собралъ все что́ только возможно было для обвиненія Гольца, напоминалъ даже несчастное Головчинское дѣло, столь раздражавшее Петра; но Петръ въ дѣлахъ серьезныхъ никогда не дѣйствовалъ опрометчиво и, руководимый во всю свою жизнь строгою справедливостію, глубоко уважалъ заслуги лицъ ему преданныхъ. Долго не рѣшался онъ исполнить настояніе Меншикова, и только 8-го Сентября подписалъ *пункты, по которымъ судить генерала Гольца.* Въ этихъ пунктахъ онъ обратилъ свое вниманіе только на два обвиненія, имѣвшія серьезное значеніе: 1) для чего не послушалъ ни царскаго, ни Меншиковскаго указовъ о пріѣздѣ въ Москву? 2) для чего не выслалъ къ царю Шведскаго секретаря Клингштрема, пойманнаго съ письмами Карла XII изъ Бендеръ въ Стокгольмъ? Прочіе пункты обвиненія государь предоставилъ разсмотрѣть суду, который учрежденъ былъ подъ предсѣдательствомъ адмирала графа Апраксина изъ генераловъ Энсберга, Лефорта и Крюйса.

Военный судъ потребовалъ отъ Гольца письменнаго объясненія. 26 Сентября 1710 г. Гольцъ представилъ суду оправдательную записку. Въ началѣ онъ объяснялъ суду свое огорченіе, что послѣ трехлѣтней, честной и вѣрной службы, съ нимъ обращаются какъ съ осужденнымъ и требуютъ письменнаго отвѣта, по которому въ Нѣмецкой землѣ „не только фельдмаршалъ, но никакой полковникъ не былъ бы наказанъ и словами“. На всѣ указы царя и Меншикова всегда отвѣчалъ. „А если вы не хотите повѣрить слову честнаго и къ могилѣ приближающагося кавалера

(писалъ Гольцъ): то я готовъ принять тѣлесную присягу, что все говорю правду."— За тѣмъ онъ оправдывалъ себя по двумъ обвинительнымъ вопросамъ Петра. О невысылкѣ Шведскаго секретаря онъ объяснилъ, что не могъ его выслать, потому что въ это время секретарь этотъ былъ боленъ горячкою; „а еслибы его отослать въ дальній путь, то онъ унесъ бы съ собою въ гробъ всѣ свои тайны, а потомъ онъ самъ Гольцъ былъ арестованъ и не могъ уже выслать." Самое щекотливое дѣло—это былъ второй вопросъ Петра, отъ чего онъ не послушался царскаго указа въ письмѣ Меншикова отъ 26 Декабря 1709 года о пріѣздѣ въ Москву, переданномъ чрезъ адъютанта Полянскаго. Ослушаніе это было въ строгомъ смыслѣ преступленіе дисциплины и противъ царя, и противъ Меншикова, непосредственнаго начальника Гольца. Самолюбивый и гордый старикъ, объяснивъ невозможность ѣхать въ то время, когда ему отдалъ письмо Полянскій, писалъ въ оправданіе: что онъ собственноручнаго указа царскаго о пріѣздѣ въ Москву не получалъ, а отдалъ ему адъютантъ Полянскій письмо Меншикова, въ которомъ писано было объ этомъ отъ имени царскаго; но такъ какъ прежде государь всегда собственноручно ему писалъ, то онъ и не предполагалъ, чтобъ на то было соизволеніе государя. По другимъ пунктамъ взведенныхъ обвиненій Гольцъ старался доказать несправедливость Меншикова. Такъ, о недоставленіи вѣдомостей воеводствамъ и землямъ, съ которыхъ назначено брать квартирныя деньги, Гольцъ отвѣчалъ: „царское величество назначилъ меня фельдмаршаломъ-лейтенантомъ въ своихъ войскахъ, а не землемѣрителемъ дымовъ въ воеводствахъ, ни генералъ-квартирмейстеромъ; и къ такимъ службамъ его свѣтлость своими указами меня принудить не можетъ." „Нынѣшнее дѣйствіе, писалъ Гольцъ, доказываетъ, что князь Меншиковъ хотѣлъ меня толь дальнимъ жестокимъ зимнимъ почтовымъ путемъ измучить и симъ процессомъ, при которомъ документовъ своихъ не имѣю, руиновать, и такъ меня въ немилость его царскаго величества, яко мнѣ всемилостивѣйшаго, ввесть."

Признавая себя передъ кригсрехтомъ невиноватымъ и не заслужившимъ такого „жестокаго трактаменту", Гольцъ просилъ объяснить царю его невинность и уволить его отъ службы.

Самолюбіе и властолюбіе Меншикова были конечно оскорблены отвѣтами Гольца, который выставлялъ его очень неблаговидно передъ Петромъ, дѣлая предположеніе, что онъ можетъ написать что либо отъ имени царя, не имѣя на то приказанія. Меншиковъ представилъ свое мнѣніе кригсрехту объ оправдательной запискѣ Гольца. Князь находилъ, что Гольцу слѣдовало бы писать поучтивѣе; что непослушаніе указовъ всегда влечетъ наказаніе, хотя бы это непослушаніе происходило отъ упрямства или отъ гордаго презрѣнія къ поставленному надъ нимъ высшему командиру; отговорка Гольца, что онъ собственноручнаго указа отъ царскаго величества не получалъ о пріѣздѣ въ Москву, доказываетъ, что онъ ослушивался приказанія своего начальника. Квитанцію на неправильно забранный фуражъ онъ Гольцъ подписалъ по своей гордости, называясь генераломъ-фельдмаршаломъ и слѣдственно противъ пристойнаго респекту нагло прегрѣшилъ... Меншиковъ кончалъ свое представленіе кригсрехту просьбою: „за доказанное многократное непослушаніе и упрямство, непослушаніе начальству и имяннымъ указамъ и за противныя и грубыя изрѣченія надлежащую дать сатисфакцію."

Дѣло тянулось. Гольцъ просилъ судъ поспѣшить рѣшеніемъ. Меншикову вѣроятно было также слишкомъ непріятно слушать рѣзкіе отвѣты Голь-

ца, и въ Ноябрѣ 1710 г. Меншиковъ подалъ кригсрехту заявленіе „что онъ, по множеству государственныхъ дѣлъ, всегда присутственно быть не можетъ, а потому въ *процессѣ* его съ Гольцомъ онъ уполномочиваетъ Якова Веселовскаго присягу чинить и доказы къ оправданію его князя объявлять и все что̀ Веселовскій донесетъ кригсрехту, писалъ Меншиковъ, отъ насъ заблагоизобрѣтено и за неопровержимо держано будетъ, и обѣщаемъ мы оное, якобы отъ насъ самихъ учинено, признавать.“

Какъ ни старался Гольцъ оправдывать себя въ непочтительности и въ неуваженіи указовъ Меншикова, но пришлось повиниться, особенно когда на допросахъ кригсрехта онъ долженъ былъ признать, что царевичь Алексѣй Петровичь и княгиня Меншикова по его оплошности едва не попали въ руки непріятеля, во время переѣзда ихъ изъ Кракова въ Ярославль.

Послѣдній вопросъ Гольцу отъ кригсрехта былъ: Предается ли онъ прямымъ образомъ приговору? Гольцъ отвѣчалъ, что „предается“ и написалъ повинное письмо Петру, прося „учиненныя имъ прегрѣшенія и непослушаніе отъ его командующаго фельдмаршала данныхъ указовъ милостивымъ окомъ призрѣть и оныя ему отпустить.“ За Гольца въ это время ходатайствовали короли Прусскій и Польскій.

14-го Января 1711 года послѣдовалъ указъ кригсрехту, за собственноручною подписью Петра: хотя Гольцъ и подлежалъ было за свои преступленія жестокому наказанію, „но съ великодушнаго милосердія своего, а особливо ради внесеннаго за него заступленія ихъ королевскихъ величествъ Прусскаго и Польскаго, въ тѣхъ винахъ его всемилостивѣйше простить и отпускъ изъ службы дать.“

(*Продолженіе будетъ*).

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ПЕТРА ВЕЛИКАГО *.

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ И ПОТѢШНЫЙ ГОРОДОКЪ.

Село Преображенское было колыбелью не только *гвардіи*, но и всей реформы Петра Великаго. Преображенскъ, говоритъ г. Забѣлинъ, явился въ полномъ смыслѣ столицею преобразованія, пока оно зачиналось, зарождалось и (прибавимъ), развивалось въ Москвѣ [1]). Потѣшный городокъ, устроенный здѣсь Петромъ, былъ моделью, прототипомъ новой столицы, созданной потомъ на берегахъ Невы. Здѣсь, въ маломъ видѣ, было все, что̀ можетъ характеризовать столицу и резиденцію государя-преобразователя: тутъ было и постоянное войско, и флотъ, и судъ, и администрація; тутъ брились, до временъ Петра неприкосновенныя, бороды, и строилось ненавистное для истыхъ Русскихъ людей Нѣмецкое платье; тутъ же созда-

*) См. выше стр. 90.

[1]) Оп. изуч. Русс. Древ. и Исторіи, Забѣлина, ч. II (Критическій разборъ книги Мартынова и Снегирева).

вались планы и изготовлялись средства побѣждать враговъ — Турокъ и Шведовъ, брать непріятельскіе города и крѣпости.

Первый походъ Петра въ село Преображенское, по документамъ изучаемаго нами Сборника, относится къ 1675 году; но Петръ бывалъ и живалъ тамъ съ матерью и ранѣе. Для этого похода трехъ-лѣтній царевичъ снабженъ былъ множествомъ игрушекъ и при томъ воинскаго характера. Но, безъ сомнѣнія, потѣшнѣе всѣхъ другихъ потѣхъ была для Петра вызолоченная Дороѳеемъ Ермолаевымъ „пушечка съ станкомъ и съ колесцы", которую изготовили для царевича къ этому походу. Троимъ карламъ: Никитѣ Комару, Петрушкѣ Комару да Ивашкѣ Кондратьеву, вѣроятно для этого же осенняго похода, пошиты были форменные лѣтніе и зимніе кафтаны, штаны и шапки.

За тѣмъ, о походахъ Петра въ Преображенское до 1684 г. въ нашемъ Сборникѣ указаній не встрѣчается; а въ этомъ году, 19 Іюня, происходила *потѣшная, гранатная и огнестрѣльная стрѣльба* въ селѣ Преображенскомъ, подъ руководствомъ огнестрѣльнаго мастера *Симона Зоммера*. Стрѣльба эта была, очевидно, тѣмъ, чтó г. Забѣлинъ называетъ *взятіемъ потѣшнаго городка Пресбурга* [2]).

Прежде чѣмъ приступимъ къ обзору построекъ потѣшнаго городка, описанныхъ въ Сборникѣ, а также и другихъ не лишенныхъ интереса извѣстій, касающихся Преображенска, считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ по поводу этого *взятія* Пресбурга.

Задавшись вообще предвзятою мыслію о *необычайно-раннемъ* развитіи Петра и относя постройку крѣпостцы къ 1684 году, а взятіе ея пріурочивая къ 19-му Іюня этого года, г. Забѣлинъ утверждаетъ при этомъ, что Францъ Тиммерманъ началъ преподавать государю Фортификацію и Геометрію еще ранѣе этихъ подвиговъ, совершенныхъ Петромъ. Авторъ говоритъ, что въ 1684 году *„уроки Тиммермана, при его помощи,* уже „приложены были къ дѣлу"; что „выстроенный", въ этомъ же году, на берегу Яузы, „потѣшный городокъ, крѣпостцу Пресбургъ, 12-ти лѣтній государь взялъ приступомъ *по всѣмъ правиламъ осадной науки*". На основаніи какихъ историческихъ данныхъ г. Забѣлинъ постройку Пресбурга и его взятіе относитъ къ 1684 году, а уроки Тиммермана еще къ болѣе раннему времени, не знаемъ. Быть можетъ, въ этомъ году и дѣйствительно было устроено для огнестрѣльныхъ Зоммеровскихъ потѣхъ какое-нибудь (всего скорѣе земляное) укрѣпленіе, но это совсѣмъ не то, чтó потѣшный городокъ, начатый постройкою только съ слѣдующаго (1685) года; съ Тиммерманомъ же знакомство свелъ Петръ гораздо позднѣе, а именно въ 1688 году, и вотъ на это доказательство.

Извѣстно, что въ 1687 году, когда кн. Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, передъ отъѣздомъ съ посольствомъ во Францію и другія земли, представлялся 15-лѣтнему государю, то въ разговорѣ съ нимъ упомянулъ объ инструментѣ (астролябіи), „которымъ можно брать дистанціи или разстоянія издали, не доходя до самаго мѣста". Петръ поручилъ князю Долгорукову непремѣнно купить такой инструментъ во Франціи. „22 Февраля, стольнику князь Якову княжъ Ѳедорову сыну Долгорукову 1000 золотыхъ одинокихъ дано, а тѣ золотые посланы съ нимъ *для покупки Нѣмецкихъ узорочныхъ товаровъ* про обиходъ в. г-рей, какъ онъ посланъ на посольство во Французскую и иныя Нѣмецкія земли; приказалъ тѣ золотые отдать окольничей Т. Н. Стрѣшневъ" (Сборн., т. I, стр. 280). Кн. Долгоруковъ, разумѣется, исполнилъ порученіе; но когда, по возвращеніи въ Москву

---

[2]) Оп. изученія Русс. Др. и Исторіи, ч. II, стр. 187.

въ 1688 г. [3]), онъ передалъ Петру астролябію и готовальню съ циркулемъ, то не находилось человѣка, который бы научилъ его пользоваться этими инструментами. Наконецъ, докторъ Фанъ-деръ-Гульстъ, по просьбѣ любознательнаго царя, сыскалъ въ Москвѣ своего одноземца, Голандскаго купца Франца Тиммермана, который показалъ Петру употребленіе циркуля и астролябіи и съ этого времени сталъ давать ему уроки Геометріи и Фортификаціи, „почему я", говоритъ самъ Петръ, „гораздо съ охотою присталъ учиться Геометріи и Фортификаціи"... „И тако сей Францъ черезъ сей случай сталъ при дворѣ быть безпрестанно и въ компаніяхъ съ нами" [4])... Вотъ *первое* знакомство Петра съ Тиммерманомъ. Изъ этого слѣдуетъ прямой выводъ: *что*, по словамъ г. Забѣлина, уже *было извѣстно 12-лѣтнему Петру въ 1684 г., тому онъ только что началъ учиться въ 1688 году.* На этомъ выводѣ можно бы было и успокоиться, но онъ не совсѣмъ вѣренъ, и если г. Забѣлинъ не правъ, утверждая, что въ 1684 году Петръ уже *умѣлъ брать крѣпости по всѣмъ правиламъ осадной науки,* то не совсѣмъ правы и тѣ, которые думаютъ, будто до Тиммермана, до 1688 года, Петръ не имѣлъ понятія не только о Фортификаціи, но и о Геометріи. По крайней мѣрѣ имѣется положительное свидѣтельство, что если до 1688 г. Петръ былъ незнакомъ съ астролябіей, то *съ готовальней*, а стало быть и *съ Геометріей*, знакомъ уже былъ и пользовался геометрическими инструментами еще въ 1684 году. „23 Декабря" (одновременно съ покупкой у стольника князь Өедора Троекурова обезьяны за 30 р.) „къ... государю въ хоромы 2 р. 6 ал. 4 д. принялъ стольникъ Гаврило Головкинъ; а сказалъ, что деньги заплачены стольнику Василью Соковнину за *гатавальню,* которая у него взята въ хоромы" (стр. 270). Но не была ли эта готовальня комнатною принадлежностью, и не *туалетныя* ли вещицы въ ней хранились [5])? Нѣтъ. Основываясь на другихъ указаніяхъ Сборника, относящихся къ 1691 году, можно положительно сказать, что это была готовальня не туалетная, но что она заключала въ себѣ коллекцію (вѣроятно не совсѣмъ полную) инструментовъ математическихъ и принадлежностей для черченія: „Февраля 24-го потѣшный капралъ Иванъ Протасовъ принесъ въ Оружейную Палату гутовальню мѣдную, счетомъ 13 мѣстъ, а сказалъ: в. г—рь Петръ Алексѣевичъ указалъ тоё гутовальню починить и вычистить заново. И тогожъ числа та гутовальня велѣно починить и вычистить Оружейной Палатѣ часоваго дѣла мастеру Ивану Лөөеберу; а по сказкѣ его Ивановой надобно на починку тоё гутовальни, на покупку мѣди и для чищенья, на покупку всякихъ припасовъ, денегъ 13 алт. 2 д. И Февраля въ день Иванъ Лөөеберъ тоё гутовальню почнния и вычистя, принесъ въ Оруж. Палату, а изъ Палаты взялъ онъ же Иванъ Протасовъ" (стр. 118). Но въ другомъ извѣстіи упоминается *вмѣстѣ о двухъ готовальняхъ*, изъ чего мы заключаемъ, что обѣ онѣ имѣли *одинаковое назначеніе:* „19 Августа (того же года) куплено половина сафьяну алаго, цѣною 16 ал. 4 д., снурку шелковаго 6 арш. по 2 д. арш.; тотъ сафьянъ и снурокъ на обшивку в. г—ря *дву готоваленъ* суконныхъ" (т. е. вѣроятно чехловъ для готоваленъ, стр. 303). Одна изъ нихъ была, конечно, та, что куплена у Со-

---

[3]) М. П. Погодинъ говоритъ, что 15-го Мая (Семнадцать лѣтъ, стр. 224), но документа, на которомъ основываетъ это указаніе, не приводитъ.

[4]) Въ предисловіи къ Морскому Регламенту, приведенномъ у Устрялова, т. II, стр. 209.

[5]) Такого рода готовальни были еще при ц. Алексѣѣ Михайловичѣ: „... стекло зеркальное, два гребня слоновые взяты въ государеву комнатную готовальню".. Дом. Бытъ Р. Царей, Забѣлина, прилож., стр. 222, 223.

ковнина, а другая—привезенная кн. Долгоруковымъ. Послѣдняя изъ нихъ, (готовальня мѣдная, счетомъ 13 мѣстъ), которую починивалъ Лефеберъ, безъ сомнѣнія и была Парижскаго издѣлія (судя по ея полнотѣ); а имѣя въ виду, что въ 1691 г. она потребовала капитальной починки, надобно полагать, что съ 1688-го (годъ, въ которомъ она привезена изъ Парижа) по этотъ годъ она не лежала безъ употребленія.

Полагая же почти за достовѣрное, что и Соковнинская готовальня заключала въ себѣ математическіе инструменты, а не туалетныя принадлежности и соображая время пріобрѣтенія ея съ послѣдующими извѣстіями (1685-го и слѣд. годовъ) объ огнестрѣльныхъ упражненіяхъ Петра, нельзя не придти къ заключенію, что, и до полученія готовальни изъ заграницы, Петръ имѣлъ средства, при этихъ упражненіяхъ, ознакомиться нѣсколько и съ употребленіемъ готовальни и съ Геометріей, подъ руководствомъ Зоммера. Въ этомъ иностранцѣ (замѣтимъ) Петръ пріобрѣлъ для себя *перваго руководителя* въ огнестрѣльныхъ упражненіяхъ, и съ вѣроятностью можно полагать, что послѣ полученной награды за *потѣшную гранатную и огнестрѣльную стрѣльбу* (Іюня 19-го 1684 г.) въ селѣ Преображенскомъ, онъ же, быть можетъ, указалъ Петру и на необходимость пріобрѣсти готовальню (купленную потомъ у Соковнина), для практическаго знакомства съ разными геометрическими фигурами, изученіе коихъ находилъ для него необходимымъ, особенно въ виду предстоявшаго сооруженія, по правиламъ Фортификаціи, потѣшнаго городка, и посредствомъ циркуля, транспортира и др. инструментовъ сообщилъ ему нѣкоторыя геометрическія свѣдѣнія.

Самыя вышеприведенныя слова Петра, что онъ, познакомившись съ Тиммерманомъ, „гораздо съ охотою присталъ учиться Геометріи и Фортификаціи", вовсе не значатъ, что до той поры онъ рѣшительно не имѣлъ понятія объ этихъ наукахъ, а только то, что онъ съ *большею* охотою и *съ большимъ* усердіемъ (чѣмъ прежде) сталъ заниматься ими.

Въ этомъ (1684) и слѣдующемъ годахъ набираются въ Преображенское потѣшные пушкари, которыхъ обучаетъ конечно тотъ же Зоммеръ, и невольно рождается вопросъ, не по его ли даже мысли, не по его ли внушеніямъ и указаніямъ въ слѣдующемъ году начинается постройка самого потѣшнаго городка—Пресбурга? Выше мы сказали, что 13 Февр. 1685 г. былъ *необычайный* походъ въ село Преображенское и пытались объяснить его значеніе предположеніемъ, что это вѣроятно было торжество закладки потѣшнаго городка, или освященія первыхъ его построекъ. Не выдаемъ этого предположенія за достовѣрное; но что̀ касается до инииціативы сооруженія потѣшнаго городка, то мы готовы вѣрить, что она принадлежала едвали не тому же Зоммеру, благодаря которому Петръ получилъ *первое* знакомство съ огнестрѣльными потѣхами. По указанію этого же огнестрѣльнаго мастера, быть можетъ, является у Петра и *огнестрѣльная книга,* о которой упоминается въ 1686 году [6]). Кромѣ всего этого, имѣя въ Сборникѣ положительное свидѣтельство, что въ 1691 г. Зоммеръ былъ уже подполковникомъ и за свою *огнестрѣльную работу* 2 Марта этого года снова получилъ награду... „сукно кармазинъ 5 арш.", мы смѣло можемъ утверждать, что Зоммеръ, а *не другой кто*, былъ вообще

---

[6]) Объ огнестрѣльной книгѣ сказано въ двухъ мѣстахъ Сборника. „Нонбря 8 (столбцы) кружевнику Кузьмѣ Микулину за провозъ, что онъ посыланъ Іюля въ 20 день изъ походу изъ села Преображенскаго къ Москвѣ по *книгу огнестрѣльную*, 24 алтына" (стр. 75); а въ другомъ мѣстѣ (расход. книги, стр. 279) сказано тоже, но число обозначено 2, вмѣсто 20-го, а денегъ за провозъ показано только 4, а не 24 алтына.

руководителемъ въ воинскихъ, и преимущественно въ огнестрѣльныхъ, упражненіяхъ, не только Петра, но и его потѣшныхъ пушкарей, въ первое время, т. е. по крайней мѣрѣ до 1691 года.

Что̀ касается до Франца Тиммермана, то въ Сборникѣ не встрѣчается ни одного указанія на ту роль, какая обыкновенно дается ему изслѣдователями и едва ли не въ преувеличенныхъ размѣрахъ, а именно на роль *наставника* Петра. Да и самъ Петръ свои отношенія къ Тиммерману выражаетъ только словами: „и тако... сей Францъ сталъ при дворѣ быть *безпрестанно* и *въ компаніяхъ съ нами*", изъ которыхъ никакъ нельзя дѣлать вывода объ оффиціальномъ положеніи его при Петрѣ, въ качествѣ учителя. Слово „безпрестанно" употреблено здѣсь гиперболически: далѣе увидимъ, что Тиммерманъ употреблялся на разныя посылки, и даже по временамъ, какъ будто, пропадалъ безъ вѣсти...

Въ Сборникѣ нашемъ, Тиммерманъ является прежде всего торговцемъ или вѣрнѣе поставщикомъ для Петра самыхъ разнородныхъ предметовъ, точно также какъ наприм. переводчикъ Крефтъ или Креветъ (у котораго въ 1690 году куплены государемъ, между прочимъ, „часы *зепные*, т. е. карманные, ковчежецъ серебряной", за 10 рублей), Бутенантъ и др. иностранцы. Въ 1689 году Декабря 1-го, по указу... „купленъ у Тиммермана столъ каменный, цѣною 25 рубл., а тотъ столъ къ в. г-рю (Петру) въ хоромы". На оборотѣ столбца написано: „по сему в. г-рей указу, за столъ 25 р. иноземецъ Францко Тиммерманъ взялъ и расписался" (стр 102). Въ 1690 году 28 Февраля у него же куплена пара пистолей за 12 р., принялъ постельничей Гаврило Ив. Головкинъ, въ походѣ въ Троицкомъ Сергіевѣ монастырѣ (стр. 107). 18 Сентября даны Тиммерману 10 р. на дорогу для какой-то посылки (стр. 292). 22 Сентября для Вологодской посылки на прогоны отъ Москвы до Вологды и назадъ до Москвы на 7-мь ямскихъ подводъ по 1 р. 8 ал. 2 д. на подводу, и того 8 р. 27 ал. 31 Августа 1691 г. 6 р. 13 ал. 2 д. дано ему за товары, которые взяты у него на потѣшный дворъ (стр. 302). Въ 1692 г., при постройкѣ флотиліи въ Переяславлѣ, Тиммерманъ титулуется „*корабельнаго дѣла мастеромъ*". 28-го Октября, велѣно изготовить въ Переславль къ корабельному дѣлу къ строенью дву кораблей разные запасы, и „отдать тѣ запасы корабельнаго дѣла мастеру, инженеру Францу Тиммерману" (стр. 381). По росписямъ *за рукою Тиммермана* покупаются и изготовляются къ корабельному дѣлу разные строительные матеріалы, дубовые стулья, дубины, доски и проч. (стр. 381), 12 стульевъ ясеневыхъ, 8 насосовъ деревянныхъ (стр. 385), и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ опять употребляется на разныя посылки въ 1694 г., то до Переславля, то до Верховажья (стр. 386). Мая 1693 года Тиммерману поручено было сдѣлать какое-то необъясненное въ документѣ государево дѣло: „Государь Петръ Алексѣевичь указалъ взять въ Оружейную Палату къ своимъ в-го г-ря дѣламъ, на потѣшный дворъ, 50 золотыхъ, да слюды доброй 30 фун., да на покупку красокъ денегъ 25 р., и отдать тѣ золотые и слюду и деньги иноземцу Францу Тиммерману....; и тѣ 50 злотыхъ, 30 фунт. слюды, 25 р. денегъ отданы съ росписокою иноземцу Францу Тиммерману" (стр. 137). 1-го Іюня дано ему же Тиммерману 46 р. 20 алт. на покупку кружевъ (стр. 138). Въ Октябрѣ того же года, по указу в. государей, изъ конюшеннаго приказу въ Оружейную Палату поступаетъ довольно странный запросъ: „отписать, *размѣрнаго дѣла мастеръ Францъ Тиммерманъ* да часоваго дѣла мастеръ Иванъ Ганъ *нынѣ въ лицахъ ли?*". Изъ Оружейной палаты отписано: „изъ тѣхъ иноземцовъ в-ихъ г-рей у дѣлъ часоваго дѣла Иванъ Ганъ, и нынѣ онъ въ лицахъ; а *размѣрнаго Францъ Тиммерманъ* въ Оружейной Палатѣ не вѣдомъ, и нынѣ онъ въ лицахъ ли, того не вѣдомо жъ" (стр. 139).

Въ 1696 г. Тиммерману поручается ближайшій надзоръ за судостроеніемъ, которое съ этого года началось въ огромныхъ размѣрахъ, для Азовскаго флота. „30 Сентября, по указу в-го г-ря и по письму изъ Преображенскаго *за рукою Франца Тиммермана*, на дачу его в-го го-ря жалованья парусным мастеромъ: сукна кармазину 10 арш., косякъ камки лудану отпущено“ (стр. 331).

*

Характеръ войнскихъ потѣхъ Петра особенно ярко обрисовался въ устройствѣ потѣшнаго городка въ селѣ Преображенскомъ и въ сформированіи его первыхъ потѣшныхъ полковъ. Послѣдствія показали, какое серьезное значеніе имѣли эти затѣи Петра, въ сущности нисколько не похожія на обыкновенныя дѣтскія.

Свѣдѣнія о постройкахъ, произведенныхъ въ Преображенскомъ, начинаются съ 1685 и оканчиваются 1694 годомъ.

Потѣшный городокъ сперва состоялъ изъ двухъ избушекъ, и въ нѣсколько лѣтъ эти избушки обстроились такъ, что первоначальный потѣшный городокъ превратился по немногу въ городъ, даже въ „столицу преобразованія“, по выраженію г. Забѣлина [7]) и въ резиденцію государя. Въ выпискахъ, заимствованныхъ изъ разныхъ расходныхъ книгъ, Сборникъ представляетъ сухой перечень матеріаловъ, употребленныхъ на постройки; но эти выписки такъ подробны и такъ хорошо сгруппированы (въ хронологическомъ порядкѣ), что даютъ читателю возможность представить себѣ полную картину произведенныхъ здѣсь работъ и построекъ, сооруженныхъ на сушѣ и на водѣ.

Одновременно съ устройствомъ двухъ избушекъ въ селѣ Преображенскомъ, въ Лосиной и Лябяжьей рощѣ, дѣлаются переѣзжіе мосты, а на Яузу въ Лебяжьей рощѣ наводится живой мостъ. Въ слѣдующемъ (1686) году начинается укрѣпленіе потѣшнаго городка. Около избушекъ строится *часовая башня*; на рѣкѣ Яузѣ являются *плоучіе мосты*, потѣшныя суда, *большой стругъ и шнякъ*; у самаго потѣшнаго городка возводится *дерновая* башня, и на ней *связи гдѣ стоять пушкамъ*. Кромѣ плоучихъ мостовъ черезъ рѣку Яузу, къ потѣшной конюшнѣ насыпаются *тарасы* (террасы) *для ѣзды каретъ и рыдвановъ*, и устраиваются отъ съѣзда государевыхъ потѣшныхъ хоромъ мостъ (мостовая) къ нижней Лебяжьей рѣшеткѣ, по обѣ стороны, и переѣзжій мостъ, что на болотинѣ. Въ 1687 году въ потѣшной башнѣ устроивается *другое и третье жилье*, кроются избы и сѣни на дворѣ, *гдѣ ставится въ пришествіе в—хъ г—рей кравчій князь Борисъ Алексѣевичь Голицынъ*, а также *избы и сѣни и навѣсы, гдѣ ставятся капитаны*..... Около городка возводятся плотины, а на запасномъ дворѣ додѣлывается теплая *конюшня*; денники кроются лубьями Москворѣцкими. Къ гранатному дѣлу употребляется 15 досокъ липовыхъ Москворѣцкихъ 2-хъ саженъ, 5 досокъ сосновыхъ полуторныхъ, да 50 кленинъ. Подъ (*надъ?*) *передними вороты, гдѣ быть часамъ*, дѣлается обшивка, изъ 8 теснинъ красныхъ 3-хъ саженъ. На заднихъ воротахъ, гдѣ быть *набатному колоколу*, строится *часовня*; *чердакъ и шатеръ* обвязываются 3-хъ-саженными брусьями; изъ такихъ же брусьевъ дѣлаются *стойки* и *тетивы*. На дѣло *часоваго круга* назначается 20 досокъ полуторныхъ сосновыхъ.

Въ Іюлѣ, Августѣ и Сентябрѣ этого же года устроиваются *пушечные станки*; строится *дворъ, гдѣ стоять въ пришествіи в-ихъ г-рей спальникамъ* Льву, Мартемьяну да Ѳедору Кириловымъ дѣтямъ Нарышкинымъ. Въ Де-

---

[7]) О Преображенскѣ и его историческомъ значеніи см. Опыты изуч. Р. Др. и Исторіи, часть II, стр. 186—193 О происхожденіи Преображенскаго полка см. Семнадцать лѣтъ, изсл., стр. 149—181.

кабрѣ, въ потѣшный городокъ доставляется пять *замков Нѣмецких* больших, столько же среднихъ, 3 молотка, 3 шила, да на потѣшную конюшню на *пушки* и на *пушечные станки* на крышку 30 рогожъ цѣновокъ.

31-го Декабря велѣно доставить въ село Преображенское, для прикормки въ рощахъ волковъ, *лошадинаго мясища* на 8 алт. 2 деньги. Въ 1688 году на *часы* что у переднихъ воротъ, на гири 40 сажень веревокъ посконныхъ, 3 фун. масла деревяннаго, проволоки... На дѣло *шнягов* и *корбузов, цѣпей* и *пробоев* и *скоб* велѣно купить... 6 п. желѣза Свицкаго, да 6-ть возовъ уголья березоваго...; на избы 3 сруба сосновыхъ со всякими избными нарядами.... Въ Лосинную рощу, въ *полотняной городок*, въ *чердак* и въ *свѣтлицы*, на прибавку моста и на рундуки 25 досокъ половыхъ 3-хъ саженныхъ и 26-ть бревенъ; на потѣшную конюшню на крышку *сарая, гдѣ ставятся пушки*, 1000 драни Москворѣцкихъ 3-хъ сажень; *на стрѣлецкіе караульни* что за рѣкою Яузою, у воротъ, у потѣшной конюшни, 500 тесинъ кровельныхъ. На двѣ *избушки приказныя*, гдѣ ставятся подъячіе и трубники, 1600 драни Москворѣцкой. Въ Сентябрѣ того же года, въ Лосинной рощѣ, *в новом полотняном городкѣ* кроется сарай, *гдѣ ставят пушки*. На Лебяжьемъ дворѣ ставится для старыхъ лебедей 4 анбара, да для молодыхъ 2 анбара, да еще 2 избы съ нутрами и съ сѣньми...

Въ 1689 году Мая 13, въ селѣ Преображенскомъ за рѣкою Яузою „гдѣ быть государеву съѣзжему двору", ставится изба съ нутромъ и съ сѣньми, да анбаръ елевой. Въ березовой рощѣ при потѣшной конюшнѣ для *потѣшных конюхов* строятся 2 избы съ нарядомъ. Въ село Преображенское *на подкопную бочку* употребляется 40 брусовъ двусаженныхъ....; *к кораблю*—40 досокъ разныхъ мѣръ; *к рыбной ловлѣ* купленъ неводъ длины 35 сажень, бредень 5 сажень съ рукавами и съ веревками, и со всею снастью, и съ каменьемъ, и съ наплавками....; *к копанью рвов*, на обрубъ, да къ *чисткѣ желѣзной пушки* покупается 2 лома, 5 заступовъ, 2 веревокъ лычныхъ, 5 лопатъ, 4 ветошки (дано 4 деньги), 5 кирокъ. *К дѣлу корабля* доставляется еще 10 досокъ полуторныхъ, самыхъ добрыхъ, широкихъ, толстыхъ и гладкихъ... 110 тѣсинъ красныхъ самыхъ добрыхъ. Строился этотъ *корабль*, вѣроятно, подъ наблюденіемъ Тиммермана, размѣрнаго дѣла мастера или инженера, какъ онъ назывался потомъ въ документахъ, относящихся къ постройкѣ Переяславской флотиліи; работы производились *Русскими* кузнецами и плотниками. Въ Октябрѣ этого года в-имъ г-рямъ били челомъ кузнецъ Адашка Ефимовъ да плотникъ Игнашка Денисовъ съ товарищи, 7 человѣкъ: „Работали мы холопи ваши въ селѣ Преображенскомъ у *потѣшнаго корабля* и, будучи у того дѣла, платьишкомъ ободрались и обувью обносились, оскудали и одолжали. Милосердые в-іе г-ри..., пожалуйте насъ холопей своихъ, за нашу многую работишку и для нашей великія скудости, своимъ государскимъ жалованьемъ, сукнами, какъ вамъ в-имъ г-рямъ объ насъ Господь Богъ извѣститъ. В-іе г-ри смилуйтесь". Дано имъ по сукну Англійскому (стр. 95).

Въ Октябрѣ, въ потѣшномъ городкѣ, въ свѣтлицѣ и въ караульной избѣ вставляются слюденныя окончины; строятся *башня* для храненія пороховой казны и мостъ отъ потѣшнаго города къ горѣ.

Въ 1691 году въ село Преображенское *к строенью мишени* куплено у патріарша крестьянина Андрея Меншикова 3 бревна 6 саж., 90 лубовъ Москворѣцкихъ... Декабря 12-го того же года доставлено въ село Преображенское на рѣку Яузу, на гору, къ съѣзжей избѣ, на дѣло осмиугольной *ганки (балкон)* 50 бревенъ; да 12 Генваря 1692 года въ прибавку къ нимъ на дѣло той же *ганки* еще 40 бревенъ.... Къ 29 Маія этого же года велѣно купить опять *на строенье мишени* 100 лубовъ; на

столбы и на рѣшетины 18 бревенъ 6-ти и 3-хъ саженяхъ, 150 гвоздей прибойныхъ, 300 двоетесныхъ, 3 фунта мелу. Іюля 24-го къ *ракетному* дѣлу *на хвосты* 30 тесницъ елевыхъ...., а 28-го снова *на дѣло мишени* 100 лубовъ Москворѣцкихъ, на пришивку 300 гвоздей двоетесныхъ.... Мишени и ракеты изготовлялись, вѣроятно, для гранатныхъ и огнестрѣльныхъ потѣхъ по случаю дней рожденія (30 Мая) и тезоименитства (29 Іюня) государева.

Въ этомъ и слѣдующемъ году построены *новые государскіе хоромы,* за рѣкою Яузою, въ томъ же селѣ Преображенскомъ. Въ Сентябрѣ 1692 года въ эти государскіе *новые хоромы*, въ три свѣтлицы, куплены *образцы* (изразцы) на три печи круглыя ценинныя и др. принадлежности. 20-го въ *можжеры* (мортиры) на дѣло *ядеръ* велѣно купить 30 липинъ облыхъ, гладкихъ.

Въ 1693 году, въ началѣ Іюня, на *банники къ пушкамъ* доставлено 30 овчинъ дѣланыхъ добрыхъ; 11-го къ *корабельному дѣлу*, къ *прапорамъ* и для иныхъ дѣлъ веревокъ посконныхъ тонкихъ на 3 алт. на 2 ден. 24-го опять *на банники* и на *набойники къ пушкамъ* 40 шестовъ елевыхъ 3-хъ саж. прямыхъ, да *на мишень* 3 бревна... 26-го для *опайки пушечныхъ насыпокъ 1 фун.* сала медвѣжьяго, 1 фун. нашатырю, молотокъ желѣзный. Всѣ эти приготовленія дѣлались опять, очевидно, для торжественнаго празднованія тезоименитства государя. Въ 1694 г. Января 18-го, въ село Преображенское, *на новую съѣзжую избу*, на верхній чердакъ, „въ чемъ поставить *прапоръ*,“ дерево сосновое красное, полу-третьи саж., толщины 10 верш., и просверлить напарьею до половины, да надъ передней рундукъ на чердакѣ, въ чемъ поставить *прапоръ*, дерево просверлено въ $^1/_2$ арш.; 25 Февраля къ строенью *новой съѣзжей избы* къ верхнему чердаку, гдѣ стоять прапору, на обвязку 8 связей желѣза Свицкаго......, да на обвязку жъ *короны и пропора* и на *веретено* и *на полашъ*, на чемъ быть *прапору и коронѣ*, къ прежнему въ прибавку, 6 п. желѣза Свицкаго, самаго мягкаго, 20 четвертей уголья и..... 28-го на всякія рѣзныя и токарныя дѣла, чѣмъ расписывать, и на крышку кровли красныхъ красокъ...., 400 листовъ мѣди битой, чѣмъ золотить *корону*, 5 фунт. гульфарбы, ведро олифы.... и пр.

Утвержденіемъ прапора и короны надъ новою съѣзжей избою оканчиваются (по нашему Сборнику) постройки въ потѣшномъ городкѣ.

*

Среди кипучей дѣятельности, которой требовало отъ Петра устройство потѣшнаго городка, потѣшныхъ флотилій на Москвѣ-рѣкѣ, на Яузѣ и въ Переславлѣ, и особенно обученіе потѣшныхъ, число которымъ возрасло до того, что въ 1692 г. были уже два полка, Преображенскій и Семеновскій, онъ находилъ время не только для исполненія обрядовъ религіи, но и для чтенія книгъ церковныхъ.

Въ 1691 года Іюля 25-го въ селѣ Преображенскомъ, Августа къ 1-му числу, велѣно „поставить *Ердань* и великихъ государей мѣсто. И для осмотру тоѣ Ердани и мѣста въ селѣ Преображенскомъ посланы живописцы Лука Смольяниновъ, да съ нимъ же два человѣка разныхъ мастеровъ; а на провозъ имъ до Преображенскаго и назадъ до Москвы дано 3 алт. 2 деньги“. 29 Іюля, въ походъ въ село Преображенское, приказалъ постельничей Гаврило Ивановичъ Головкинъ прислать *Минею Августъ мѣсяцъ* (стр. 120); а 20-го Августа куплена и подана въ хоромы книга *Уставъ церковный* (стр. 124).

Въ слѣдующемъ (1692) году Петръ очень обрадованъ былъ полученіемъ присланныхъ изъ Архангельска заграничныхъ *маѳематійскихъ орудій* (какихъ именно, не означено), *двухъ глобусовъ,* органовъ большихъ, оружія и др. вещей, купленныхъ Андреемъ Крефтомъ и доставленныхъ на потѣшный дворъ (стр. 133—135).

*

Преображенцы назывались то потѣшными конюхами, то потѣшными пушкарями, безразлично. Названія это остаются за ними и въ 1691 и

даже въ 1692 г. Но уже и подъ 1691 годомъ есть указаніе, что изъ нихъ сформированъ былъ и существовалъ на дѣлѣ Преображенскій полкъ [8]). „Ноября 15 дано изъ Мастерскія Палаты *Преображенскаго потѣшнаго полку* барабанщику Петру Доброму жалованье, въ приказъ денегъ 10 р." (стр. 124). Кто же былъ *первымъ* полковникомъ этого полка?

Первымъ полковникомъ Преображенскаго полка называютъ Юрія фонъ-Менгдена, или *Фамендина* (какъ обыкновенно обозначали его фамилію въ то время на словахъ и на письмѣ), служившаго прежде внѣ Москвы, подъ начальствомъ Бориса Петровича Шереметева. Но Фамендинъ назначенъ былъ на этотъ постъ въ 1692 г.; а такъ какъ самый полкъ существовалъ ранѣе этого года, то предполагается, что и до Фамендина было назначено лицо, завѣдывавшее полкомъ, въ качествѣ полковника. Судя по нѣкоторымъ намекамъ, встрѣчающимся въ Сборникѣ, можно думать, что *Левенфельдтъ*, если не былъ оффиціально объявленъ полковникомъ, то въ этомъ чинѣ былъ прикомандированъ къ Преображенскому полку и, быть можетъ, имъ завѣдывалъ. *Нововыѣзжій полковникъ* Христофоръ Левенфельдтъ, прибывъ изъ Цесарскія земли въ Москву 24 Августа 1691 г., получилъ 40 соболей, цѣною въ 120 рубл. „за *перевязь*, которою онъ челомъ ударилъ в—му г—рю" (стр. 291). За тѣмъ въ Ноябрѣ (27) дано ему денегъ 200 р.; въ Мартѣ слѣдующаго 1692 г. ему же, „за *выѣздъ*, даны кубокъ серебрянъ золоченъ, вѣсу фунтъ 91 зол., бархату 10 арш., сукна кармазину 5 арш; а 4-го Іюля того же года, и опять *за выѣздъ*, данъ еще кубокъ серебрянъ золоченъ съ кровлею, вѣсу 3 ф. Трудно допустить, чтобы Петръ давалъ всѣ эти награды Левенфельдту единственно *за выѣздъ*, и больше ни за что ни про что: Петръ не былъ на столько расточителенъ, чтобъ награждать кого бы то ни было даромъ; у него награждались заслуги, а не лица. И такъ мы полагаемъ, что полковникъ Левенфельдтъ служилъ, и именно въ потѣшномъ Преображенскомъ полку, гдѣ первоначально почти всѣ безъ исключенія начальные люди были изъ иностранцевъ; служилъ также какъ напрм. *Чамберсъ*, титулующійся въ 1690 году *полковникомъ что у потѣшныхъ конюховъ* (стр. 285), а въ 1692 г. являющійся полковникомъ (вторымъ) Семеновскаго полка. Къ этому заключенію приводятъ насъ документальныя указанія на то, что государево жалованье Левенфельдту выдавалось *одновременно съ другими Преображенцами*.

*

Любопытно, что среди важныхъ и серьёзныхъ занятій, которымъ предавался Петръ во все это время въ своемъ Преображенскомъ, онъ не забывалъ и о своихъ попугаяхъ. Іюля 6-го велѣно „купить и послать въ походъ въ село Преображенское 2 вѣшки мѣдныхъ или желѣзныхъ малыхъ, по которымъ подымать и опускать *клѣтки съ попугаеми*; а буде купить не сыщется, и вмѣсто ихъ прислать кольцо съ веретеномъ вертное..., а вѣшки подрядить сдѣлать нарочно". „Дѣлу время и потѣхѣ часъ", завѣтное словцо царя Алексѣя Михайловича, какъ видно, служило руководительнымъ началомъ жизни всей дѣятельности и его великаго сына. Петръ вообще любилъ *потѣшаться*, и потѣхи его шли безпрерывно, можно сказать, во все продолженіе его жизни, на ряду съ великими дѣяніями. Отъ обыкновенныхъ дѣтскихъ потѣхъ перешелъ онъ къ потѣхамъ

[8]) М. П. Погодинъ, ссылаясь на отзывъ кн. М. М. Голицына, полагаетъ, что въ 1687 г. былъ уже и Семеновскій полкъ; но это, конечно, надобно понимать именно только въ *смыслѣ географическомъ*, какъ выражается авторъ, т. е. по мѣсту жительства (за невозможностью помѣститься въ Преображенскомъ). Потѣшныхъ въ селѣ Семеновскомъ въ этомъ году было еще очень незначительное число (См. Семн. лѣтъ, стр. 166, 167).

гранатнымъ и огнестрѣльнымъ, къ потѣхамъ воинскимъ на сушѣ и на водѣ; одѣвался самъ и одѣвалъ другихъ въ потѣшные кафтаны; даже сержантскіе его кафтаны, строго говоря, имѣли смыслъ тѣхъ же потѣшныхъ. Петръ потѣшался имъ же самимъ придуманнымъ шутѣйшимъ соборомъ, гдѣ предсѣдательствовалъ въ потѣшной рясѣ князь-папа, маститый педагогъ Петра, Никита Моисеевичь Зотовъ....

Точно также *для потѣхи* строился и потѣшный городокъ; *для потѣхи* собирались полки въ Преображенскомъ и Семеновскомъ, принявшіе потомъ и видъ и размѣры столь широкіе и уже совсѣмъ не потѣшные. Кто знаетъ, не доставлялъ ли, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, потѣхи Петру и тотъ самый фактъ, что онъ рядилъ своихъ упрямыхъ подданныхъ, на перекоръ ихъ желаніямъ, вѣрованіямъ, на перекоръ всему, въ эти ненавистные для нихъ *шутовскіе* Нѣмецкіе кафтаны? А также бритье бородъ не было ли сперва только *потѣхою* для Петра, точно также какъ, конечно для потѣхи, а не для чего другаго, *выбрита* была, въ 1724 году, у Марціальныхъ водъ, *половина бороды* у мужика, которому дано за эту потѣху 10 алтынъ (стр. 173, т. II.).

Изъ Сборника узнаемъ, что въ 1692 г. на потѣшномъ дворѣ въ селѣ Преображенскомъ бывали еще *потѣхи* совершенно *въ древнемъ Русскомъ вкусѣ*, напоминавшія собою вѣкъ Грознаго и даже болѣе отдаленныя времена. Г. Забѣлинъ, говоря о *дуракахъ и шутахъ*, составлявшихъ необходимую принадлежность до-Петровской придворной жизни, замѣчаетъ, что и Петръ, „какъ родной сынъ и прямой наслѣдникъ XVII столѣтія", не могъ обойтись безъ шутовъ, тѣмъ болѣе, что „шуты и всякое шутовство ему очень были нужны, не столько по домашнимъ, сколько по политическимъ причинамъ. Съ ними вмѣстѣ онъ велъ борьбу съ старымъ порядкомъ жизни, публично его осмѣивалъ, составлялъ на него цѣлые сатирическіе спектакли" [9]). Конечно, Петръ въ этомъ отношеніи пошелъ дальше своихъ предковъ, придавая смыслъ вещамъ повидимому лишеннымъ смысла; но случалось, что и онъ потѣшался просто для одной потѣхи, не мудрствуя лукаво, по старинѣ.... На потѣшномъ дворѣ дуракъ убилъ одного солдата да одного конюха. Изъ документовъ не видно, какъ и почему совершены были дуракомъ эти убійства; но надо полагать, что они сдѣланы *одновременно*. „Февраля 1-го, по указу в—ихъ г—рей, дано изъ Мастерскія Палаты, Петрова полку Гордона, солдату Андрею Иванову на погребеніе того жъ полку солдата Тимофѣя Иванова, котораго *убилъ до смерти* на потѣшномъ дворѣ дуракъ, 10 рублевъ". Того же дня потѣшному конюху Ивану Небогатому дано также 10 рубл., тоже на погребеніе потѣшнаго же конюха Петра Осипова, котораго убилъ на потѣшномъ дворѣ дуракъ, вѣроятно тотъ же самый (стр. 128).

Извѣстно, что въ 1645 году царицынъ сѣнной сторожъ Микулка Остафьевъ *тѣшилъ* государя (Михаила Ѳеодоровича) и царевича (Алексѣя Михайловича), *бился съ дуракомъ Исаемъ,* за что по приказу царевича ему выдано 4 арш. сукна въ 2 рубля [10]).

Сопоставляя этотъ фактъ съ извѣстіемъ Сборника объ убійствахъ, совершенныхъ тоже *дуракомъ* на потѣшномъ дворѣ царя Петра Алексѣевича, надобно полагать, что и при немъ въ 1692 г. происходили здѣсь подобныя же *боевыя* потѣхи, какъ и въ „доброе старое время" и что Петръ въ этомъ отношеніи былъ дѣйствительно „сыномъ и наслѣдникомъ своего вѣка", и еслибъ солдатъ Ивановъ и потѣшный конюхъ Осиповъ не были убиты, то конечно и они также получили бы государево жалованье.

---

[9]) Домашній Бытъ Рус. Царицъ, стр. 416—419.

[10]) Домашній Бытъ Рус. Царицъ, стр. 472.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ.

Въ умѣ каждаго изъ насъ выдаются рѣзко, изъ темныхъ воспоминаній первыхъ дѣтскихъ лѣтъ, нѣкоторыя отдѣльныя происшествія, какъ предметы, освѣщенные яркимъ лучемъ среди пространства покрытаго туманомъ. Такъ, я помню ясно, какъ я, пятилѣтняя, разъ утромъ, входя въ столовую отцовскаго дома, была поражена необыкновеннымъ видомъ этой комнаты. Въ ней стояли чемоданы, вокругъ которыхъ суетилась прислуга. Мнѣ сказали, что мы тотчасъ же уѣдемъ изъ Москвы. Я спросила: зачѣмъ?—Идутъ непріятели.—Какіе непріятели?—Французы.—Этотъ день былъ 27-го Августа 1812 года.—Мать моя была сильно встревожена, и я помню, какъ отецъ старался ее успокоить и увѣрялъ, что она, по возвращеніи, все найдетъ въ цѣлости въ домѣ. Между тѣмъ болѣе и болѣе спѣшили укладываться, кое-какъ. На дворѣ стояли ямщики и съ каждымъ часомъ возвышали цѣну за своихъ лошадей. Мимо оконъ на улицѣ тянулся къ заставѣ безконечный рядъ каретъ и повозокъ: всякій ѣхалъ изъ Москвы какъ могъ; иные даже на дрожкахъ въ одну лошаденку.—Поѣхали и мы: мать съ трехлѣтней сестрой моей и съ горничной въ каретѣ, отецъ со мной въ коляскѣ. Ѣхали мы въ Ярославль, гдѣ мой отецъ имѣлъ много знакомыхъ и пріятелей, проживъ тамъ нѣсколько лѣтъ до женитьбы своей, а потомъ еще два года съ молодою женой. Потомъ онъ съ ней и со мной, годовымъ ребенкомъ, переселился въ Москву, изъ которой, только что устроившись, приходилось теперь удалиться.

На дорогѣ, особенно когда мы останавливались на станціяхъ, мать мнѣ повторяла: „Не говори пофранцузски“, когда я, по обыкновенію, принималась болтать на этомъ языкѣ. Я не понимала, почему мнѣ не говорить пофранцузски; но оно въ самомъ дѣлѣ было опасно въ присутствіи простаго народа.—Мнѣ тоже казалось страннымъ дѣломъ, что мы бѣжали отъ непріятелей, которыхъ не видать было и въ дали, сколько разъ я ни оглядывалась назадъ, сидя въ коляскѣ.

Такъ мы доѣхали до Ростова. Помнится мнѣ, какъ, прибывъ туда, отецъ и мать долго толковали вмѣстѣ, слѣдствіемъ чего было, что отецъ отправился обратно въ Москву, оставивъ въ Ростовѣ семейство, къ которому обѣщалъ возвратиться черезъ два дня. Безпокойство матери моей въ теченіи этого времени было такъ сильно, что оно дѣйствовало даже на мой безпечный пятилѣтній умъ. Часто, просыпаясь ночью, я не двигаясь глядѣла, какъ она, при тускломъ мерцаніи нагорѣвшей свѣчки, ходила безъ устали взадъ и впередъ въ маленькой комнатѣ, которую мы заняли. Такъ прошли сутки, другіе и третьи. Насталъ уже четвертый день, какъ вдругъ хозяйка гостинницы бросилась къ намъ въ комнату, крича: „горимъ! домъ горитъ“! Къ счастію оно было не совсѣмъ такъ;

выкинуло изъ трубы; и въ эту самую минуту испуга и суматохи пріѣхалъ отецъ. Изо всего что было оставлено въ Московскомъ его домѣ онъ спасти и вывезти не могъ ничего, и съ трудомъ самъ выбрался изъ города.

Въ тотъ же день мы отправились въ Ярославль, гдѣ расположились покуда, какъ и многіе другіе Москвичи, въ ожиданіи событій, не зная, не придется ли ѣхать еще далѣе, не надо ли будетъ переправиться черезъ Волгу.

Всѣ квартиры въ городѣ уже очень вздорожали, и добыть даже тѣсную было трудно. Пріятели отца моего нашли однако для насъ двѣ комнаты, которыя мы поспѣшили занять. Мнѣ онѣ очень понравились; въ одной изъ нихъ висѣли на стѣнахъ картинки, вѣроятно чрезвычайно дурныя, которыя меня поразили какъ великолѣпное украшеніе. Странно, что, помня много неважныхъ обстоятельствъ моего тогдашняго пребыванія въ родинѣ моей и много незначительныхъ предметовъ, я вовсе не помню предмета самаго прекраснаго и величественнаго — Волги. Остальную часть дома, гдѣ мы помѣстились, занимала также пріѣхавшая изъ Москвы старая графиня Строгонова, бабушка жены графа Сергѣя Григорьевича Строгонова. Общее бѣдствіе сближало людей: сосѣдъ заботился о сосѣдѣ; Московскіе бѣглецы въ особенности встрѣчали другъ друга какъ сродники. Узнавъ о нашемъ прибытіи въ домъ, графиня тотчасъ познакомилась и вскорѣ вступила въ дружескія отношенія съ моими родителями.

Эту современницу Екатерины II я помню тѣмъ яснѣе, что видала ее часто еще и въ теченіи всего слѣдующаго года. Когда я въ первый разъ вошла къ ней съ матерью, я очень удивилась. На большой шелковой постели сидѣла, поддержанная подушками, маленькая, скорченная, нарядная старушка; изъ кружевнаго чепца ея, украшеннаго лентами яркаго цвѣта, выдавалось изсохлое до крайности, чрезвычайно живое лице. Графиня была уже много лѣтъ въ параличѣ и почти вовсе не могла двигаться; но умъ ея сохранилъ всѣ свои способности. Она говорила много и съ живостью, любила упоминать о своемъ пребываніи въ Парижѣ, прежде революціи, и съ особеннымъ удовольствіемъ разсказывала, какъ она посѣтила Вольтера въ Ферне, и какъ онъ, уже больной, возвратившись, во время ея пріѣзда къ нему, съ небольшой прогулки, послѣ долгаго заключенія въ дому, встрѣтилъ ее словами:—„Ah! Madame, quel beau jour pour moi: j'ai vu le soleil et vous!" *)

Само собою разумѣется, что мои воспоминанія этаго грознаго и славнаго двѣнадцатаго года дополнены многимъ разсказаннымъ мнѣ гораздо позднѣе, и что я видѣла и понимала только самую малую часть того, что тогда творилось и говорилось вокругъ меня; но я внимательно слушала, постигая, что рѣчь шла о какихъ-то дико-

*) Ахъ милостивая государыня! Какой прекрасный для меня день: я видѣлъ солнце и васъ.

венныхъ событіяхъ. Я старалась присутствовать, сколько могла, при разговорахъ *большихъ*, и мнѣ было очень досадно, что меня клали спать, когда отецъ и мать уходили къ графинѣ провести у ней остальной вечеръ. Имя Наполеона, которое я безпрестанно слышала, означало для меня человѣка, совершающаго дѣло въ высшей степени несправедливое, и я просила, чтобы меня пустили къ нему, въ твердомъ убѣжденіи, что сумѣла бы усовѣстить его и уговорить отправиться назадъ, во свояси.

У графини Строгоновой собиралось обыкновенно много пріѣзжихъ изъ Москвы; всякій разсказывалъ, что узналъ новаго; толковали о полученныхъ извѣстіяхъ и о разныхъ слухахъ. Это общество было, разумѣется, составлено изъ людей comme il faut, и большею частью аристократовъ. Странное должно оно было производить впечатлѣніе, когда оно, съ Французскимъ своимъ образованіемъ, съ Французскими пріемами, на Французскомъ языкѣ бранило Французовъ.

Всѣ эти жители Москвы уѣхали изъ нея, опасаясь неминуемаго безпорядка, но ничего другаго не предвидѣли. Одинъ наивный Нѣмецкій ученый разсказывалъ въ послѣдствіи, что передъ отъѣздомъ онъ библіотеку свою тщательно уложилъ въ ящики и на каждомъ написалъ четкими буквами: „Эти книги принадлежатъ профессору Гофману," бывъ твердо увѣренъ, что, видя эту надпись, всякій, съ должнымъ уваженіемъ къ наукѣ, оставитъ ихъ въ цѣлости.—Осторожныя барыни, заперевъ накрѣпко свой Московскій домъ и взявъ съ собою ключи, были совершенно спокойны на счетъ своего тамъ оставленнаго имущества. Одинъ господинъ принялъ туже мѣру для сохраненія прекрасныхъ оранжерей въ своей подмосковной: онъ заперъ ихъ собственноручно и ключи увезъ съ собою. Вѣсть о пожарѣ Москвы грянула какъ громовой ударъ. Хорошо было Пушкину, лѣтъ двѣнадцать позднѣе, воскликнуть съ энтузіазмомъ поэта: „Пылай, великая Москва!"; но когда она пылала, то, сколько я знаю, общее чувство было вовсе не восторженное. Всѣми овладѣло какое-то странное изумленіе. Все что сбывалось носило характеръ неправдоподобной сказки; дѣйствительный міръ становился фантастическимъ, границы возможности исчезали.

Отъ одного стараго очевидца тогдашнихъ происшествій я, будучи уже замужемъ, слышала разсказъ, какъ онъ былъ свидѣтелемъ эпизода, который совершился на Тверской площади, нѣсколько часовъ до вступленія Французовъ въ Драгомиловскую заставу. Этотъ фактъ, можетъ быть не всѣмъ извѣстный, былъ мнѣ разсказанъ слѣдующимъ образомъ *).

---

*) Читатели Русскаго Архива знаютъ невѣрность ниже приводимаго разсказа. Верещагинъ былъ приговоренъ *Сенатомъ* къ каторжной работѣ. Графъ Ростопчинъ не думалъ скрываться отъ народа; да было и некуда: домъ его выходилъ на двѣ улицы. Онъ просто поѣхалъ къ Яузскому мосту, черезъ который переходили войска. Несомнѣнно, что враги графа Ростопчина, и особенно въ высшихъ сферахъ, не пощаженныхъ его острословіемъ и высокимъ умомъ, постарались придать особенное значеніе гибели Верещагина—случайной жертвы тѣхъ страшныхъ дней, когда юридическая правда становится невозможною. *П. Б.*

Когда народъ Московскій, успокоенный прокламаціями графа Ростопчина, которыя постоянно твердили о безсиліи и скоромъ уничтоженіи арміи Наполеона, вдругъ узналъ, что эта армія стоитъ на Поклонной Горѣ, готовая вступить безпрепятственно въ Москву, вопль отчаянія пронесся по городу. Озлобленная чернь бросилась къ генералъ-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предаютъ непріятелю. Толпа возрастала, разъярялась все болѣе и стала звать къ отвѣту генералъ-губернатора. Поднялся громкій крикъ:—„Пусть выйдетъ къ намъ! Не то доберемся до него!" Въ этомъ затруднительномъ положеніи графъ Ростопчинъ не потерялъ присутствія духа. Приказавъ скорѣе заложить дрожки, онъ вышелъ къ народу, который встрѣтилъ его сердитыми восклицаніями: „Намъ солгали! Говорили, бояться нечего, Французы разбиты; а Французы вступаютъ въ Москву!"—„Да, вступаютъ, отвѣчалъ громкимъ голосомъ графъ, вступаютъ, потому что между нами есть измѣнники!"—„Гдѣ они? Кто измѣнникъ!" закричала неистовая толпа.—„Вотъ измѣнникъ!" сказалъ графъ, указывая на стоящаго вблизи молодаго Верещагина.—Этотъ послѣдній, пораженный безсовѣстнымъ обвиненіемъ, поблѣднѣлъ и проговорилъ: „Грѣхъ вамъ, ваше сіятельство!" — Въ туже минуту вся чернь, въ остервененіи, кинулась на него, и между тѣмъ какъ она терзала и убивала несчастнаго, графъ Ростопчинъ вошелъ опять въ домъ, изъ котораго поспѣшно выбрался на задній дворъ, сѣлъ на готовыя дрожки и переулками выѣхалъ изъ Москвы.—Говорятъ, что въ отдаленныхъ губерніяхъ умы были гораздо меньше взволнованы, и что образъ жизни тамошняго общества ни въ чемъ не перемѣнился во время этой войны. Въ Ярославлѣ нельзя было не тревожиться тѣмъ что̀ совершалось въ Москвѣ. Извѣстія приходили неточныя, измѣняющіяся ежедневно, противорѣчащія одни другимъ. Чтобъ не лишиться бодрости при этомъ томительномъ невѣдѣніи, надо было имѣть много силы духа, и какъ всегда бываетъ въ подобномъ случаѣ, она нашлась почти у всѣхъ: почти всѣ оказались гораздо мужественнѣе и лучше, чѣмъ сами полагали себя. Тѣ, которые впадали въ уныніе и горевали о потерѣ имущества были рѣдкими исключеніями. Всякій личный интересъ дѣлался второстепеннымъ и мелкимъ въ это время. Я помню, какъ отцу моему иные знакомые приносили вѣсть, что Московскій домъ его уцѣлѣлъ, какъ другіе говорили противное (что̀ потомъ оказалось правдою) и какъ спокойно онъ слушалъ и то и это увѣдомленіе. Онъ уже зналъ, что его Смоленское имѣніе было раззорено вполнѣ, и для существованія съ семействомъ у него оставалось тогда всего на все сто рублей. Но пришлось вынести еще другое.

Отецъ мой въ молодости былъ студентомъ медицинскаго факультета въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ получилъ, окончивъ курсъ, докторскій дипломъ съ правомъ врачевать своихъ ближнихъ, но никогда этого не дѣлалъ, не желая, какъ онъ говорилъ, быть виновенъ въ смерти человѣка. Но когда, въ двѣнадцатомъ году, въ Ярославскихъ лазаретахъ стала свирѣпствовать повальная горячка, и не было врачей, онъ предложилъ услуги свои, какъ медикъ. Схо-

дивъ раза два въ госпиталь, онъ самъ заболѣлъ этой бѣдственной заразой. Тогда мать моя, прекращая сообщеніе со всѣми жильцами дома, какъ и со всѣми знакомыми и помѣстивъ меня съ сестрой и горничной въ одну изъ двухъ комнатъ нашихъ, заперлась въ другую съ больнымъ мужемъ и осталась въ ней безвыходно въ теченіи шести недѣль, не отходя ни днемъ ни ночью отъ постели, на которой онъ боролся со смертію. Войти къ нему никто изъ постороннихъ не рисковалъ, кромѣ одного съ нимъ знакомаго стараго аптекаря: ему больной, въ минуты, когда чувствовалъ себя въ памяти, заказывалъ лекарства, которыя полагалъ нужными для себя, спрашивая при томъ каждый разъ: „Не въ бреду ли я говорю?"—Что онъ выздоровѣлъ и что мать моя не заболѣла въ свою очередь, всѣ потомъ называли чудомъ.

Понятно, что это происшествіе, и все что̀ касалось его, врѣзалось мнѣ въ память, и потому что я отчасти разумѣла, въ какой опасности находился отецъ, и также потому, что во время его болѣзни я съ сестрой вела жизнь вовсе непривычную. Всѣ знакомые родителей моихъ оказывали имъ столько дружескаго участія, сколько можно было оказать, не подвергая себя заразѣ. О насъ дѣтяхъ всѣ заботились, приходили за нами поперемѣнно, и мы проводили цѣлые дни то въ томъ семействѣ, то въ другомъ. Одна графиня Строгонова не пускала насъ къ себѣ, боясь эпидеміи также черезмѣрно, какъ боялась всего что̀ могло болѣе или менѣе быть опаснымъ или вреднымъ для нея, всего даже, что̀ могло хотя мало мальски нарушить комфортъ ея жизни. Избѣгать всякой непріятной мысли и всякаго тревожнаго чувства казалось ей также естественно, какъ питаться и дышать. Во всѣхъ ея дѣйствіяхъ, мнѣніяхъ и словахъ проявлялся этотъ наивный эгоизмъ. Когда ее увѣдомили, что умеръ молодой графъ Строгоновъ, единственный сынъ ея сына, восклицаніе ея было характерическое: „Ah, le pauvre enfant! Comme je suis contente de ne pas l'avoir connu" *)!

Къ немногимъ живымъ моимъ Ярославскимъ воспоминаніямъ принадлежитъ ежедневное появленіе у насъ семейства, которое всегда и вездѣ показывалось вмѣстѣ. Глава его, monsieur Le Texier, Французъ, во время революціи переселившійся изъ Франціи въ Англію, изъ Англіи въ Германію и оттуда наконецъ какъ-то попавшій въ Россію, былъ одаренъ свойствомъ противоположнымъ застѣнчивости и способностью перешагнуть черезъ то, что̀ остановило бы другаго. Въ его разговорѣ игралъ важную роль monseigneur le margrave d'Anspach, о которомъ онъ никогда не упоминалъ безъ дополнительной фразы: „à la maison duquel j'ai eu l'honeur d'appartenir" **). Время когда онъ исполнялъ какую-то должность у этого маркграфа онъ очевидно почиталъ самой блестящей эпохой своей жизни. Жена его, Англичанка, преимущественно гор-

---

*) „Ахъ бѣдное дитя! Какъ я довольна, что его не знала" (вслѣдствіе долговременнаго разъѣзда съ мужемъ). *П. Б.*

**) Къ дому котораго я имѣлъ честь принадлежать.

дилась тѣмъ, что дочь ея была крестницей Нельсона. Эта дочь, надѣленная такимъ правомъ на знаменитость, ставила себѣ въ обязанность отличаться самой изящной граціозностью и, стараясь исполнять эту задачу, удивляла меня все снова своими ужимками и неестественнымъ голосомъ, которымъ она говорила. Она также была для меня достопримѣчательна тѣмъ, что носила постоянно, съ утра до ночи, маленькую пастушью шляпку, на которую я всегда глядѣла съ любопытствомъ, желая узнать, какимъ образомъ она была придѣлана къ головѣ. Каждый вечеръ, когда мы садились за чайный столъ, коверъ, который у двери замѣнялъ портьеру, приподнимался, и съ веселымъ восклицаніемъ: „Nous voilà!“ *) входилъ m-r Le Texier вслѣдъ за нимъ являлась жена, и вслѣдъ за ней крестница Нельсона въ своей шляпкѣ. Они поспѣшно усаживались и принимались пить чай. Потомъ происходило всегда одно и тоже. M-r Le Texier бралъ бѣлый хлѣбъ, оставшійся на столѣ и говорилъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ: „Quel bon pain! quel admirable pain! quel excellent pain! Ma foi, ce pain est si bon, que j'ai envie de le mettre dans ma poche!“ **) При послѣднемъ словѣ хлѣбъ погружался въ его карманъ. Эта манипуляція была всякій разъ сопровождаема веселымъ смѣхомъ жены его и дочери, какъ очень забавная шутка. Это семейство вовсе не находилось въ жалкой необходимости промышлять себѣ такимъ образомъ насущный хлѣбъ; но оно думало совершенно справедливо, что глупо платить деньги за вещь, когда есть средство пріобрѣсть ее даромъ.

Время шло; самая бѣдственная пора миновала; настали дни менѣе тягостные. Москва сдѣлалась пепелищемъ, но въ ней уже не было Наполеона. Дышалось легче; начинали полагать возможнымъ сокрушеніе этой силы, до тѣхъ поръ непреодолимой. Сообщали другъ другу вѣсти ободрительныя; съ каждымъ новымъ днемъ узнавали о новыхъ успѣхахъ. Мнѣ помнится, какъ прояснивалось болѣе и болѣе каждое лице около меня, какъ разговоры становились все живѣе.—Помнятся мнѣ также странные люди, ходящіе по улицамъ, жалкія, ободранныя фигуры, о которыхъ мнѣ говорили, что это Французскіе плѣнники. Одинъ изъ нихъ особенно поразилъ меня. Вся его одежда состояла изъ стараго одѣяла; онъ носилъ его необыкновеннымъ образомъ, прорѣзавъ въ серединѣ дыру, въ которую была просунута голова его.

Упоминая объ этихъ плѣнныхъ, передамъ кстати два факта, сообщенные мнѣ гораздо позже. Ставлю ихъ рядомъ именно по совершенному ихъ контрасту. Одинъ старый мужикъ, разговорившись разъ со мной о двѣнадцатомъ годѣ, разсказалъ мнѣ между прочимъ и слѣдующее. „Вотъ, матушка, какъ наступилъ морозъ, и Французамъ стало не въ моготу отъ холода и голода, всѣ они и разбре-

*) Вотъ мы!

**) Какой хорошій хлѣбъ, какой удивительный хлѣбъ, какой превосходный хлѣбъ. Ей, ей, хлѣбъ этотъ такъ хорошъ, что мнѣ хочется положить его къ себѣ въ карманъ.

лись, какъ стадо, кто туда, кто сюда, какъ попало. Куда удаль дѣвалась! Только бы уйти отъ нашихъ. Тащатся по дорогамъ, истощалые, а другіе почитай ужъ и ногъ не волочатъ. Вотъ, бывало и наткнемся мы парни на одного, возмемъ и приведемъ въ деревню; такъ бабы-то его и купятъ у насъ за пятакъ: сами хотятъ убить. Ну бабье ли это дѣло?—Одна пырнетъ ножемъ, другая колотитъ кочергой, опять другая тычетъ веретеномъ; мучаютъ, мучаютъ, инда жалко станетъ глядя; подойдешь да хватишь его порядкомъ топоромъ по головѣ. А онѣ-то ну ругаться, зачѣмъ молъ не далъ имъ самимъ убить до смерти".

Вслѣдъ за этимъ, по несчастью, достовѣрнымъ разсказомъ долженъ найти мѣсто другой, который также относится къ тогдашнимъ взятымъ въ плѣнъ непріятелямъ и также достовѣренъ. Онъ былъ сообщенъ очевидцами Т. Н. Грановскому и имъ переданъ мнѣ.

Въ Орелъ, гдѣ жило семейство Грановскаго, привезено было много плѣнныхъ Французовъ, большею частью раненыхъ, и въ самомъ жалкомъ состояніи. Одна бѣдная Орловская мѣщанка, повивальная бабка, увидя этихъ несчастныхъ, испросила позволеніе взять нѣкоторыхъ изъ нихъ къ себѣ въ домъ и, выбравъ пять человѣкъ изъ тѣхъ, которые всего болѣе нуждались въ помощи, принялась ходить за ними и снабжать ихъ всѣмъ необходимымъ. Истративъ на нихъ все что̀ имѣла, до послѣдняго рубля, она, не рѣшаясь и тогда покинуть ихъ, стала обходить городъ нищею и полученными подаяніями продолжала содержать призрѣнныхъ ею бѣдняковъ. Когда же ихъ, съ другими плѣнниками, отправили дальше, эта простодушная женщина разбила всю посуду, изъ которой они у нея ѣли и пили, потому что этихъ людей, о которыхъ такъ заботилась и которымъ помогала съ такимъ самоотверженіемъ, она полагала погаными. Не знаю, можно ли найти примѣръ чувства болѣе истинно-христіанскаго?

Наконецъ убѣжденіе, что опасность миновала стало общимъ, и всѣ нашедшіе пріютъ въ Ярославлѣ, стали говорить о возвращеніи въ Москву. Вездѣ слышался вопросъ: Когда вы ѣдете?—Мы также стали собираться въ обратный путь. Московскій нашъ домъ былъ истребленъ пожаромъ до тла; надо было пріискать какое нибудь жилье,—дѣло въ то время довольно затруднительное. Забота отца моего на этотъ счетъ была прекращена предложеніемъ, сдѣланнымъ ему графиней Строгоновой помѣститься, на первый срокъ, во флигелѣ большаго ея дома на Тверскомъ бульварѣ *). Весною мы отправились изъ Ярославля. Эта возвратная поѣздка не оставила во мнѣ никакихъ воспоминаній, кромѣ одного, въѣзда нашего въ Москву. Я была менѣе поражена видомъ ея разрушенія, чѣмъ грустью изображающейся на лицѣ отца и матери, пока мы ѣхали по улицамъ. Помню, какъ нянька, возлѣ которой я сидѣла въ каретѣ, испуганнымъ взоромъ глядѣла изъ оконъ на право и на лѣ-

*) Нынѣ барона Корфа, близь Тверскихъ воротъ. *П. Б.*

во, и при каждомъ обгорѣломъ домѣ, при каждомъ пепелищѣ и пустырѣ, крестилась и повторяла съ ужасомъ: Господи! Господи!

Въ новомъ нашемъ жилищѣ, Тверской бульваръ, лежащій передъ окнами занятыхъ нами комнатъ, сдѣлался для меня предметомъ самымъ интереснымъ и привлекательнымъ. Онъ каждый вечеръ былъ наполненъ гуляющими. Послѣ перенесеннаго народнаго бѣдствія, послѣ тяжкихъ заботъ и тревогъ, чувствовали потребность всякаго рода развлеченій. Сходились охотно; было о чемъ потолковать. Извѣстія о новыхъ успѣхахъ нашихъ войскъ одушевляли Московское общество, и оно прохаживалось веселой толпой по Тверскому бульвару среди полуразрушенной столицы. Дамы рядились на перерывъ по тогдашней модѣ, которую мы позднѣе всѣ называли въ высшей степени уродливой. Между прочимъ появились тогда и быстро размножились какія-то необыкновенныя дамскія шляпки, вѣроятно гораздо менѣе нелѣпыя тѣхъ, которыя носятъ наши теперешнія щеголихи. Въ одинъ прекрасный вечеръ, извѣстный шутъ Иванъ Савельичь явился въ такой шляпкѣ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ ихъ было болѣе чѣмъ когда либо, и важно прошелся по немъ нѣсколько разъ, кивая головой своимъ знакомымъ, то есть всему тамъ собравшемуся обществу. На другой день ни на одной женской головѣ въ Москвѣ не видать было подобной шляпки, и онѣ исчезли навсегда.

Иванъ Савельичъ, этотъ послѣдній Московскій шутъ, былъ вхожъ во всѣ аристократическіе дома. Онъ часто навѣщалъ графиню Строгонову, которую онъ называлъ Катькой, и она всегда принимала его какъ желаннаго гостя. Я не могла постигнуть, почему съ нимъ обращались такъ ласково и находили такъ забавнымъ то, что̀ онъ говорилъ. Мнѣ онъ казался несноснымъ, и я глядѣла на него съ непреодолимымъ отвращеніемъ, неясно и безотчетно понимая жалкое ремесло этихъ шутовъ, которыхъ деспотическіе вельможи прежнихъ временъ, въ надменномъ издѣваніи надъ идеею народныхъ правъ, дѣлали каррикатурой независимаго человѣка и забавлялись такой безнравственной пародіей равенства, имъ ненавистнаго.

Графиня Строгонова, возвратившись изъ Ярославля въ одно время съ нами, уѣхала на лѣто, по своему обыкновенію, въ свое прекрасное Братцово, взявъ съ матери моей непремѣнное обѣщаніе провести тамъ у ней хоть нѣсколько недѣль. Звать мать мою значило звать и дѣтей ея, съ которыми она никогда не разставалась. Узнавъ объ этомъ приглашеніи, я ежедневно спрашивала, скоро ли мы поѣдемъ. Мое любопытство было сильно возбуждено: при мнѣ часто говорили о прелестяхъ Братцова; но въ чемъ именно состояли эти прелести, я не могла ясно вообразить. Не бывавъ еще никогда въ деревнѣ, я не имѣла понятія о наслажденіяхъ загородной жизни и не была вполнѣ убѣждена, что мнѣ тамъ будетъ такъ весело, какъ увѣряли. Но когда я очутилась въ обширномъ паркѣ, окруженномъ рощами и полями, гдѣ можно было бѣгать по волѣ, какъ далеко хотѣлось—мною овладѣлъ несказанный восторгъ, и съ

этаго дня сельская жизнь сдѣлалась предметомъ моей страстной любви. Я съ тѣхъ поръ не посѣщала Братцова и не сохранила ни малѣйшаго воспоминанія о томъ, какъ былъ расположенъ пространный Англійской садъ вокругъ дома и чѣмъ онъ былъ такъ хорошъ; помню только упоительное чувство безграничнаго наслажденія, съ которымъ я въ немъ гуляла. Среди этого раздолья съ какимъ презрѣніемъ я думала о Тверскомъ бульварѣ! Графиня Строгонова не понимала возможности вести жизнь хоть отчасти уединенную. Насущный хлѣбъ былъ для нея не столько нуженъ, сколько насущное общество. Въ Братцовѣ всегда гостили нѣсколько ея знакомыхъ. Изъ тѣхъ, которые тамъ были въ одно время съ нами, помню одну старую княжну Хованскую, которую я называла la grosse princesse и находила вовсе непривлекательной. Пріѣзжали и многіе гости къ обѣду или на вечеръ. Съ особенной предупредительностью со стороны графини и съ особымъ почетомъ со стороны ея домашнихъ былъ всегда принятъ Иванъ Николаевичъ Корсаковъ, важный видъ котораго меня поражалъ. Услыша, что онъ когда-то славился своей красотой, я получила очень дурное мнѣніе о вкусѣ людей того времени. Эта изсохшая фигура казалась мнѣ вовсе некрасивой.

Вскорѣ послѣ моего прибытія въ Братцово я была крайне изумлена тѣмъ что̀ произошло въ одну ночь. Меня съ матерью, возлѣ которой я спала, разбудилъ стукъ въ дверь. На вопросъ матери, кто стучится? послышался голосъ Александры Евграфовны, la demoiselle de compagnie графини: „Извините, что я васъ безпокою. Графиня проситъ васъ пожаловать къ ней какъ можно скорѣе!“ — „Что же случилось?“ спросила испуганная мать моя. — „Начинается гроза; графиня очень опасается! Сдѣлайте милость, пожалуйте скорѣй!“ — Мать моя, отправивъ Александру Евграфовну съ отвѣтомъ, что тотчасъ сойдетъ и не понимая, какимъ образомъ она могла быть для графини защитой отъ грозы, начала поспѣшно одѣваться. Maman, возми меня съ собой! закричала я, соскочивъ съ постели. Мать согласилась. Это было обыкновенное послѣдствіе просьбъ моихъ.—Въ спальнѣ графини мы нашли всѣхъ дамъ, пребывающихъ тогда въ Братцовѣ. Въ канделабрахъ горѣли всѣ свѣчи, ставни оконъ были крѣпко затворены. Среди комнаты, обитой штофомъ, устланной шелковымъ ковромъ, стояла, на стеклянныхъ ножкахъ, кровать, тяжелая, шелковая, занавѣсь которой была продѣта у потолка въ толстое стеклянное кольцо. На этой, такимъ образомъ по возможности изолированной, кровати лежала графиня, на шелковомъ одѣялѣ, въ шелковомъ платьѣ, съ шелковой повязкой на глазахъ, вскрикивала при каждомъ громовомъ ударѣ и въ промежуткахъ повторяла умоляющимъ голосомъ: „Говорите! говорите что̀ вамъ угодно; только ради Бога говорите!“ Это была для меня сцена вовсе неожиданная и странная до невѣроятности. Пріученная отцомъ не бояться грозы и смотрѣть на нее какъ на великолѣпное зрѣлище, я сидѣла возлѣ матери въ невыразимомъ удивленіи и въ самодовольномъ тайномъ сознаніи моей безбоязненности. Я глядѣла то на графиню, полубезумную отъ ужаса, то на

окружающихъ ее. Княжна Хованская, прижавшись въ уголъ, была также въ незавидномъ состояніи духа. Ей тоже хотѣлось кричать при раскатахъ грома; но, изъ почтенія къ графинѣ, она позволяла себѣ только слабый визгъ. При каждой грозѣ вся эта исторія повторялась. Возможность какой нибудь опасности ужасала графиню до степени неимовѣрной. Она сама называла себя величайшей трусихой въ мірѣ и казалась очень довольна этимъ превосходствомъ.

Возвратясь изъ Братцова, мы осенью переѣхали въ домъ, нанятый отцомъ моимъ. Мнѣ помнится, что я находила совершенно справедливымъ мнѣніе о непріятности частой перемѣны жительства. Мнѣ надо было уложить и потомъ снова привести въ порядокъ всю мою собственность, помѣщенную въ ящикѣ стола.

Эта зима совершенно изгладилась изъ памяти моей, за то во мнѣ осталось самое живое воспоминаніе слѣдующаго лѣта. Съ безграничной радостью я узнала, что проведу его не въ городѣ; что есть вблизи отъ Москвы Петровское-Разумовское, прекрасное мѣсто, гдѣ мы поселимся на лѣтнее время. И не даромъ я радовалась. Я не помню дней болѣе исполненныхъ дѣтскимъ счастіемъ какъ тѣ, которые въ Петровскомъ-Разумовскомъ прожила восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Въ этомъ возрастѣ мы, можетъ быть, всего способнѣе наслаждаться жизнію; для насъ существуютъ уже не одни матеріяльныя удобства: въ насъ пробудилась способность, которою въ мірѣ одаренъ лишь человѣкъ, понятіе прекраснаго. Мы уже любуемся великолѣпіемъ природы и ея чудесными видоизмѣненіями; мы постигаемъ ея поэзію, мы уже чувствуемъ себя существомъ разумнымъ, и между тѣмъ живемъ еще вполнѣ въ настоящемъ и сохраняемъ высшую благодать дѣтства, ясную его беззаботность.

Въ Петровскомъ я блаженствовала еще гораздо болѣе, чѣмъ въ Братцовѣ. Не было тутъ никакой графини, которую надлежало не безпокоить; не было салона, въ которомъ слѣдовало сидѣть смирно. Паркъ былъ еще обширнѣе и лучше Братцовскаго; я вступала въ него какъ въ какое-то волшебное царство, шла съ восхищеніемъ по величавымъ аллеямъ вѣковыхъ липъ, гдѣ было такъ таинственно-темно, и не допускала возможности, чтобы въ мірѣ было счастье болѣе совершенное того, которое я вкушала.—Можетъ быть, я и не ошибалась.

Въ этомъ паркѣ были для меня и наслажденія другаго рода. Нерѣдко показывался вдали и приближался быстрымъ шагомъ человѣкъ невысокаго роста, съ добродушнымъ смуглымъ лицемъ. Это былъ мой пріятель, главный садовникъ Рашъ. Его появленіе всегда радовало меня: я предвидѣла послѣдствія нашей встрѣчи. Увидя меня, онъ подходилъ, кивавъ мнѣ головой, опускалъ руку въ карманъ, вынималъ изъ него связку ключей и, позвенивая ими, направлялъ шаги свои, безъ другихъ объясненій, къ части парка мнѣ знакомой, куда я очень охотно слѣдовала за нимъ. Мы доходили до длинной шармильи, за которой находилась зеленая рѣшетка съ узкой дверью. Рашъ отпиралъ ее, впускалъ меня, и я стояла передъ безчисленными грядами клубники. Рашъ отыскивалъ тамъ какой ни-

будь кузовъ и, давъ мнѣ его въ руки, удалялся со словами: „Черезъ полчаса я вернусь; чтобъ онъ тогда былъ полонъ". Такимъ онъ всякій разъ находилъ его, возвратившись, и тогда говорилъ: „Ну, теперь несите его домой, опорожните и пришлите назадъ". Я также и это всегда исполняла въ точности. Набирать клубнику было, разумѣется, гораздо веселѣе, чѣмъ потомъ ѣсть ее.

Въ слѣдующемъ году я опять была счастливой обитательницей Петровскаго; тамъ я нашла всѣ тѣже причины блаженствовать въ полной мѣрѣ. Мой паркъ (онъ рѣшительно казался мнѣ моимъ) былъ едва ли не еще прекраснѣе, чѣмъ годъ тому назадъ; мой пріятель Рашъ былъ еще любезнѣе и внимательнѣе ко мнѣ и придумывалъ разныя чудеса, которыя внезапно совершались вокругъ меня. Я почти каждый день находила въ нашихъ комнатахъ то огромный букетъ, то корзину наполненную отличными фруктами, очутившіеся тутъ на столѣ неизвѣстнымъ образомъ. Помню, какъ я разъ вскрикнула въ восторгѣ, входя утромъ въ садикъ принадлежащій къ нашей квартирѣ: онъ имѣлъ совсѣмъ другой видъ, чѣмъ наканунѣ вечеромъ и былъ усаженъ прекрасными цвѣтами. Помню другое утро, въ которое я, просыпаясь, увидѣла около кровати моей высокіе розаны, наклоняющіе надо мной цвѣтущія вѣтки свои. Всѣ эти нежданныя радости казались мнѣ совершенно въ порядкѣ вещей. Почему же мнѣ было и не встрѣчать, съ каждымъ новымъ днемъ, какое нибудь новое нечаянное счастье? Съ наступающей осенью прекратилось для меня надолго раздольное сельское житье. Потомъ мы, въ теченіи многихъ лѣтъ, не имѣли загороднаго жилища, и мнѣ только иногда случалось побывать въ деревнѣ на короткій срокъ.

Я возвратилась изъ Петровскаго, не зная, что покидала его навсегда. — Лѣтъ десять позднѣе я съ знакомыми поѣхала туда погулять. Петровскимъ, царскимъ подаркомъ графу Разумовскому, владѣлъ аптекарь Шульцъ. Паркъ уже былъ обезображенъ, аллеи уничтожены, столѣтнія липы истреблены. Въ дарственной записи, пожалованной графу, было сказано, что рубить деревья, украшающія дачу, запрещается навсегда ея владѣльцамъ, и что Петровское можетъ перейти въ другія руки лишь съ этимъ непремѣннымъ условіемъ. Оно и не было нарушено; не срубили ни одного дерева въ помѣстьи: ихъ преспокойно пилили.

1816-тый годъ сдѣлался для насъ грустно-памятенъ: въ началѣ весны умерла сестра моя. Она была чрезвычайно красивое дитя; милое, кроткое ея лице, вокругъ котораго вились бѣлокурые, чудесные кудри, поражало, во время нашихъ прогулокъ, всѣхъ проходящихъ, и многіе останавливались передъ ней, любуясь ею. До смерти ея я никогда не видала глубокой скорби; тутъ я познакомилась съ нею, глядя на отца и на мать. Ихъ горе я, разумѣется, постигнуть не могла; то, которое я чувствовала, было неупорное горе девятилѣтняго ребенка; но эту-то разницу между ихъ чувствомъ и моимъ я поняла и догадалась, что въ нихъ многое было для меня недоступно. Эта мысль залегла мнѣ странно въ душу.

Продолжать жить въ домѣ, гдѣ умерла дочь, было тяжко для родителей. Они желали переѣхать на другую квартиру. Нашлась очень удобная, нечаяннымъ образомъ. Отецъ мой оставался вѣренъ своему намѣренію не брать на совѣсть врачеванія больныхъ и никого не посѣщать въ качествѣ медика. Отъ этого правила онъ, однако, возвратясь въ Москву, нехотя согласился отступить, въ отношеніи къ одной старинной знакомкѣ, которая, имѣя почему-то высокое мнѣніе о его медицинскомъ знаніи, упросила его быть ея врачемъ. На его увѣреніе, что, при ея здоровьѣ, врачъ ей вовсе не нуженъ, она отвѣчала, что если и нѣтъ потребности лечиться, доктора имѣть надо же, и что она хочетъ отца моего, а не другаго. Въ слѣдствіе этого онъ принялъ на себя обязанность раза два въ недѣлю проводить у ней полчаса въ разговорѣ о погодѣ и о томъ что̀ дѣлалось въ Москвѣ. О какомъ нибудь врачеваніи и помину не было. На свое здоровье она никогда не жаловалась. Узнавъ, что отецъ мой хотѣлъ искать квартиру, она предложила ему верхній этажъ своего дома, говоря, что ей будетъ пріятно извлечь пользу изъ этого ненужнаго ей этажа, и при томъ быть такъ вблизи отъ своего доктора. Противъ предложеннаго жилья возразить было нечего, и вскорѣ мы въ него переселились.

Мой умъ былъ тогда уже болѣе способенъ сохранять впечатлѣнія, имъ получаемыя. Мнѣ помнится ясно все окружающее меня въ то время: большой этотъ домъ, два паралельные сада передъ нимъ, раздѣленные дорогой, которая вела къ подъѣзду; за домомъ огромный дворъ. Видъ его, въ морозную ночь, когда онъ, при лунномъ сіяніи, лежалъ свѣтлый и пустой, былъ для меня неизъяснимо-привлекателенъ. Я по цѣлымъ часамъ глядѣла на него изъ окна залы, и когда меня спрашивали, на что я гляжу, отвѣчала: „Такъ; ни на что!“ Да что же тамъ и было?

„Бѣлая равнина,
„Полная луна!“

Болѣе и яснѣе всего помнится мнѣ хозяйка дома, Наталья Андреевна Карпова.

Она, также какъ графиня Строгонова, была женщина 18-го столѣтія; но графиня походила болѣе на Версальскую графиню двора Маріи Антуанеты, нежели на Русскую; Наталья Андреевна, напротивъ, не выѣхавшая ни разу изъ Россіи, осталась вполнѣ и безъ всякой примѣси заграничнаго элемента Русскою барынею прошлаго вѣка. Видную, рослую эту фигуру я и теперь могла бы нарисовать. Она всегда была одѣта въ шелковое платье каштановаго цвѣта и старинная покроя; на голову надѣвала разныя мудреныя куафюры Екатерининскихъ временъ; румянилась, какъ въ царствованіе великой императрицы было принято румяниться, накладывая румяны на щеки яркими, неестественными пятнами, и прилѣпляла одну мушку вблизи лѣваго глаза, не рѣшаясь покинуть вполнѣ прежнее украшеніе своего лица. Въ домѣ своемъ она имѣла все что̀ слѣдовало и что̀, по ея мнѣнію, имѣть въ домѣ было необходимо: свою

церковь, своихъ пѣвчихъ, своихъ швей, своего портнаго, своего башмачника, своего обойщика, своего столяра. Все прочее домашнее устройство было также какъ слѣдовало. Челядь безчисленная, толпа горничныхъ подъ начальствомъ барской барыни, особая комната для болонокъ и для приставленныхъ къ нимъ дѣвушекъ; у каждой двери господскихъ покоевъ огромный малый.

Понятія Натальи Андреевны были большей частью для меня совершенно новы. Встать съ креселъ и сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобы взять потребную ей вещь, она почитала дѣйствіемъ неприличнымъ и обращалась къ малому у двери съ приказаніями, какъ то, которое разъ было отдано при мнѣ: „Человѣкъ! скажи рябой Аннѣ, чтобы она прислала русую Анну подать мнѣ вѣеръ". Вѣеръ лежалъ на столѣ въ той же комнатѣ. — Не знаю, старалась ли она когда нибудь объяснить себѣ, какимъ образомъ можно существовать, не имѣя, по крайней мѣрѣ, полдюжины слугъ Я слышала, какъ, разговаривая съ матерью моей о двѣнадцатомъ годѣ, она ей свою тогдашную напасть разсказала слѣдующими словами: „Вообразите, что̀ со мной было! Я наскоро уѣхала изъ Москвы въ свое помѣстье и принуждена была тамъ остаться, а въ домѣ не было у меня людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ я привезла съ собой: два человѣка и три горничныя. Представьте себѣ мое положеніе!"

Меня Наталья Андреевна очень полюбила и почти каждый день посылала за мной. Она мало выѣзжала и мало имѣла знакомыхъ, а родни никого, кромѣ одного племянника, который жилъ въ Петербургѣ и навѣщалъ ее изрѣдка. Я для нея была развлеченіемъ. Дѣти легко мирятся со всѣмъ что̀ для нихъ непрявычно и ничему долго не удивляются; я вскорѣ, своей ребяческой логикой, заключила, что у Натальи Андреевны должно быть такъ, а у насъ должно быть иначе. Но все таки тѣмъ, что̀ мнѣ у нея случалось видѣть и слышать, я нерѣдко смущалась. Такъ я однажды была свидѣтельницей одного intermezzo въ гостиной Натальи Андреевны.

Слуга, подавая чай, стоялъ передъ ней съ подносомъ въ рукахъ. Наливая сливки въ чашку, она обратилась къ нему съ вопросомъ: „Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты такъ трясешь подносомъ?".—Фиделька больно ноги кусаетъ, ваше превосходительство — „Великая бѣда, мой милый, что Фиделька тебѣ ноги кусаетъ! Должно ли изъ этого трясти подносомъ, когда ты подаешь мнѣ чай?" Это было сказано такъ простодушно, что я отъ удивленія осталась недвижна, смотря на Наталью Андреевну.

При всѣмъ томъ она была женщина добрая. Можно ли было ставить ей въ вину, что она родилась и осталась въ средѣ, въ которую не проникали иныя понятія? Кто же изъ гражданъ древняго Рима упрекалъ жену, сестру или дочь свою, когда она, наряжаясь, втыкала булавки въ грудь своей невольницы?

Мы прожили нѣсколько лѣтъ въ домѣ Натальи Андреевны. При каждомъ возвращеніи весны, я вспоминала о наслажденіяхъ бывалой сельской жизни моей. Небольшое зеленое пространство двухъ

садовъ передъ домомъ было жалкой замѣной луговъ и парка незабвеннаго для меня Петровскаго. Иногда, въ теченіи лѣта, намъ случалось побывать, на короткое время, у знакомыхъ въ деревнѣ, что̀, разумѣется, для меня всегда было радостное событіе. Тамъ я между прочимъ увидѣла образчикъ быта вовсе другаго, чѣмъ барскій бытъ Натальи Андреевны, но быта также для меня новаго. Случайно съ нами познакомился богатый купецъ Чериковъ и, въ слѣдствіе настоятельной просьбы его, мать моя со мною провела нѣсколько дней у него въ гостяхъ, въ прекрасной недавно купленной имъ подмосковной. Тутъ я была свидѣтельницей существованія чисто-матеріяльнаго и убѣдилась, что человѣческій желудокъ дѣйствительно можетъ пріобрѣсть способность принимать пищу почти безпрерывно. Единственная забота въ этомъ домѣ состояла въ томъ, чтобы поддерживать такое усовершенствованіе желудка, и эта забота была постоянная. Утромъ, въ восемь часовъ, подавали чай и кофей, съ калачами, сайками, витушками и разнымъ другимъ печеніемъ. Истребленіемъ всего этого припаса семейство занималось болѣе часа, выпивая чашку за чашкой, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой. Въ десять часовъ подавалась, подъ названіемъ перваго завтрака, простокваша въ сопровожденіи пирожковъ; въ двѣнадцать часовъ подавался второй, серьезный завтракъ, изъ котораго можно было составить два сытные обѣда; онъ длился около часа; за нимъ слѣдовалъ чай, въ своемъ качествѣ напитка, споспѣшествующаго пищеваренію. Въ третьемъ часу подавалась закуска; въ три часа начинался и продолжался до половины пятаго торжественный обрядъ обѣда, за которымъ слѣдовали, разумѣется, опять кофей и чай. Тотчасъ потомъ (времени оставалось уже немного, терять его нельзя было) столъ въ гостиной былъ уставленъ фруктами и разными наливками. Въ восьмомъ часу подавался чай, вечерній, чай an sich, und für sich, съ изобиліемъ печенія, какъ утромъ; вслѣдъ за нимъ ставили на столъ всевозможныя варенья, для пріятнаго препровожденія времени до ужина, за которой садились въ десять часовъ.

Но при всѣхъ этихъ мѣрахъ, взятыхъ противъ праздности, все таки оставались, въ теченіи дня, часа два-три незанятыхъ; ихъ употребляли на то, чтобы пройтись по обширному саду, преимущественно направляя шаги въ ту сторону, гдѣ было отведено мѣсто для ягодъ и овощей. Тутъ члены семейства лакомились мимоходомъ малиной и крыжовникомъ, или взятымъ съ парника огурцомъ. Отецъ-Чериковъ предпочиталъ подкрѣпляться инымъ во время прогулки: онъ обходилъ садъ въ сопровожденіи мальчика лѣтъ тринадцати, идущаго за нимъ вслѣдъ съ подносомъ въ рукахъ, на которомъ, рядомъ съ рюмкой, стоялъ большой графинъ мадеры. Послѣ пятиминутнаго гулянья старый купецъ останавливался, мальчикъ подходилъ съ подносомъ, старикъ наливалъ себѣ рюмку мадеры, выпивалъ и шелъ дальше. Каждыя пять минутъ это повторялось. По истеченіи часа, прогулка была кончена, и графинъ былъ пустъ.

Погостивъ тамъ недѣлю, я возвратилась домой, не зная, можно ли было назвать этихъ людей счастливыми? Что по своему мнѣнію они вполнѣ блаженствовали, въ томъ не было никакого сомнѣнія.

Оставаясь единственнымъ ребенкомъ въ отцевскомъ домѣ, я привыкла къ этому одиночеству. Домашняя жизнь наша была тиха и однообразна. Годы отрочества проходили для меня безъ слѣдовъ. Не было ничего особенно мнѣ пріятнаго и радостнаго, не было также ничего и особенно докучнаго; развѣ иные уроки, которые брать я была принуждена и по возможности старалась избѣгать. Къ числу недобровольныхъ моихъ занятій принадлежало содѣйствіе, которое отецъ мой, страстный астрономъ, требовалъ отъ меня, когда онъ вечеромъ садился за свой телескопъ. При наблюденіяхъ, въ то время его занимающихъ, было нужно употребленіе хронометра. Это дѣло поручалось мнѣ; велѣно было глядѣть на него неотступно до знака, даннаго отцомъ словами: Разъ!—два!—три! и при послѣднемъ словѣ замѣтить секунду на циферблатѣ. Я принималась за должность, слѣдя пристальнымъ взоромъ за секундовой стрѣлкой; но условнаго сигнала приходилось иногда ждать долго; пора была поздняя, взоръ становился неясенъ, вѣки опускались. Мнѣ какъ издали слышались произнесенныя съ разстановкой слова: Разъ!—два! и послѣ короткаго молчанія восклицаніе: „три!", при которомъ я вздрагивала. „Сколько секундъ?" спрашивалъ отецъ, оборачиваясь. Я въ просонкахъ терла глаза. Отецъ вскакивалъ въ досадѣ со стула, и я убѣгала, не дожидаясь его упрековъ.

Проживъ такъ почти четыре года жильцомъ старой знакомки своей, отецъ мой, который до тѣхъ поръ говорилъ смѣясь, что онъ согласился быть врачемъ одной больной только потому, что она совершенно здорова, сталъ нѣсколько сомнѣваться въ здоровьи Натальи Андреевны и болѣе за ней примѣчать, часто повторяя при мнѣ: „Не понимаю что̀ съ ней! Организмъ чѣмъ-то разстроенъ, пульсъ ускоренъ и неправиленъ, выраженіе лица измѣнилось, а между тѣмъ она ни на что не жалуется, и нѣтъ признаковъ какой бы то ни было болѣзни". Черезъ нѣкоторое время онъ рѣшился сказать Натальѣ Андреевнѣ о своемъ желаніи посовѣтоваться съ другимъ медикомъ на счетъ ея здоровья. Она отвѣчала, что объ этомъ и слышать не хочетъ, что гдѣ нѣтъ болѣзни, не о чемъ и совѣтоваться. „Мнѣ, батюшка, шестьдесятъ пять лѣтъ, вотъ и все; а отъ этого меня никто не вылечитъ". Другаго не было отвѣта на всѣ просьбы и увѣщанія. Мѣсяца три позднѣе она слегла, также упорно отказываясь отъ всякаго врачеванія и утверждая, что вовсе не больна. Въ одно утро съ ней сдѣлался обморокъ, и тутъ только суетившіяся вокругъ нея горничныя увидѣли, что лѣвая грудь ея была совершенно истреблена страшнымъ ракомъ. Съ этимъ извѣстіемъ вбѣжали къ отцу моему; онъ поспѣшно сошелъ къ больной и возвратился къ намъ въ изумленіи, убѣдившись въ томъ, чему вѣрить не хотѣлъ. Оно было дѣйствительно такъ. Эта избалованная барыня, которой малѣйшее неудобство было въ тягость, вынесла, въ продолженіи годовъ, терзающую боль, не позволяя себѣ ни единаго вопля. Эта женщина, которая сама не брала вѣера со

стола, которая ни за что бы не дотронулась до паука, мыла украдкой, запершись въ своей спальнѣ, перевязки покрытыя отвратительными слѣдами ея раны и съумѣла утаить отъ всѣхъ своихъ горничныхъ эту смертельную язву. Видаясь ежедневно съ медикомъ, въ искусство котораго вѣрила вполнѣ, она имѣла силу духа не измѣнить себѣ ни разу, не просить помощи и облегченія боли, убивающей ее! И все это изъ стыдливости, для того, чтобы не подвергнуться необходимости обнажить грудь свою передъ врачемъ,— грудь шестидесятилѣтней старухи! Можно это назвать безуміемъ, но нельзя не признать героизма своего рода въ женщинѣ, которая, ожидая неминуемую близкую и мучительную смерть, до самаго конца не позволяетъ себѣ малѣйшаго несоблюденія приличій, самаго незначительнаго отступленія отъ привычнаго порядка, ни разу не забываетъ украсить свою одежду надлежащей лентой, нарумянить щеки и прилѣпить на лице мушку.

О медицинской помощи тутъ нечего было и думать. Черезъ нѣсколько дней Наталья Андреевна умерла. Подробности ея смерти скрыли отъ меня съ очевиднымъ стараніемъ. Послѣднія ея страданія были, вѣроятно, ужасны.

Петербургскій ея племянникъ продалъ доставшійся ему въ наслѣдство домъ, и весной мы выѣхали изъ него. Мнѣ помнится, какъ, въ теченіи послѣднихъ недѣль, нами тамъ проведенныхъ, я была смущена, видя, что все устройство, ни въ чемъ неизмѣненное покойницей въ продолженіи болѣе полувѣка, было наслѣдникомъ вдругъ поставлено вверхъ дномъ; и я замѣчала съ великимъ удивленіемъ, что, кромѣ меня, никто этому не удивлялся.

Съ началомъ лѣта начался для меня новый бытъ: я вдругъ очутилась въ другой средѣ и въ сношеніяхъ съ другими лицами. Старый князь П. П. Одоевскій, съ которымъ отецъ мой былъ знакомъ съ молодости своей, настоялъ на томъ, чтобы мы заняли, на лѣтнее время, флигель его такъ называемаго загороднаго дома, близъ Прѣсненскихъ прудовъ. Это была, съ давнихъ поръ, его привычная villagiatura.

Князь П. П. Одоевскій, тогда уже восьмидесятилѣтній, былъ типъ самыхъ любезныхъ вельможъ прежнихъ временъ, тѣхъ людей, которые ставили себѣ въ обязанность до совершенства доведенное *savoir vivre*. Въ князѣ оно было основано не на однихъ изученныхъ условныхъ формахъ: чувствовалось, что у него эти формы были выраженіемъ сердечнаго доброжелательства ко всѣмъ и каждому.

Есть натуры, которыя безсознательно отталкиваютъ и тогда, когда онѣ этого вовсе не имѣютъ въ виду: всѣ ихъ пріемы и поступки отзываются чѣмъ-то оскорбляющимъ, ихъ вѣжливость непріятна, какъ сахаръ, въ который попалъ песокъ. Есть другія особы (ихъ очень немного), которыя каждому, съ кѣмъ находятся въ общественныхъ сношеніяхъ, внушаютъ постоянно какую-то душевную признательность, не имѣющую никакой опредѣленной причины. Князь П. П. Одоевскій былъ изъ небольшаго числа этихъ послѣднихъ людей.

Я съ нимъ тотчасъ же ужилась какъ нельзя лучше. Видѣть вокругъ себя дѣтей и разцвѣтающую молодежь осталось для него потребностью до самаго конца жизни. У него въ дому были, подъ надзоромъ пожилой дамы, всегда двѣ-три воспитанницы, бѣдныя сироты, которыхъ онъ обезпечивалъ, образовывалъ и выдавалъ за мужъ. На ихъ мѣсто поступали немедленно другія.

Такимъ образомъ я тутъ нашла сверстницъ и, разумѣется, подружилась съ ними какъ нельзя больше и видалась ежедневно. Одна изъ нихъ мнѣ особенно памятна; ее я предпочитала другимъ. Это было милое, кроткое существо, неспособное къ борьбѣ съ судьбою, исполненное тихой, преждевременной грусти. Она понимала, что, при всемъ ей оказанномъ покровительствѣ и благодѣтельномъ попеченіи о ней, она, сирота, была лишена счастья, которымъ надѣленъ, въ отцовскомъ дому, бѣднѣйшій ребенокъ. Она иногда говорила мнѣ о томъ, какъ тяжко ей слышать, что вскорѣ надо будетъ ее *пристроить*; какъ страшно для нея это выраженіе. — Разставшись съ ней, я не узнала, какъ ее пристроили и что̀ съ ней потомъ было.

Она двумя годами была старше меня. Съ нею я вела тихія бесѣды, съ другими рѣзвилась въ запуски. Князь безпрестанно придумывалъ разныя удовольствія для насъ дѣвочекъ, устроивалъ намъ забавы, былъ тѣмъ довольнѣе, чѣмъ больше мы шумѣли и, опираясь на своего камердинера, приходилъ къ намъ и спрашивалъ: весело ли намъ?

Я не встрѣчала аристократа болѣе симпатическаго. Онъ былъ *grand seigneur* въ лучшемъ значеніи этого слова. Какъ онъ всегда и во всякомъ случаѣ оказывался такимъ, мнѣ домашніе его часто разсказывали. Помѣщаю здѣсь одинъ анекдотъ.

Многочисленное общество было въ одинъ вечеръ созвано у князя на балъ. Праздникъ шелъ своимъ порядкомъ и былъ очень оживленъ. Когда наступило время ужина, князь повелъ своихъ гостей въ столовую, выражая имъ свое сожалѣніе, что принужденъ усадить ихъ довольно тѣсно, потому что большая зала, гдѣ столъ былъ накрытъ, случайно загорѣлась, часа два тому назадъ, и что отъ нея остались одни голыя стѣны. Тутъ только гости узнали, что они беззаботно танцовали и забавлялись въ дому, въ которомъ, въ немногихъ шагахъ отъ нихъ, распространялся пожаръ.

Я князя знала уже нѣсколько недѣль, когда мнѣ разсказали о горестныхъ испытаніяхъ, постигнувшихъ его. Лишившись и жены и всѣхъ своихъ дѣтей, кромѣ одной дочери, которую выдалъ за мужъ за графа Кенсона̀, Французскаго эмигранта, князь наконецъ пережилъ и ее, и двухъ ея младенцевъ, и остался безсемейнымъ вполнѣ.

Это сдѣланное мнѣ сообщеніе изумило меня и сбило съ толку. Этотъ человѣкъ, узнавшій столько горя, потерявшій до послѣдняго всѣхъ кого любилъ, уже ли былъ онъ тотъ самый спокойный старикъ, который разговаривалъ такъ непринужденно и шутилъ со мной, который обращалъ вниманіе на удобство и комфортъ жиз-

ни? Оно такъ и осталось тогда для меня загадкой неразрѣшимой. Я, четырнадцатилѣтняя, не могла имѣть понятія о власти времени и о невѣроятной способности человѣка ужиться съ участью своей, какая бы она ни была.

Впрочемъ этой дочери, смерть которой была послѣднимъ и самымъ жестокимъ ударомъ для него, князь поставилъ небывалый и несокрушимый памятникъ: похоронивъ ее въ одномъ изъ своихъ помѣстій, онъ освободилъ въ немъ все крѣпостное народонаселеніе, тысячу душъ, отдавъ имъ въ собственность вотчину.

Быть ежедневно въ хорошемъ обществѣ и проводить время въ разныхъ увеселеніяхъ нравилось мнѣ чрезвычайно. Меня избавляли отъ уроковъ и предписанныхъ занятій. Отецъ и мать давали мнѣ наслаждаться вполнѣ новымъ для меня образомъ жизни и чудесной погодой, почти постоянной въ продолженіи всего этого лѣта, перваго, съ давнихъ поръ, мною безъ сожалѣнія проведеннаго не въ деревнѣ. Хотя и тогда,

„Въ тѣ дни, какъ Прѣсненское поле
„Еще заборъ не ограждалъ“,

оно было совсѣмъ не то что сельскія поля, но я не желала лучшаго мѣстопребыванія. Прогулокъ въ рощахъ и лугахъ, вольной воли деревенской тутъ не было; но за то было такъ много другаго, хорошаго, еще небывалаго, столько же въ мірѣ внѣшнемъ, сколько и во внутреннемъ мірѣ. Я стояла на межѣ, отдѣляющей отрочество отъ юности; потребность нравственнаго движенія брала верхъ надъ потребностью движенія физическаго; въ умѣ, еще полномъ ребяческихъ затѣй, просыпался молодой энтузіазмъ, — и въ туже самую пору являлся случай предаваться ему въ полной мѣрѣ. Пронеслась вѣсть о возстаніи Греціи. Народъ, о которомъ почти не было и помину, народъ, давнымъ давно порабощенный, безмолвствующій подъ гнетомъ чужой, грубой власти, сокрушалъ вѣковое ярмо, ополчался противъ насилія и начиналъ съ нимъ борьбу на жизнь и смерть. Извѣстно, какое одушевительное дѣйствіе это событіе имѣло во всѣхъ краяхъ Европы. Теперешніе старики, принадлежащіе къ тогдашнему молодому поколѣнію Россіи, помнятъ проявившееся и у насъ восторженное сочувствіе къ подвигамъ новыхъ Греческихъ героевъ, восхищеніе, съ которымъ твердили имена: Ипсиланти, Боцарисъ, Канарисъ, упованіе на успѣхъ ихъ усилій.

Странно подумать, что, такъ искренно радуясь прекращенію неволи Грековъ, наши помѣщики не находили ничего предосудительнаго въ неволѣ Русскихъ мужиковъ и дворовыхъ людей своихъ, подчиненныхъ ихъ барскимъ причудамъ и выходкамъ, часто совершенно Турецкимъ. Помнится мнѣ, что въ самое время возбужденныхъ благородныхъ идей и симпатій, говорили при мнѣ, очень просто и хладнокровно, о томъ, какъ одинъ мнѣ знакомый господинъ, сенаторъ М-й, имѣлъ случай угодить графу Аракчееву, посѣтившему тогда Москву. Графъ, въ продолженіи обѣда, даннаго ему сенаторомъ, замѣтилъ у него соловья, пѣніе котораго было превосходно. На другой день сенаторъ приказалъ одному изъ слугъ

своихъ взять клѣтку съ птицей, обратившей на себя вниманіе знатнаго посѣтителя и отправиться съ ней къ графу въ Петербургъ, пѣшкомъ, потому что такъ было лучше для соловья и дешевле для сенатора. Слуга, прошедши туда и назадъ 1400 верстъ, въ пору слякоти, по дорогѣ самой скверной (тогда еще не было и шоссе) вернулся съ докладомъ, что соловья донесъ благополучно и что графъ приказалъ очень благодарить сенатора за подарокъ.

Такого рода факты, теперь уже у насъ, слава Богу, невозможные, были тогда непоразительны. Употребленіе, болѣе или менѣе грѣшное, власти неограниченной помѣщика встрѣчалось вездѣ и было неминуемое и естественное послѣдствіе этой власти. Люди, нравственно образованные, признавали крѣпостное состояніе зломъ, но уживались съ этимъ зломъ и пользовались имъ безсознательно.—Одинъ Французскій писатель говоритъ, что случается слышать „*des mots qui hurlent d'effroi de se trouver ensemble*“ *). У насъ приходилось всѣмъ слышать и произносить такія слова. Пріятельницы одной дамы разсказывали съ сожалѣніемъ о ней, что при незначительныхъ ея доходахъ для нея чрезвычайно затруднительна необходимость возить дочерей въ свѣтъ, и что недавно она, для того, чтобы явиться съ ними въ новыхъ платьяхъ на большомъ балѣ, принуждена была продать горничную, очень ловкую и отличнаго поведенія. Тотъ же самый князь Одоевскій, памятный мнѣ какъ человѣкъ въ высшей степени добродушный и благородный, сказалъ разъ отцу моему, что часъ тому назадъ онъ своему зятю, графу Кенсона̀, продалъ пять сотъ душъ, по копѣйкѣ за душу. Онъ улыбался, говоря объ этой шуткѣ. Душа, проданная за копѣйку, это вовсе не казалось ему чемъ-то возмутительнымъ. И вѣдь принятое выраженіе было точное: продавались въ самомъ дѣлѣ души, продавалось право доводить ихъ до отчаянья. Тяжка мысль, что въ Россіи есть еще много людей, сожалѣющихъ о томъ, что они теперь не могутъ уже быть душепродавцами.

Прежде чѣмъ было назначено, кончилось веселое житье мое на дачѣ князя. Вслѣдъ за отличнымъ лѣтомъ настала вдругъ осень необыкновенно суровая. Прѣсненское поле стало болѣе и болѣе принимать видъ вовсе непривлекательный. Мы переѣхали на городскую квартиру, нанятую заранѣе, и князь возвратился въ свой Московскій зимній домъ. Тамъ онъ продолжалъ вести тотъ же образъ жизни, окружать себя дѣтьми и давать имъ праздники, не смотря на то, что послѣднія силы его замѣтно ослабѣвали. Къ исходу зимы онъ умеръ, кроткій и спокойный духомъ, какъ жилъ.

Мысль моя останавливается на воспоминаніи недолгаго моего сближенія съ нимъ. Можетъ быть, не даромъ, въ первые дни моей юности, я встрѣтила его, доживающаго мирно и безропотно вѣкъ полный горестныхъ потерь и обманутыхъ надеждъ; можетъ быть, молодому, непокорному уму было не напрасно дано это наставленіе, не вполнѣ понятое имъ тогда.

Каролина Павлова.

---

*) Слова, которыя отзываются ужасомъ, потому что стоятъ рядомъ.

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ М. Л. МАГНИЦКИМЪ.

Было навечеріе новаго года (одного изъ тридцатыхъ; какого именно, не припомню). Я жилъ тогда въ Одессѣ и издавалъ основанный мною Новороссійскій Календарь. Надо было провѣдать, какъ идетъ продажа моего изданія наканунѣ календарнаго года. Ришельевская улица, гдѣ жилъ мой книгопродавецъ Сорокъ, пестрѣла гуляющими и экипажами. Кратковременная стужа, посѣщающая Одессу въ концѣ Декабря, прекратилась; южный вѣтеръ несъ съ береговъ Босфора влажное тепло и множество судовъ, вступавшихъ длинною вереницею въ гавань. Было свѣжо, но пріятно. Въ палисадникахъ и на соборной площади появилась зелень, оазисы которой виднѣлись далеко по степи за городомъ; а море уже приняло яхонтовый праздничный цвѣтъ, гремя и шумя волнами и какъ будто бесѣдуя о безконечномъ. Все было свѣтло, радостно; вездѣ представлялось изобиліе. У зеленщиковъ на Греческой улицѣ, на лоткахъ, красовались огромные кочны цвѣтной капусты, и ползали гигантскіе омары, только что привезенные изъ Царяграда. Хороша была въ тридцатыхъ годахъ Одесса. Но главную прелесть составляла дружба членовъ ея общества, которое составляло какъ бы одну семью, при всемъ разнообразіи положеній и народностей *). Дѣло въ томъ, что былъ центръ, все соединявшій и примирявшій: то былъ мудрый и общительный графъ М. С. Воронцовъ.

Въ Одессѣ много жило тогда замѣчательныхъ людей, которыхъ можно было встрѣчать на до-обѣденной прогулкѣ по Ришельевской улицѣ, замѣнявшей намъ Невскій проспектъ. Мое путешествіе къ книгопродавцу Сорону было счастливо въ этомъ отношеніи. Недалеко отъ театра я встрѣтилъ А. С. Стурдзу, медленно пробиравшагося по тротуару. Онъ нескоро отвѣчалъ на мое привѣтствіе, потому что по близорукости съ трудомъ узнавалъ людей. Разсмотрѣвъ меня, онъ сказалъ: А это вы? Où dirigez vous vos pas? Я отвѣчалъ, что иду къ Сорону справиться о продажѣ календаря. Какъ теперь помню тогдашнія слова Стурдзы: „Носится слухъ, говорилъ мнѣ онъ, объ освобожденіи крестьянъ; но повѣрьте, что крестьянскій вопросъ тѣсно связанъ съ восточнымъ. Если восточные христіане и наши крестьяне будутъ освобождены подъ вліяніемъ западнаго лжелиберализма, то участь тѣхъ и другихъ сдѣлается еще хуже; но главное, въ тѣхъ и другихъ поколеблется вѣра. Я лучше люблю видѣть Грецію подъ игомъ Турокъ, а крестьянъ въ крѣпостной зависимости, нежели дожить до лжелиберализма у насъ и въ Элладѣ.—Приходите къ намъ обѣдать: я вамъ покажу любопытныя письма изъ Греціи; по нимъ видно, что убійство Ка-

*) Долгъ справедливости требуетъ напомнить читателямъ, что именно Магницкій, своими тайными извѣтами, нарушалъ гармонію тогдашняго Одесскаго общества. *П. Б.*

подистріи подготовлено Англіею. Но будетъ же конецъ ея злодѣяніямъ; ударитъ, наконецъ, давно ожидаемый часъ освобожденія восточныхъ христіянъ и, исполнивъ долгъ возложенный на нее Провидѣніемъ, Россія распуститъ свое многочисленное воинство и займется устройствомъ не только своего царства, но и одряхлѣвшей Европы". Увы, предчувствія опытнаго дипломата до сихъ поръ не сбылись, но сбудутся непремѣнно: я въ этомъ совершенно увѣренъ.

Вслѣдъ за Стурдзою встрѣтился мнѣ добрѣйшій И. Н. Инзовъ, который говорилъ мнѣ много о процвѣтаніи его Нѣмецкихъ колоній и просилъ зайти посмотрѣть рѣдкія семена, которыя привезли къ нему. Къ намъ подошелъ графъ Ланжеронъ и сказалъ: Eh bien, messieurs, l'année commence bien; mais je crois qu'il finira mal. Обратившись ко мнѣ, онъ спросилъ: comment va votre commerce? Я торговлею не занимаюсь, отвѣчалъ я.—Vous vous êtes donc rétiré les poches bien remplis!—Да что вы, графъ? Я никогда торговлею не занимался.—Ah, je vous ai pris pour m-r Philbert. Pardon, à présent je vois que vous êtes m-r Morosow. Графъ былъ воплощенная разсѣянность. Распрощавшись съ нами, онъ быстро пошелъ къ магазину Шаля, сталъ глядѣть на выставленныя для продажи маски и повторялъ: Ah, les masques! Il faut les voir! A présent on ne peut pas aller sans masque: il est plus indispensable que l'habit.

У входа въ магазинъ Сорона я встрѣтилъ ѣхавшаго верхомъ графа Михаила Семеновича, который привѣтствовалъ всѣхъ съ такою доброю и граціозною улыбкою, что подобной ей ни у кого не встрѣтишь. Наконецъ я достигъ книжной лавки и не безъ волненія сердца спросилъ, какъ идетъ продажа календаря.—Прекрасно, отвѣчалъ Соронъ: у меня остается только три экземпляра; присылайте еще и получайте деньги". Я поспѣшилъ воспользоваться его предложеніемъ, потому что многимъ задолжалъ. Кончивъ счетъ съ Сорономъ, я замѣтилъ недалеко отъ меня стоявшаго генерала Алексѣя Ивановича М....ва, славившагося въ Одессѣ математическими свѣдѣніями, большимъ телескопомъ и страшно-холоднымъ домомъ. Возлѣ него стоялъ старикъ высокаго роста съ очень тонкими чертами лица и вообще прекрасною наружностію, показывавшею, что онъ привыкъ видѣть не только хорошее, но и высшее общество. Знаете ли вы, сказалъ мнѣ на ухо Алексѣй Ивановичъ, кто это со мною?—Нѣтъ, отвѣчалъ я.—Это Михаилъ Леонтьевичъ Магницкій. Вслѣдъ за симъ онъ представилъ меня какъ молодаго литератора, издавшаго два Альманаха и знакомаго съ естественными науками. Магницкій подалъ мнѣ руку, сказалъ какой-то комплиментъ и вскорѣ вышелъ. „Умнѣйшій человѣкъ (сказалъ мнѣ М....въ), „но суевѣренъ, какъ крестьянинъ. Представьте: у него огромныя иконы, передъ которыми теплится день и ночь лампада". Алексѣй Ивановичъ воспитывался въ Парижѣ и вышелъ оттуда если не съ энциклопедическими свѣдѣніями, то съ духомъ энциклопедистовъ XVIII вѣка. Онъ не понималъ, какъ умный человѣкъ можетъ молиться высшему творческому разуму. По его мнѣнію, умъ долженъ быть въ родѣ ползучихъ по землѣ растеній, боящих-

ся свѣта солнечнаго. Безсознательно былъ онъ однимъ изъ членовъ той враждебной Россіи партіи, которая внесла къ намъ презрѣніе ко всему отечественному и религіозному вмѣстѣ съ слѣпымъ подражаніемъ Западу.

Такъ началось мое личное знакомство съ М. Л. Магницкимъ, но заочное знакомство съ нимъ было давно сдѣлано по слухамъ и по разсказу извѣстнаго также Татарина Ахмета Аксенова, и вотъ какимъ образомъ.

Я учился въ университетскомъ пансіонѣ и проводилъ праздники и вакаціи у дяди моего Д. А. Яковлева, гдѣ квартировалъ Ахметъ Аксеновъ вмѣстѣ съ привезшимъ его знаменитымъ въ тогдашнее время адвокатомъ Овчинниковымъ, который, какъ давно знакомый моему дядѣ, въѣхалъ прямо къ нему безъ церемоніи и привезъ съ собою своего кліента: по законамъ тогдашняго гостепріимства, остановиться въ гостинницѣ, имѣя родныхъ и знакомыхъ, было неприлично. Дядя мой съ удовольствіемъ помѣстилъ у себя Овчинникова и Ахмета; они жили у него около года на полномъ его содержаніи. Аксеновъ и братъ его Абдулъ были преданы Магницкимъ суду по подозрѣнію въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій, и Овчинниковъ взялся доказать ихъ невинность за 10 т. рублей, разумѣется, ассигнаціями. Ахметъ былъ одаренъ природнымъ умомъ и получилъ Магометанское образованіе, которое преподается учеными муллами дѣтямъ богатыхъ Татаръ. Онъ не только хорошо говорилъ порусски, но и правильно писалъ на этомъ языкѣ. Сверхъ того онъ зналъ ариѳметику и рѣшалъ въ головѣ сложныя задачи. Особенно хвалился онъ знаніемъ Корана и всѣхъ его толкованій. „Коранъ, батюшка (говаривалъ Ахметъ) невеликъ, но толкованій больно много". Кромѣ разныхъ легендъ о Пророкѣ, Ахметъ разсказывалъ мнѣ содержаніе дѣла, по которому онъ судился въ Сенатѣ. По словамъ его, Магницкій произвелъ у него ночью обыскъ и, отыскавъ одну фальшивую ассигнацію, по его же распоряженію подброшенную, велѣлъ сковать и посадить въ острогъ его и все его семейство, отъ чего онъ впалъ въ тяжкую болѣзнь, а жена его лишилась жизни. Ахметъ считалъ Магницкаго хуже сатаны и увѣрялъ, что онъ человѣкъ самый опасный, замышляющій зло противъ цѣлой Россіи *).

Симбирскіе помѣщики, пріѣзжавшіе къ моему дядѣ, также дурно отзывались о Магницкомъ, говоря, что онъ притѣсняетъ помѣщиковъ и бунтуетъ крестьянъ. Одинъ профессоръ Казанскаго университета громко жаловался на Магницкаго, объясняя, что онъ въ высшей степени притѣсняетъ профессоровъ и даже заставляетъ ихъ

---

*) Это мнѣніе Татарина обличаетъ въ немъ большую прозорливость. Дѣйствительно, Магницкому Россія между прочимъ обязана тѣмъ, что лучшіе юноши шли толпою въ злосчастный лагерь враговъ правительства; и трудно сказать, до чего бы дошли дѣла, если бы императоръ Николай Павловичь, немедленно по воцареніи своемъ, не поспѣшилъ выслать изъ столицы смиренномудраго шепотника и непрошеннаго защитника божескихъ и царскихъ правъ. *П. Б.*

давать подписки въ томъ, что не будутъ пить пуншу, который, по словамъ почтеннаго профессора, сильно способствуетъ обильному отдѣленію всякой испарины, а въ томъ числѣ и мыслей.

Всѣ эти разсказы, слышанные мною въ дѣтствѣ, ожили въ моей памяти при личномъ знакомствѣ съ Магницкимъ. Но ужели, думалъ я, этотъ учтивый красавецъ-старикъ—тотъ самый человѣкъ, который наводилъ ужасъ на Симбирскихъ помѣщиковъ и профессоровъ Казанскаго университета? Скоро я долженъ былъ сильно усумниться во всемъ мною слышанномъ о злодѣяніяхъ, приписываемыхъ Михаилу Леонтьевичу.

Мы обмѣнялись съ Магницкимъ визитами и часто видались въ разныхъ домахъ, особенно же на вечерахъ у графини Эдлингъ, сестрѣ Стурдзы. Эти вечера по четвергамъ представляли много привлекательнаго и поучительнаго. Тамъ собирались каждую недѣлю А. С. Стурдза и Александръ Григорьевичъ Тройницкій, издатель Одесскаго Вѣстника на Французскомъ языкѣ Рене, полковникъ Миклевичъ, восторженный музыкантъ и ревностный почитатель Местра, а также много молодыхъ людей изъ Ришильевскаго лицея. Магницкій говорилъ большею частью на Французскомъ языкѣ и удивлялъ насъ пародоксальностью своихъ замѣчаній. Такъ однажды графиня Эдлингъ сказала ему: „Вотъ теперь многіе изъ Французскихъ писателей стали говорить съ уваженіемъ о предметахъ религіозныхъ". „Тутъ нѣтъ ничего отраднаго, возразилъ Магницкій: это воры, похитившіе церковные сосуды, которые звѣнятъ украденнымъ серебромъ". Много Магницкій разсказывалъ о своей жизни въ Парижѣ при Наполеонѣ I-мъ. Вотъ что сохранилось въ моей памяти изъ этихъ разсказовъ. Я, говорилъ Магницкій, находился при нашемъ посольствѣ во Франціи и часто видалъ Наполеона I-го. Онъ былъ въ безпрестанномъ движеніи и напоминалъ гіенну, посаженную въ клѣтку. Во всемъ у него были видны сатаническая гордость и презрѣніе къ людямъ, хотя онъ былъ очень любезенъ съ нами и называлъ молодыхъ людей, служившихъ при посольствѣ, мальчиками-министрами (garçons-ministres). Презрительная безцеремонность его доходила до крайности. Разъ былъ балъ въ Тюльери, гостей собралось много, но хозяинъ долго не показывался. Наконецъ мы увидѣли, что онъ идетъ изъ внутреннихъ комнатъ, переваливаясь съ ноги на ногу. Изъ такой походки придворные заключили, что императоръ не въ духѣ. Не отвѣчая никому на привѣтствія, Наполеонъ подошелъ къ столу, сильно ударилъ кулакомъ и сказалъ: „Австрія объявляетъ мнѣ войну; завтра пойду въ походъ, а чрезъ недѣлю буду въ Вѣнѣ". Послѣ этихъ словъ онъ ушелъ обратно, и всѣ гости разъѣхались. Угроза Австріи была для нихъ единственнымъ угощеніемъ.

Но болѣе всего Магницкій любилъ говорить о Казанскомъ университетѣ и Симбирскомъ губернаторствѣ своемъ. Вы не можете представить, говорилъ онъ, что̀ такое чиновникъ въ провинціи и профессоръ-отступникъ. Я пріѣхалъ въ Симбирскъ поздно ночью; немедленно явился ко мнѣ полицеймейстеръ. Я спросилъ его, что̀ у

нихъ дѣлается. Онъ отвѣчалъ: сего дня былъ завтракъ у Ахмета Аксенова, а вечеромъ по случаю царскаго дня горѣли вензеля Государя Императора и вашего превосходительства.—Откуда вы взяли мой вензель? спросилъ я, и куда его помѣстили?—У насъ въ прозрачной картинѣ подъ вензелемъ Государя Императора сдѣлана четырехугольная вырѣзка, въ которую вставляется вензель губернатора. Узнавъ о вашемъ назначеніи, мы вынули начальную букву имени прежняго губернатора и поставили букву *М.*, которая и была прекрасно освѣщена.—Куда же вы дѣвали вензель стараго губернатора?—Сдали въ архивъ и пришили къ дѣлу о почестяхъ, воздаваемыхъ губернаторамъ и инымъ высокопоставленнымъ лицамъ.—Нельзя ли, сказалъ я, подарить мнѣ мой вензель? На другой день вензель былъ ко мнѣ принесенъ, и я храню его, какъ вещь весьма курьезную. Лишь только разсвѣло, въ пріемной залѣ моей стали собираться чиновники. Я не замедлилъ къ нимъ выдти и увидѣлъ такую коллекцію, какой съ роду не видывалъ: точно четвероногіе стали на заднія лапы и надѣли шитые ошейники. На нѣкоторыхъ виднѣлись ленты и звѣзды. Физіономіи были различныя. Одни были круглы, какъ полная луна; другіе худы, длиннолицы, съ изображеніемъ страха и ожиданія наказаній, словно повѣшанныя собаки. На всѣхъ лицахъ были видны пошлость и страхъ. Я началъ мое знакомство съ предсѣдателя Уголовной Палаты и спросилъ его, много-ли у него рѣшено дѣлъ въ теченіи года. Онъ отвѣчалъ, что не припомнитъ и знаетъ только, что преступниковъ не щадили и произведено 1000 ударовъ кнутомъ и 2000 плетьми. Вскорѣ первый совѣтникъ Губернскаго Правленія выступилъ впередъ и произнесъ мнѣ привѣтственную рѣчь, въ которой умолялъ меня подражать милосердію Божію и не быть строгимъ къ ихъ грѣхамъ. Я отвѣчалъ имъ: Господа, строгимъ къ вамъ быть нельзя; я не буду убѣждать васъ не брать взятокъ, потому что это противно вашей натурѣ, но скажу вамъ одно: берите, но не дерите. Съ этими словами я удалился, и чиновники разошлись, повидимому довольные моимъ пріемомъ. Едва я вошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ мнѣ доложили о прибытіи купца 1-й гильдіи Ахмета Аксенова. Я не хотѣлъ его принимать, но пріятель мой А. А. Столыпинъ сказалъ мнѣ: „Примите; это человѣкъ замѣчательный, онъ страшно богатъ „и имѣетъ большое вліяніе на дѣла. Къ прежнимъ губернаторамъ „Ахметъ ходилъ безъ доклада". Я велѣлъ просить. Вошелъ старикъ полный, румяный, съ улыбкою самодовольствія на лицѣ. Поздравляю ваше превосходительство съ пріѣздомъ, сказалъ онъ очень развязно и положилъ на столъ бывшій у него въ рукахъ узелъ. Что это за узелъ? спросилъ я—Это на поклонъ вашему превосходительству маленькій подарокъ, всего 20 т. Будешь милостивъ, каждый годъ буду приносить по 5. т. Ты небогатъ, жалованье небольшое, а расходы велики; прими, не побрезгуй малымъ приношеніемъ. Магометъ сказалъ: „Яблочко изъ рукъ друга лучше царства отъ человѣка нелюбящаго". Я вспыхнулъ и сказалъ, что взятокъ не беру, а подобныхъ ему людей умѣю обличать и преслѣдовать. Узелъ былъ брошенъ мною Татарину въ лицо. Онъ его спокойно

поднялъ, положилъ на столъ, низко поклонился и, выходя, сказалъ: „Будь умникъ, ваше превосходительство; возми подарокъ и не за„води пустыхъ дѣлъ; меня не перетянешь“. Я велѣлъ отослать оставленныя Ахметомъ деньги въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія и сталъ собирать свѣдѣнія о соблазнителѣ губернаторовъ. По справкамъ оказалось слѣдующее. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Ахметъ явился къ одному изъ Симбирскихъ губернаторовъ и сказалъ слѣдующій спичь: „В. п. знаешь, что въ Буинскомъ уѣздѣ „появились разбойники; твоя полиція не сладитъ съ ними, а я ихъ „переловлю: дай мнѣ только приказъ требовать людей и лошадей „для преслѣдованія злодѣевъ“. Губернаторскій секретарь сильно подкрѣплялъ предложеніе Ахмета, и просимый имъ открытый листъ былъ ему выданъ. Вооруженный такимъ документомъ Ахметъ сталъ требовать въ Чувашскихъ селеніяхъ людей и лошадей въ самую рабочую пору. Взвыли Чуваши отъ такого гоненія и стали просить помилованія. Ахметъ далъ на ихъ мольбы такой отвѣтъ: „Слушай„те, Чуваши! Безпокоить васъ не стану, но и вы съ своей сторо„ны исполните мою просьбу. Вы платите въ казну подати; плати„те ихъ мнѣ, а я уже за васъ буду взносить въ казначейство; вѣдь „вамъ же будетъ легче. Да вотъ еще что: у васъ много мельницъ, „отдайте мнѣ ихъ всѣ на аренду за сходную цѣну“. Чуваши согласились и поблагодарили еще за такую милость. Въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ поръ они стали жить спокойно: Ахметъ взыскивалъ съ нихъ двойныя подушныя, половину взносилъ въ казначейство, половину оставлялъ у себя. Мельницы доставили ему большой доходъ отъ продажи муки, а болѣе отъ особенно выгодной фабрикаціи: онъ учредилъ на этихъ мельницахъ заготовленіе фальшивыхъ ассигнацій въ огромномъ количествѣ и скупалъ на нихъ пшеницу. При такомъ искусномъ устройствѣ финансовъ, Ахметъ быстро разбоготѣлъ и, назначивъ жалованье всѣмъ губернскимъ и уѣзднымъ властямъ, сталъ силою непреодолимою.

„Съ этою-то силою (продолжалъ Магницкій) мнѣ пришлось бороться, не страшась словъ, сказанныхъ Ахметомъ при выходѣ изъ моего кабинета: „меня не перетянешь“. Вскорѣ я увидѣлъ, что мои чиновники и полиція на сторонѣ Ахмета и ловить его не будутъ. Я просилъ Столыпина дать въ мое распоряженіе откупную стражу. Онъ согласился, и я съ помощію его объѣщиковъ обыскалъ мельницы Ахмета. При обыскѣ нашлось 300 т. фальшивыхъ ассигнацій, но инструментовъ не отыскано; послѣ узналъ я, что одинъ объѣщикъ увѣдомилъ Аксенова о предстоявшемъ обыскѣ и получилъ за извѣщеніе сто рублей. Провѣдавъ о бѣдѣ, Ахметъ прекратилъ свою фабрикацію и инструменты зарылъ въ землю, но произведеній спрятать не успѣлъ. Послѣ такой улики, какъ было отысканіе 300 т. новенькихъ фальшивыхъ ассигнацій, я счелъ себя вправѣ арестовать великаго Симбирскаго дѣятеля и назначилъ слѣдствіе. Сверхъ того при обыскѣ найденъ тюфякъ, заключавшій въ себѣ секретную переписку Ахмета съ Петербургомъ и Москвою; тутъ были письма многихъ лицъ, которыя благодарили Ахмета за при-

сылку денегъ, означая ихъ употребленіе и обѣщали всегдашнее покровительство. Деньги, смотря по ихъ роду, назывались: ассигнаціи — документами князя Хованскаго; серебренные рубли — груздями, а полуимперіалы — рыжиками. Всю эту переписку я представилъ министерству внутреннихъ дѣлъ и такимъ неосторожнымъ поступкомъ нажилъ себѣ много непріятелей. Слѣдствіе надъ Ахметомъ было произведено плохо и принесло немало пользы слѣдователю: по окончаніи его онъ купилъ большой домъ и сталъ жить богато. Несмотря на всѣ снисхожденія, оказываемыя мѣстными властями Ахмету, Уголовная Палата приговорила его и его брата Абдулмена къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе; но по жалобѣ Ахмета, Сенатъ отмѣнилъ это рѣшеніе и приговорилъ къ наказанію одного Абдулмена, взявшаго все на себя. Братья обѣщались ему выплатить большую сумму денегъ, на которую онъ устроился въ Сибири очень прилично и завелъ тамъ какую-то фабрику, на которой, какъ говорятъ, продолжалъ выдѣлку фальшивыхъ ассигнацій. „Много, говорилъ Ахметъ, выбрато въ моемъ лѣсу груздей и рыжиковъ, которые дуракъ губернаторъ не хотѣлъ взять; мнѣ сдѣлалъ убытокъ, а себя погубитъ. Видно, что башка неторговая; считать не умѣетъ“.

Такимъ образомъ мнѣ пришлось выслушать исторію Ахмета съ начала отъ него самаго, а потомъ отъ Магницкаго.

У Михаила Леонтьевича былъ портфель курьезныхъ бумагъ, собранныхъ имъ во время его службы, которыя иногда онъ приносилъ на вечера къ графинѣ Эдлингъ. Изъ этихъ бумагъ въ моей памяти сохранился рапортъ одного совѣтника Симбирскаго Губернскаго Правленія, адресованный губернатору слѣдующаго, примѣрно, содержанія: „Имѣю честь донести вашему превосходительству, что, прибывъ въ селеніе такое-то для усмиренія бунтующихъ крестьянъ, я наказывалъ ихъ розгами, билъ палками, заключалъ въ кандалы; но, истощивъ всѣ мѣры кротости, я не могъ ихъ привесть къ повиновенію, а потому полагаю, что нужно прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости“. Вотъ, съ какими людьми, говорилъ Магницкій, мнѣ приходилось имѣть дѣло. О жестокости Симбирскихъ помѣщиковъ у него были ужасные разсказы. Преслѣдованіемъ виновныхъ въ этихъ жестокостяхъ онъ возбудилъ противъ себя негодованіе цѣлой губерніи. Магницкій при каждомъ случаѣ вспоминалъ о проявленіи этого негодованія. Такъ на обѣдѣ, данномъ Одесскимъ обществомъ градоначальнику Алексѣю Ираклієвичу Левшину, онъ, сидя возлѣ меня, сказалъ мнѣ: Это напоминаетъ мнѣ мой отъѣздъ изъ Симбирска.—Вамъ тоже давали обѣдъ? спросилъ я.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, но съ радости о моемъ удаленіи было выпито все Шампанское въ Симбирскѣ, такъ что на другой день моего отъѣзда не осталось ни одной бутылки.

Кончивъ борьбу съ Симбирскими чиновниками, Татарами и помѣщиками, Магницкій началъ ее съ профессорами Казанскаго университета. „Здѣсь (говорилъ онъ) мнѣ было еще труднѣе. При осмотрѣ университета я отмѣнно былъ удивленъ, найдя въ числѣ его

почетныхъ членовъ абата Грегоара, одного изъ самыхъ яростныхъ членовъ Парижскаго Конвента, подписавшаго смертный приговоръ Людовику XVI-му. Грегоаръ въ самой Франціи считался въ числѣ цареубійцъ, которые не допускались въ царствованія Бурбоновъ ни къ какимъ должностямъ. Въ бумагахъ университета я нашелъ письмо Грегоара, въ которомъ онъ благодаритъ университетъ за избраніе и посылаетъ для его библіотеки всѣ свои сочиненія, а въ нихъ на первой страницѣ красуется его знаменитая рѣчь о свойствахъ царей. Цари, говоритъ Грегоаръ, въ человѣчествѣ тоже, что̀ чудовища въ физическомъ мірѣ. Исторія царей есть мартирологія народовъ. Вотъ какія назидательныя книги хранились въ Казанскомъ университетѣ для чтенія молодыхъ людей! Министръ просвѣщенія, которому я донесъ о моемъ открытіи, предписалъ мнѣ исключить Грегоара изъ числа почетныхъ членовъ Казанскаго университета и сочиненія его истребить, что̀ мною было исполнено съ большимъ удовольствіемъ и торжественностію: я велѣлъ сжечь ихъ на университетскомъ дворѣ. Вскорѣ я убѣдился, что духъ Грегоара пребывалъ въ университетѣ. Профессоровъ я долженъ былъ раздѣлить на два класса: одни были заражены атеистическимъ и лжелиберальными теоріями и искусно передавали ихъ студентамъ при удобномъ случаѣ; другіе не имѣли враждебныхъ намѣреній противъ вѣры и правительства, но дѣйствовали въ томъ же смыслѣ изъ тщеславія, почитая, что быть человѣкомъ вполнѣ православнымъ и монархическимъ значило быть отсталымъ. Наконецъ всѣ они были не труженики науки, а торгаши ею. Очищеніе и усмиреніе личнаго состава университета, къ чему я считалъ долгомъ прибѣгнуть, какъ христіянинъ и Русскій, надѣлали мнѣ много опасныхъ враговъ, оклеветавшихъ меня въ Петербургѣ и бывшихъ причиною назначенія надо мною слѣдствія“.

Магницкій разсказывалъ намъ всѣ подробности этаго слѣдствія, произведеннаго генераломъ Желтухинымъ, но о томъ много говорено и писано въ разныхъ журналахъ. Я положилъ себѣ правиломъ (говаривалъ Магницкій) посвятить всю жизнь свою борьбѣ съ лжеученіемъ. Я говорилъ въ Главномъ Правленіи Училищъ: правительство наказываетъ молодыхъ людей за то, что они выучились тому, чему такъ усердно ихъ учили. Въ самомъ дѣлѣ, не преподается ли открыто, что Французская революція была благодѣтельнымъ явленіемъ, что она провозгласила права человѣчества, и не выставляются ли Брутъ и Кассій образцами достойными подражанія? Когда нибудь убѣдятся, что я говорю правду и приступятъ къ серіозному преобразованію нашихъ учебныхъ заведеній; теперь же они изъ молодыхъ людей дѣлаютъ какихъ-то евнуховъ, вырѣзывая у нихъ вѣру, любовь и все что̀ составляетъ достоинство человѣка. Мнѣ говорятъ, что не должно смѣшивать вѣры съ наукою и что послѣдняя должна быть самостоятельною и независимою; но я убѣжденъ, что только въ послушаніи вѣрѣ наука можетъ дѣлать истинные успѣхи. Ея исторія это ясно показываетъ: безъ вѣры наука не имѣетъ прочнаго основанія и не разрѣшаетъ вопросовъ самыхъ близкихъ человѣку. Квинтиліянъ говорилъ когда-то Римлянину: „Пусть

другіе изучаютъ движеніе свѣтилъ и занимаются изысканіемъ мрамора. Это не твое дѣло, Римлянинъ: твое дѣло повелѣвать вселенною". Подобную рѣчь, по мнѣнію Магницкаго, можно обратить къ Русскому человѣку, сказавъ ему: „Твое дѣло озарять и согрѣвать вселенную свѣтомъ православія и теплотою христіанской любви; твое дѣло создать новую науку и новое искусство, вполнѣ проникнутыя духомъ Христовымъ, въ замѣнъ ложной науки, возникшей подъ вліяніемъ язычества и безвѣрія".

О конституціонномъ правленіи Магницкій говорилъ съ презрѣніемъ. Это, по его мнѣнію, полная ложь и безсмыслица—распустить народъ и связать власть; дать свободу ногамъ и оковать голову: что можетъ быть нелѣпѣе этого?

Конституція, возражали мы Магницкому, ограждаетъ отъ произвола и притѣсненій со стороны власти.—Ваши такъ называемыя народныя собранія (отвѣчалъ намъ въ своихъ бесѣдахъ Магницкій) терпимы и сносны, пока довольствуются субсидіями и ролью актеровъ, забавляющихъ публику; но когда онѣ вздумаютъ серіозно мѣшаться въ дѣла, ихъ разгоняютъ Кромвели и Наполеоны; или правительство падаетъ, и государство дорогой цѣною возстановляетъ правильное теченіе общественнаго порядка, а иногда и навѣкъ погибаетъ. Честный, правдивый человѣкъ и не согласится быть конституціоннымъ Наполеономъ.

Но посмотрите, говорили мы, на Англію и Америку. — Большая ошибка, отвѣчалъ Магницкій, принимать два современные факта одинъ за причину другаго и дѣлать выводы подобные слѣдующимъ изрѣченіямъ: палка въ углу стоитъ, слѣдовательно не идетъ дождь. Въ Англіи процвѣтаютъ торговля и земледѣліе и есть конституція; изъ этого заключаютъ, что причина благоденствія Британскихъ острововъ происходитъ отъ конституціи, тогда какъ она заключается въ свойствахъ Англо-Саксонскаго племени, дѣятельнаго, рабочаго и практичнаго. О немъ можно сказать, что оно одно можетъ переносить неудобства конституціоннаго правленія. Франція хотѣла подражать Англіи, но подверглась ужаснымъ бѣдствіямъ. Что касается до Америки, то она еще не прожила ста лѣтъ и уже страдаетъ отъ многихъ общественныхъ болѣзней и безъ сомнѣнія сдѣлала бы неизмѣнимо болѣе, если бы не тратила много времени на выборы, на которыхъ голоса явно продаются.

Магницкій имѣлъ отвращеніе отъ желѣзныхъ дорогъ и увѣрялъ, что скаканіе по нимъ произведетъ новую болѣзнь и послужитъ средствомъ къ быстрому распространенію существующихъ болѣзней. Одна дама сказала Магницкому: Вы часто говорите правду; но для чего быть очень одностороннимъ?—А позвольте спросить васъ, сказалъ Михаилъ Леонтьевичь, сколько сторонъ будетъ на страшномъ судѣ?—Разумѣется двѣ, отвѣчала она.—Вотъ я стараюсь выбрать правую, и это вы называете односторонностію.

Живя въ Одессѣ, Магницкій занимался литературою. Многія изъ его статей помѣщены въ Одесскомъ Альманахѣ и Вѣстникѣ. Онъ очень не любилъ Одесскую полицію, собиралъ о ней многія свѣдѣнія,

представлялъ ихъ бывшему Одесскому градоначальнику Александру Петровичу Толстому, отъ котораго они поступили въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Въ Петербургѣ нашли, что Магницкій мѣшается не въ свои дѣла и не живетъ спокойно: ему было велѣно выѣхать изъ Одессы въ Херсонъ.

По ходатайству графа Воронцова, Магницкому вновь позволено было возратиться въ Одессу; но онъ жилъ здѣсь недолго и скончался въ Одессѣ, 75 лѣтъ отъ роду.

Что сказать еще о Михаилѣ Леонтьевичѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ пламенно желалъ добра, но ревность его была не по разуму. Ему вредила болѣзнь, которой онъ не подозрѣвалъ въ себѣ и которою страдаетъ Русское общество. Это внутренній деспотизмъ, желаніе исполнить немедленно свою волю, страсть къ ломкѣ и нововведеніямъ, презрѣніе къ совѣтамъ другихъ людей. Такая болѣзнь заражаетъ и теперь многихъ, особенно лжелибераловъ. Посмотрите на многихъ даровитыхъ губернаторовъ: они не принесли ожидавшейся отъ нихъ пользы, потому что хотѣли быть не правителями, а преобразователями и вмѣсто созиданія занимались одною ломкою. Предсѣдатель земскаго собранія не входилъ въ него со смиреніемъ для того, чтобы научиться у коллективнаго ума; нѣтъ, онъ входилъ туда съ предвзятыми идеями и полнымъ презрѣніемъ ко всему, что̀ съ ними несогласно. Либеральныя учрежденія ничего не значатъ, если деспотизмъ не истребленъ въ сердцахъ; а это можетъ сдѣлать только живая вѣра въ Спасителя, соединенная съ исполненіемъ Его заповѣдей о любви и смиреніи. Не даромъ сказано: гдѣ духъ Господень, ту свобода.

Магницкій вѣрилъ этому, но не былъ вполнѣ проникнутъ духомъ Христовымъ, хотя старался привлечь его. Духъ истиннаго благочестія не легко и не скоро пріобрѣтается.

Сверхъ того, въ Магницкомъ не было умѣнья дѣйствовать на людей и управлять ими. Онъ скоро приходилъ къ столкновеніямъ и ссорамъ; онъ любилъ щеголять въ обществѣ остротами и изяществомъ языка, полагая, что вполнѣ усвоилъ себѣ хорошій тонъ избраннаго общества.

Во всякомъ случаѣ обвиненіе въ лицемѣрствѣ и жестокости, падавшее на Магницкаго, должно быть признано клеветою. Люди лично знавшіе Магницкаго не могутъ читать безъ негодованія напр. Сумашедшій Домъ Воейкова, гдѣ такъ безпощадно поруганъ Магницкій, льются чрезъ край личная глубокая ненависть, площадная брань и отсутствіе той сдержанности, какую всякій долженъ имѣть по отношенію къ человѣку, бывшему во власти и находящемуся въ несчастіи.

Павелъ Морозовъ.

ПО ПОВОДУ ДУХОВНАГО ЗАВѢЩАНІЯ АННЫ МОНСЪ.

Въ первой книгѣ Русскаго Архива сего года напечатано духовное завѣщаніе извѣстной въ нашей исторіи, романической героини Анны Ивановны Монсъ, бывшей въ замужствѣ за Прусскимъ посланникомъ Кейзерлингомъ. Она скончалась вдовою въ 1714 году. На основаніи ея духовной, все движимое имущество должно было перейти во владѣніе Шведскаго плѣннаго капитана Карла Іогана фонъ-Миллера, съ коимъ Анна Монсъ намѣревалась вступить во вторичный бракъ. Нижеслѣдующее прошеніе фонъ-Миллера на имя Петра Великато свидѣтельствуетъ, что, по смерти завѣщательницы, имуществомъ ея завладѣли мать ея и братъ (столь извѣстный впослѣдствіи) гвардіи поручикъ Вилимъ Монсъ; капитанъ же фонъ-Миллеръ попалъ въ Преображенскій Приказъ, гдѣ содержался въ цѣпяхъ, подъ крѣпкимъ карауломъ. Прошеніе его, поданное изъ сего приказа, равно и самое духовное завѣщаніе попали потомъ въ Военную Канцелярію, потому что и завѣщательница, и плѣнникъ фонъ-Миллеръ были не Русскіе подданные. Хотя въ то время понятія о международномъ правѣ не были еще развиты, но видно, что дѣло фонъ-Миллера обратило на себя вниманіе нашихъ властей. Военною Канцеляріею въ 1714 и 1715 годахъ управлялъ славный прямодушіемъ и честностью генералъ-пленипотенціаръ-кригсъ-коммисаръ князь Яковъ Ѳедоровичъ Долгоруковъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ присутсвовалъ и въ Сенатѣ. На его-то безпристрастное рѣшеніе, по всей вѣроятности, и была передана жалоба фонъ-Миллера, томившагося напрасно въ заключеніи Преображенскаго Приказа. Къ сожалѣнію, чѣмъ рѣшено было дѣло, изъ бумагъ Военной Канцеляріи не видно.

Григорій Александровъ.

5 Сентября 1875. Москва.

ПРОШЕНІЕ ФОНЪ-МИЛЛЕРА.

Державнѣйшій царь, государь милостивѣйшій.

По смерти Прусскаго посланника Кейзерлинга, жена его вдова Анна-Марія сговорила было за меня замужъ, и послѣ сговору написали мы съ нею Анною межъ себя завѣтныя письма своими руками и печати свои къ нимъ приложили. А въ тѣхъ завѣтныхъ своихъ письмахъ написали: она Кейзерлингша написала мнѣ изъ движимыхъ мужа своего и своихъ имѣній все, что̀ при ней было, посуды серебряной, низа̀нья, алмазныхъ вещей, платья перваго мужа своего; а я нижайшій въ своемъ завѣтномъ письмѣ написалъ ей Кейзерлингшѣ свое имѣніе. А въ тѣхъ завѣтныхъ письмахъ написали: ежели изъ насъ кто и до законнаго брака умреть, то оставшемуся, по завѣтному его письму, имѣнія его взять. И по тому завѣтному письму отъ ней Кейзерлингши, изъ алмазныхъ ея вещей, ради пропитанія, мнѣ при животѣ ея, до меня малое число и дошло; и, не бывъ за мною замужемъ, она Кейзерлингша умре. А пожитки ея что̀ въ завѣтномъ письмѣ отъ нея написаны мнѣ, по указу изъ Канцеляріи Сената, были описаны и запечатаны. И мать ея Кейзерлингши, Матрена Монсова съ сыномъ своимъ отъ лейбъ-гвардіи поручикомъ Вили-

момъ Монсомъ били челомъ вамъ, царскому величеству, на меня ложно (утая оное ея Кейзерлингши завѣтное письмо), чтобъ тѣ пожитки, которые въ завѣтномъ письмѣ написаны мнѣ, и изъ канцеляріи Сената были запечатаны, отдать имъ. Да въ томъ-же ложномъ своемъ челобитьѣ написали тѣ алмазныя вещи, что̀ она Анна-Марія давала мнѣ на пропитаніе при животѣ своемъ, будто я у нея покралъ и чтобъ на мнѣ доправить, и тѣмъ они меня обезчестили. И по тому ихъ ложному челобитью, тѣ описные пожитки имъ и отданы; а то дѣло прислано въ Преображенскій приказъ, и я въ оной приказъ взятъ, для допросу, больной; и былъ скованъ, и въ допросѣ оное завѣтное письмо объявилъ. И послѣ допросу, поручной записи по мнѣ, противъ указу, не сбираютъ, и держатъ меня за крѣпкимъ карауломъ, и никого до меня, ни лѣкаря, ни челядниковъ моихъ, не допущаютъ. А я тѣхъ вещей, что̀ она Монсова ищетъ на мнѣ, у ней Кейзерлингши не крадывалъ: давала сама,и на то свидѣтельствуетъ завѣтное ея письмо. Да инаго и отъ нея Кейзерлингши мнѣ и не дано было, чего они ищутъ. А въ твоемъ царскаго величества именномъ указѣ 1714 года Апрѣля 22 дня, въ 3-мъ пунктѣ, напечатано: „Кто бездѣтенъ, и оный воленъ отдать недвижимое одному фамиліи своей, кому похочетъ; а движимое, кому что̀ похочетъ, сродникамъ своимъ или и постороннимъ. И то въ его произволеніи будетъ.“ А она Кейзерлингша осталась бездѣтна; а то имѣніе мужа ея, а не отцовское, и въ своемъ она вольна дать. А въ 9-мъ пунктѣ: „Которая жена останется бездѣтна, той недвижимое мужа ея и ея имѣнія по смерть или по постриженіе; а по смерти ея возвратится въ родъ, а движимое, буде безъ завѣту умретъ, то да возвратится въ родъ; а когда съ завѣтомъ, то по завѣту и быть.“ А она Кейзерлингша умре съ завѣтомъ; а въ завѣтномъ письмѣ имѣніе свое написала мнѣ и передъ кончиною своею то имѣніе отдавала мнѣ; и я, надѣясь на оный вашъ царскаго величества указъ, достальнаго по завѣтному письму, при животѣ ея, и не бралъ: чаялъ то, что судейскимъ разсмотрѣніемъ и по смерти ея, по тому указу, противъ завѣтнаго письма, отдано мнѣ будетъ. А завѣтное письмо вашего царскаго величества указамъ, какъ онаго пункта статьямъ, такъ и Уложенію, не противно, хотя оно писано и не у крѣпостныхъ дѣлъ: для того, что въ оныхъ пунктахъ того не напечатано, что завѣтныя письма писать свидѣтельствомъ. Да я жъ иностранецъ, а и оная Кейзерлингша посланникова была жена; и потому то письмо и не противно указамъ. И мать ея Матрена Монсова того письма не лживитъ и сказала, что рука и печать у того письма дочери ея. Да и отецъ духовный ея отъ нея слышалъ на исповѣди о пожиткахъ: гдѣ письмо будетъ, тамъ и пожиткамъ быть. А письмо у меня, и потому стало быть то письмо свидѣтельствованное и ничѣмъ оно не опорочено. И надлежитъ по тому дѣлу, по объявленнымъ выше и вашимъ царскаго величества указамъ, указъ учинить по завѣтному письму, и достальное имѣніе, посу́ду, низа́нья, платье, которое написано и въ завѣтномъ письмѣ, взявъ у нея Матрены отдать мнѣ, не толико что̀ на мнѣ чего спрашивать и мною бъ плѣнникамъ образецъ учинить и нарушить вашъ цар-

скаго величества оной именной указъ, что въ пунктахъ. А въ Преображенскомъ Приказѣ по тому дѣлу и до нынѣ указу не учинено никакого; а меня держатъ за карауломъ, а на дѣлѣ помѣты никакой нѣтъ, и челобитья у меня къ дѣлу не принимаютъ. А за нее Монсову ходитъ стряпчей; а мое прошеніе было, чтобы и въ мою сторону ходить стряпчему жъ, для незнанія языка, и въ томъ мнѣ указу не учинено. Всемилостивѣйшій государь, прошу вашего величества: вели, государь, оное мое дѣло, за невершеніемъ и за посягательствомъ ко мнѣ изъ Преображенскаго Приказу, взять въ С. Петербургскую Канцелярію Сената, а меня бъ изъ Преображенскаго Приказу свободить и по тому моему дѣлу указъ учинить по пунктамъ противъ завѣтнаго письма. Вашего величества Свейской плѣнникъ, капитанъ Карлъ Яганъ фонъ Меллеренъ. Декабря въ 9-й день 1715 году.

Сверхъ сдѣланнаго выше рукоприкладства (Русскимъ писцомъ) просьбу подписалъ: „Carell Johan von Müller."

(Моск. Отд. Общ. Арх. Гл. Шт. оп. 3, св. 25, № 27.)

ЗАПИСОЧКИ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ.

1.

Не по красотѣ, не по уму, еще менѣе по знанію и по опрятности тѣлесной, представляешь человѣка въ армію въ инспекторы. Онъ же столь взбалмошной, что болѣе двухъ мѣсяцевъ по городу хвастается, что онъ тебя поймалъ и за носъ водитъ, сбираясь въ гофмаршалы: ибо дуракъ сей столь лѣнивъ, что кромѣ ѣды да пѣтуховой драки и въ головѣ ничто не помѣщается. По богатству своему онъ ни къ чему не прилежитъ и ни въ чемъ думаетъ, что и нужды не имѣетъ. Онъ тебѣ чести въ арміи не принесетъ. Несчастлива бы армія была, ежели въ ней не найдется единый человѣкъ достойнѣе того глупца. Позволь сказать, что рожа жены его, какова ни есть, не стоитъ того, чтобъ ты себя обременялъ такимъ человѣкомъ, которой въ короткое время тебѣ будетъ въ тягость. Тутъ же не возьмешь ничего: car madame est charmante; mais on ne gagne pas la moindre chose en lui faisant la cour. C'est une chose reconnue, et une famille immense veille à sa réputation. Ainsi il se pourroit encore que vous resteriez chargé du mari qui est vraiment une charge et une charge lourdre, sans attirer personne à sa suite que lui-même [1]). Ты самъ знаешь, что богачи у насъ рѣдко

[1]) Ибо мадамъ красотка, но ничего не сдѣлаешь, волочась за нею. Это дѣло извѣстное. Многочисленная родня смотритъ за ея репутаціей. Такимъ образомъ можетъ еще случиться, что ты останешься только обремененъ супругомъ (который по истинѣ есть тяжкое бремя) не получивъ вслѣдъ за нимъ никого.

прилежать къ чему, а сей гордъ и пышенъ, но при дворѣ весьма рядовой камеръ-юнкеръ съ богатымъ кафтаномъ по праздникамъ. Mon ami, je suis accoutumée a vous dire la vérité. Vous me la dites aussi, quand l'occasion s'en présente. Faites moi le plaisir pour cette charge d'en choisir un plus propre pour la chose et qui sache le service, afin que l'approbation du public et celle de l'armée couronne votre choix et ma nomination. J'aime à vous faire plaisir, je n'aime pas non plus à vous refuser; mais je voudrois que pour une place pareille tout le monde dise: voilà un bon choix et non pas un misérable choix d'un homme qui n'a pas l'idée de ce à quoi on veut l'employer. Faites la paix, après quoi vous viendrez ici vous amuser, tant qu'il vous plaira [2]). Извини меня, ежели скажу, что и мужъ и жена тебя обманываютъ. Я знаю, что ты сіе не любишь; но остеречь тебя не можетъ быть иное, окромѣ слово лишнее. Письмо же сіе издери по прочтеніи.

2.

Дурака заставь Бога молиться, онъ лобъ расшибетъ. Господинъ Крузъ думаетъ не кораблями, но самъ собою бить Шведовъ. На пакетъ-ботѣ ѣдитъ, а корабли оставилъ позади. Онъ же поста Паркелаутскаго обезсиливаетъ. Чтó изъ этой конфузіи выйдетъ, Богъ вѣсть, естьли онъ смѣненъ не будетъ.

3.

Мнѣ лучше нравится дефенсива, нежели офенсива. Сія послѣдняя требуетъ много точности и подробности, паче же отъ водянова или морскаго подвоза: сіе почти что требовать невозможно. Да сверхъ того, входя въ Финляндію, Финнамъ будетъ въ тягость, а теперь они насъ менажируютъ. Остаться въ дефенсивѣ, дондеже завѣрно полагать можно будетъ, что офенсива полезнѣе дефенсивы для насъ.

(*Сообщено въ 1864 году В. И. Ламанскимъ*).

---

[2]) Другъ мой, я привыкла говорить тебѣ правду; ты также говоришь мнѣ ее, когда представляется случай. Сдѣлай мнѣ удовольствіе, выбери въ эту должность кого нибудь пригоднѣе, кто бы зналъ службу, такъ чтобы твой выборъ и мое опредѣленіе увѣнчались одобреніемъ публики и арміи. Я люблю дѣлать тебѣ пріятное; равно не люблю тебѣ отказывать; но мнѣ хотѣлось бы, чтобы про человѣка, получившаго подобное мѣсто, всѣ говорили: вотъ хорошій выборъ! А не толковали бы, что выбранъ человѣкъ, не имѣющій понятія о должности, въ которую его хотятъ употребить. Устроивай миръ, послѣ чего пріѣдешь сюда и будешь веселиться, сколько угодно.

СТАРИННОЕ ОСТРОСЛОВІЕ.

ПРОШЕНІЕ ВЪ НЕБЕСНУЮ КАНЦЕЛЯРІЮ.

Всепресвѣтлѣйшій и милостивѣйшій Творецъ,
Создателю небесъ и всея твари Отецъ!

Просятъ слезно нижайшія твари,
Экономическіе крестьяне.
О чемъ наше прошеніе, тому слѣдуютъ пункты.

1.

Не было въ сердцахъ нашихъ боли, когда не раздѣлены были на волостныя доли, и всякому крестьянину была свобода какъ управлялъ нами воевода: тогда съ каждаго жила по копѣйки съ души сходило, а нынѣ головы и земскіе для насъ мучители мерзкіе.

2.

Какъ извѣстно нынѣ всему свѣту, что отъ секретаря и приказныхъ житья намъ нѣту; по ихъ наукѣ сотскіе воры поминутно дѣлаютъ поборы: поступаютъ съ нами безчестно, чего не слыхано было вѣчно. Прогнѣвали Тебя, небеснаго Царя, что такого имѣемъ секретаря; разорилъ онъ насъ въ конецъ, не оставилъ ни курицъ, ни овецъ. Прежде тиранили, ненавидя христіянской вѣры, а нынѣ мучатъ безъ мѣры. Какъ не дашь изъ дому весь свой доходъ, который ожидаемъ на секретарскій расходъ.

3.

Суди, Владыко, по человѣчеству: какіе мы слуги Отечеству? До такой крайности дошли, что нечѣмъ одѣться, не только въ праздничный день разговѣться; работаемъ и трудимся до поту лица, не съѣдимъ въ Христовъ день куринаго яйца; ѣдимъ мякину вмѣстѣ съ лошадьми; какими жъ мы уже можемъ назваться людьми? Стали убоги мы, нищи, что не имѣемъ насущной пищи, кромѣ иной какъ мякины свиной, и за тою присылаютъ отъ разныхъ секретарей и приказныхъ.

4.

А паче всѣмъ народомъ вопіемъ къ Тебѣ, Царю: за что такая власть дана секретарю? Самъ и его приказные дѣлаютъ потѣхи разныя: для своихъ шутокъ щупаютъ нарочно и ловятъ утокъ; въ работу сѣнокосную чинятъ намъ обиду несносную; а осенью, когда утки хороши, дѣлаютъ для нихъ шалаши и таскаются цѣлой день пò лѣсу: не стало у насъ отъ крику голосу.

5.

Дошло уже, нечѣмъ истопить избенки; замучены отъ секретаря и лошаденки; никакой нѣтъ милости и свободы; для всякаго особливыя подводы; жены наши и ребятишки на себѣ таскаютъ дровнишки; а кто имѣетъ жизнь горькую, за тѣмъ отстаетъ тотъ хлѣба уборкою. А какъ настанетъ зимній путь, то всякій изъ насъ готовъ будь, какъ уже на мірскомъ сходѣ легло на брата по подводѣ, вывезть по сажени дровъ на секретарскій дворъ, даже въ деревняхъ — и приказнымъ. Нѣтъ времени быть празднымъ.

6.

А какъ придетъ весна, то жены наши станутъ ткать краснà; съ каждаго домишку по полупуду выходитъ льнишку. А сверхъ того для ихъ чести по фунту дадимъ овечьей шерсти, по мотку съ двора нитокъ, какой ни былъ бы пожитокъ. А на такого тирана извѣстнаго рѣшились трудить Тебя, Царя небеснаго.

7.

Всепресвѣтлѣйшій Владыко! Просимъ слезно, простирая руки: воззри на насъ, какъ нынѣ страждутъ Адамовы внуки. Не имѣемъ тягости отъ земнаго Царя, а обнищали и разорились въ конецъ отъ земскаго секретаря.

Загробное опровержевіе.—Письма Жуковскаго о воспитаніи Государя Императора Александра Николаевича.—Письмо жениха-Пушкина къ его тещѣ.—Политическія записки Ѳ. И. Тютчева. — Записки графа П. Х. Граббе. — Записки Н. И. Греча. — Записки графа І. И. Ростовцева. — Записки И. П. Сахарова. — Записки И. А. Шестакова. — Мицкевичь о Пушкинѣ. — Анти-ципринусъ, и пр.). Цѣна 4 рубля.

1873 ГОДЪ. *Книга вторая* (Печать Антихриста.—Записки Фокерода о Петрѣ Великомъ—Письма императрицы Анны.—Бумаги П. А. Демидова.—Е. И. Нелидова. —Донесенія изъ Франціи графа А. И. Маркова. — Записки о 1812 годѣ, П. А. Тучкова. — Записки Фотія. — Записки А. Я. Стороженки. — Воспоминанія графини А. Д. Блудовой.—Россія и Германія, статья Ѳ. И. Тютчева.—Замѣчанія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича на сочиненіе г-на Берга о Польскихъ заговорахъ.—Письма Вука Караджича о Вѣнской революціи 1848 года.—Жизнь Г. С. Карелина. — Выдержки изъ старой записной книжки. — Пренія о Славянофилахъ Э. А. Мамонова и И. С. Аксакова, и пр.). Цѣна 4 рубля.

ПЕРЕСЫЛКА КАЖДОЙ КНИГИ ЗА ТРИ ФУНТА, СМОТРЯ ПО РАЗСТОЯНІЯМЪ. ВЫПИСЫВАЮЩІЕ НЕ МЕНѢЕ ДВУХЪ КНИГЪ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ НИЧЕГО НЕ ПРИЛАГАЮТЪ.

Печатается восьмая книга Архива князя Воронцова (автобіографія графа С. Р. Воронцова и переписка его съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ).

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ
1876 ГОДА

(ГОДЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ).

ВЪ СОСТАВЪ РУССКАГО АРХИВА ВХОДЯТЪ:

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

РУССКІЙ АРХИВЪ ВЫХОДИТЪ ДВѢНАДЦАТЬЮ ТЕТРАДЯМИ ВЪ ГОДЪ, ПО МѢРѢ ОТПЕЧАТАНІЯ.

Тетради Русскаго Архива составятъ въ 1876 году

ТРИ БОЛЬШІЕ ТОМА

каждый съ особымъ указателемъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1876 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ.

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1876 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву на Никитскій бульваръ, въ домъ Дюгамеля (близь церкви Св. Ѳеодора Студита), издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу.* Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева.*

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ можно получать полныя изданія Русскаго Архива 1871, 1872, 1873 и 1874 годовъ, по двѣ большія книги въ каждомъ году.

Прежніе годы Русскаго Архива (т. е. 1863—1871) можно получать въ С.-Петербургѣ, на Большой Садовой, у книгопродавца Вагано́ва.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

Заграничные подписчики къ вышеозначеннымъ цѣнамъ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р., для Швейцаріи и Италіи **2** р. **50** к.

Составитель и издатель Русскаго Архива Петръ Бартеневъ.